

ГЕНРИ КАТТНЕР

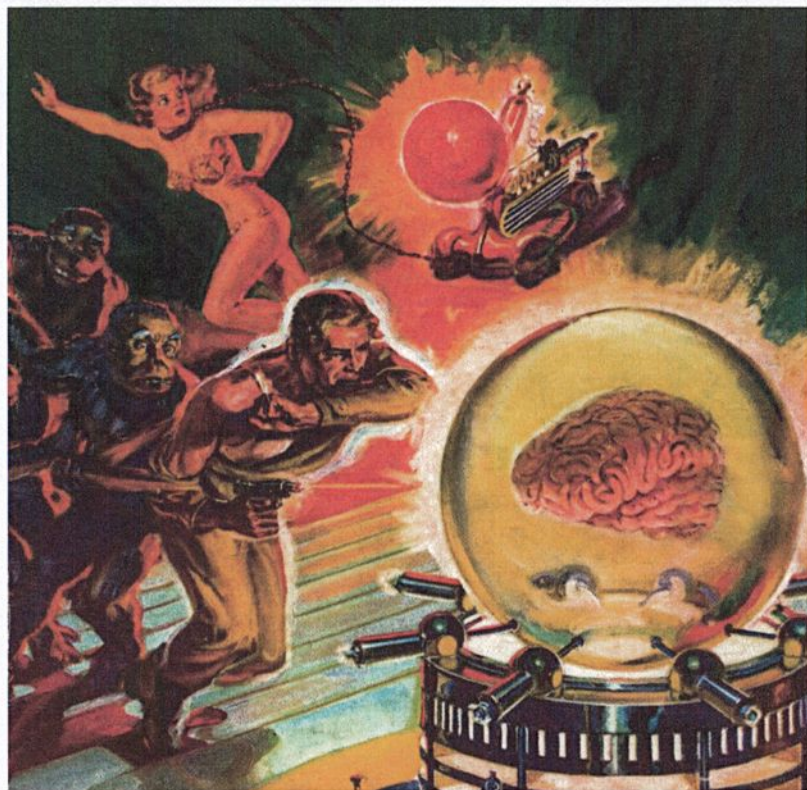
Приложение БААКФ

МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

Генри Каттнер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»

2018

БААКФ-приложение 12 (2018)

Клубное издание

МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА. Генри Каттнер.

Сборник фантастики.

(а.л.: 10,03)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

"SURVIVAL" COMPLETE 50,000 WORD NOVEL OF
PROPHETIC SCIENCE FICTION BY **ARTHUR J. BURKS**

MARVEL

15¢

AUGUST

SCIENCE STORIES

2 COMPLETE
NOVELS
plus
SHORT STORIES

RED CIRCLE
MAGAZINE

**AVENGEERS of
SPACE**
thrilling science novel

HENRY KUTTNER

МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

ГЛАВА I. В ПУСТОТУ

ТЕРРИ ШОН встревожился. Репортер обещал приехать еще несколько часов назад. В соответствии с давно составленными планами, «Орел» должен был отправиться в первое путешествие в шесть часов вечера, стартовав из безлюдной аризонской долины, — но это время уже давно прошло. Узкое, загорелое лицо Шона сердито хмурилось в холодном блеске дуговых ламп, пока он ходил туда-сюда, размахивая руками, чтобы согреться.

Внезапно он замер, шагнул в темноту и приложил руку козырьком к глазам. Вдалеке показались фары автомобиля... нет, сразу нескольких машин, несущихся по дороге в долину. Что-то проворчав, Шон направился в огромный ангар, возвышающийся неподалеку.

— Приготовьтесь, парни! — распахнув пинком дверь, закричал он. — Он сейчас придет.

Внутри ангара блестел металлический шар под названием «Орел», первый в истории человечества космический корабль. В него были вложены месяцы сложных расчетов, планирования и строительства, все это стало результатом нескольких лет экспериментов с атомной физикой. Из люка свисала веревочная лестница, по ней спустился низенький человек, ловкий, как обезьяна. Он грыз мундштук потемневшей курительной трубки, выдыхая клубы вредного дыма. Это был известный физик Сэм Хеффли, открывший Шону мир науки.

— Почти вовремя, — направившись к двери, буркнул он. — Неужели нам пришлось настолько задержать старт из-за этого вшивого репортера?

— Нам пришлось выполнить свою часть сделки, — мрачно заметил Шон. — Видит Бог, мы не справились бы без денег, предоставленных «Трибуной». На постройку «Орла» ушло много средств. Я несколько недель пытался убедить издателя, что в наш проект будет выгодно вложить деньги.

Хеффли подошел к выходу из ангара и заглянул в темноту.

— Что ж, он действительно поступил мудро. Договор весьма суровый. Пятнадцать процентов от всей прибыли.

— Я от души посмеюсь, если мы ничего не заработаем, — улыбнулся Шон.

AVENGERS OF SPACE

Thrilling, Feature-Length, Future-Science

NOVEL by HENRY KUTTNER

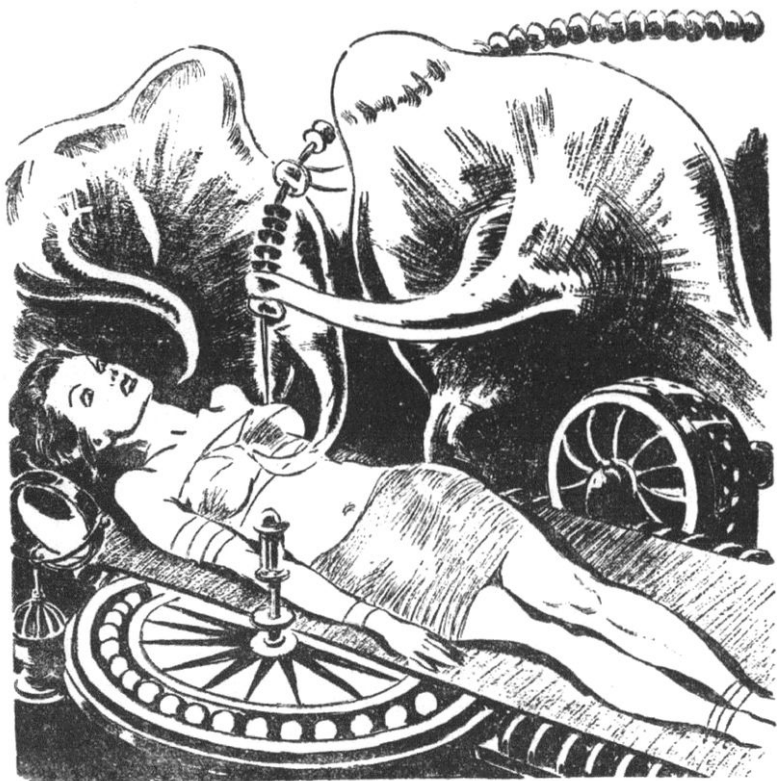
— Заработаем, не переживай. Луна — девственная территория, целый новый мир, полный драгоценных минералов. У нас будет золото, серебро, а также, могу поспорить, изумруды, рубины и все остальное. Мы станем богачами!

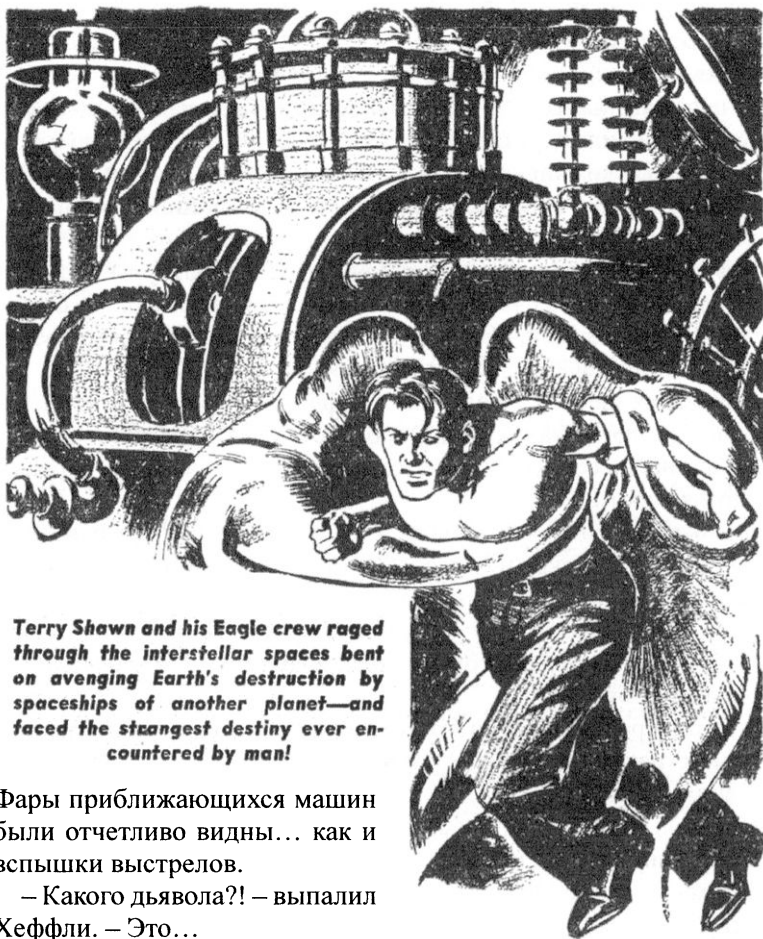
Хеффли выудил из кармана спички и разжег потухшую трубку.

— **ПОДОЖДИ-КА!** — воскликнул Шон и прислушался.

Донеслись приглушенные хлопки выстрелов.

Шон не стал терять ни секунды. Он подскочил к пульту управления за дверью и дернул рычаги. Яркий свет дуговых ламп погас.

Terry Shawn and his Eagle crew raged through the interstellar spaces bent on avenging Earth's destruction by spaceships of another planet—and faced the strangest destiny ever encountered by man!

The pseudopods that gripped Shawn's arms tightened. He had to watch while the ruler brought the needle down.

Фары приближающихся машин были отчетливо видны... как и вспышки выстрелов.

— Какого дьявола?! — выпалил Хеффли. — Это...

— Могу поспорить, парни из «Международной энергии». — На узком лице Шона застыла мрачная улыбка.

Высокая, мускулистая боевая машина, которой являлось его тело, пришла в действие.

— Пит! — закричал он. — Хукер!

Подбежав к ближайшей стойке с оружием, Шон схватил винтовку и пистолет.

В открытом люке «Орла» показались два лица — Хукер Флинна, бывшего боксера с глупым лицом, больше похожего на гориллу, чем на человека, и Пита Троста с красивым, смуглым лицом, как

у кинозвезды, а также холодным, как полированная бериллиевая сталь, рассудком.

— В чем дело, Терри? — прохрипел Хукер Флинн.

— У нас незваные гости, — крикнул Шон. — Запускайте двигатели. Похоже, нам придется взлетать в спешке. Я не знаю, сколько их...

Обе головы скрылись в корабле, Шон подошел к двери. Рядом с ним стоял Хеффли, вооруженный и нервно пыхтящий трубкой.

Грохот выстрелов стал громче. Рев двигателей разрезал ночь. Лучи фар одной машины на секунду высветили фигуры будущих космонавтов. Затем из темноты внезапно вырвался черный седан. Его тормоза завизжали, машина развернулась на девяносто градусов и опрокинулась. Послышался треск стекол.

— Оставайся здесь, — велел Шон Хеффли и выбежал из ангара. Он остановился, когда над головой просвистела пуля. Появилась еще одна машина, на ее подножках стояли вооруженные люди, держась за полозья на крыше.

Шон быстро поднял винтовку и выстрелил. Один из бандитов вскрикнул, разжал руку и сорвался с подножки. Его темная фигура прокатилась метров двадцать по пыли и больше не шевелилась. Машина резко повернула и умчалась во мрак. Увидев, что за разбитым стеклом перевернутого седана шевелится чья-то рука, Шон подбежал к нему.

Он посмотрел вниз, на него уставилось бледное лицо с наполненными страхом голубыми глазами.

— Сейчас, — сказал Шон, снял с себя куртку и обмотал ей руку.

Он начал было убирать острые обломки стекла, торчащие из рамы, но крик Хеффли заставил его передумать.

— Быстрее, Терри! Они уже близко...

Раздался грохот выстрелов. Шон бросил куртку на разбитое стекло и схватил руки, тянущиеся к нему. Вытащив того, кто был в машине, он с удивлением понял, что это девушка, рыжие волосы которой жутко растрепаны.

Торчащие обломки стекла разрезали платье девушки, практически сорвав его со стройного тела. Шон секунду чувствовал, как к его щеке прижимается теплая, упругая, полуобнаженная грудь. Даже в такой момент кровь бешено застучала у него в висках от близости привлекательной девушки, а ее ароматные духи перебили все остальные запахи. У Шона пересохло в горле, а пульс участился от прикосновений к округлому, дрожащему телу. Казалось, он мог думать только о красоте девушки и том, что ему еще не доводилось испытывать подобные ощущения.

Она выскользнула из рук спасителя и уставилась на него перепуганными глазами. Шон затаил дыхание. Ночной ветер немного охладил его вспотевшее лицо. Затем он глянул вниз и шепотом выругался.

В машине остался еще один человек. Шон наклонился, чтобы вытащить его, но девушка помешала ему это сделать.

— Мак погиб. Пуля попала ему прямо в голову. Я была за рулем...

— Терри! — в голосе Хеффли послышалась паника. — *Терри!*

Темные фигуры с мрачной решимостью на лицах мчались к Шону со всех сторон. Некоторые уже были между ним и ангаром. Губы Шона искривились в злобной ухмылке. Нападающие решили не стрелять — рассчитывая на численное превосходство. Что ж, сами виноваты.

— Держись за мной. Идем! — шепотом велел Шон.

ОН МОЛЧА бросился вперед, слыша за собой частые шаги девушки. В следующую секунду он оказался в окружении рычащих, ругающихся мужчин, которых привел в замешательство неожиданный ход Шона. Кто-то замахнулся рукояткой пистолета по голове Шона. Он отпрянул в сторону и почувствовал, как острая боль пронзила плечо. Затем он принялся махать кулаками, нанося пушечные удары и не переставая пробиваться через толпу нападавших.

Внезапно все огни погасли. В тусклом звездном свете было невозможно отличить врага от друга. Но Шон сумел разглядеть маленькую тень девушки и ринулся к ней, оттолкнув кого-то в сторону.

— Стреляй! — завопил кто-то. — Не дай ему уйти! Стреляй, черт подери!

Но метко стрелять, не видя цель, весьма непросто. Шон почувствовал в ладони теплую руку. Девушка вскрикнула, и тени тут же бросились к ней. Однако, Шон схватил ее стройное тело и, перекинув через плечо, как свернутый ковер, со всех ног побежал к ангару, пригнув голову. Он видел крошечную красную точку, похожую на мерцающий уголек. Вырубив лампы, Хеффли, использовал светящиеся трубочки, чтобы показать, где находится дверь.

Шон мчался к низкой фигуре в дверном проеме, слыша пронзительный, но тихий голос Хеффли, отдающего приказы. Он вбежал в ангар.

— Запри дверь!

Хеффли подчинился, подошел к рубильнику и включил лампы. Ангар залило ярким светом. Хукер Флинн уже спустился до середины веревочной лестницы, свисающей из люка «Орла». В огромной волосатой ручище он держал дубинку.

– Ты цел, босс? – прохрипел бывший боксер.

– Я же велел тебе запускать двигателя! – выпалил Шон.

Полудетая девушка уже высвободилась из его хватки и пыталась отдышаться, стоя в порванном платье, напоминающая статую из слоновой кости. Хеффли запер дверь. В следующую секунду в нее начали колотить.

– Двигатели уже давно работают, – сказал Флинн. – А что это за убудочки?

В этот момент громыхнул выстрел, и от двери отлетели щепки.

– Надо подниматься на корабль, – резко сказал Шон. – Пойдем, сестренка! – Он посадил девушку, и она с трудом поднялась, сверкая изящными лодыжками и белоснежными округлыми бедрами. – Ты тоже, Сэм.

Хеффли послушно забрался в корабль, и Шон полез по лестнице, когда загревели выстрелы. Дверь в ангар распахнулась. Ворвавшиеся громко ругались и бросались угрозами. Шон увидел, как ноги Хеффли исчезли в корабле, и отчаянно рванулс вверх. Пули свистели вокруг него, со стуком ударяясь в металлический корпус.

Но Шону все-таки удалось забраться в «Орел» и закрыть за собой дверцу люка. Шум выстрелов и крики нападавших уступили место тишине, нарушаемой только глубоким, утробным бормотанием двигателей.

Хеффли запер люк. Они с Шоном все еще находились в крошечном отсеке, где едва хватало место стоять прямо, – в шлюзе.

Напротив люка открылась дверца, и Шон прошел дальше. Хеффли последовал за ним.

Они оказались в рубке «Орла», в лабиринте сложных приборов, стены, пол и потолок которого, казалось, были сделаны из покрытого инеем стекла, но в действительности к ним просто крепились экраны, позволяющие Шону как бы видеть сквозь стены корабля. Он нажал рычаг. Заледеневшее стекло стало прозрачнее, и экипаж выглянул в ангар через прозрачные панели. Нападавшие окружили корабль, нерешительно стоя отдельными группами. Всего их было не меньше двенадцати.

Шон глянул на девушку, свернувшуюся клубком в кресле, и представился.

– Мистер Шон! Они преследовали нас километров десять... постоянно стреляя. Я...

– Так ты из «Трибуны»?

Шон уставился на девушку и снова почувствовал странное волнение, охватившее его, когда он держал ее в руках во время схватки с бандитами. Затем она стала едва видимой тенью в темноте. Сей-

час искусственный свет ярко осветил ее лицо и фигуру. Она определенно красивая, понял Шон. Упругие, бледные выпуклости облегал кружевной бюстгальтер — единственное, что на ней было выше талии, поскольку платье превратилось в лохмотья — а через оставшиеся клочки виднелись молочно белые бедра.

ШОН СНОВА понял, что у него вдруг пересохло в горле, а сердце застучало, как отбойный молоток. Ее аккуратная фигурка сводила с ума и обещала удивительное наслаждение...

Девушка невольно сжалась на кресле, подняла руки, чтобы закрыть наготу, а на красивом овальном лице появился румянец. Шон заставил себя отвернуться.

— Так ты из «Трибуны»? — повторил Шон.

— Да, — тихонько ответила девушка. — Мак должен был полететь с вами — я везла его сюда. Затем эти люди... вы знаете, кто они такие?

— Догадаться несложно, — потеряв трубкой морщинистую щеку, ответил Хеффли. — «Международная энергия». Они уже несколько месяцев пытаются разузнать наш секрет антигравитации. Вначале они хотели его купить, но мы отказались. Это совершенно беспринципные и бесчестные грабители сегодняшней Америки.

— Да, — подтвердил Шон. — Они уже напали на нас. Но я нанял вооруженную охрану. Перед наступлением ночи я отпустил ее. Если бы вы не опоздали... ладно, не будем об этом.

— У нас сломалась машина, — объяснила девушка. — Пришлось искать другую. Кстати, меня зовут Лорна Рэнд. Я из «Трибуны».

— Рад познакомиться, — проворчал Шон. — Предположим... я догадываюсь, что эти бандиты хотели сделать. Вероятно, собирались убрать вас с дороги, затем послать к нам одного из своих людей под прикрытием журналиста из «Трибуны». Таким образом, у них появился бы шпион на борту «Орла», который смог бы выведать у нас нужную информацию.

— Кажется, ты прав, — сказал Хеффли. — Но нам нельзя задерживаться. У этих ребят динамит!

Шон уставился на стены с экранами. Бандиты закладывали под кораблем маленькие цилиндры, заваливая их камнями и землей с улицы.

— «Орел», возможно, выдержит взрыв, но я совсем не уверен в этом, — заметил Шон. — Пора взлетать.

Он включил радиосвязь и что-то спросил. Из динамика донесся тихий голос.

Шон взглянул на Лорну Рэнд.

– Мы высадим тебя рядом с городом, издательство пришлет другого репортера. А сейчас...

– Быстрее! – предупредил Хеффли.

Пальцы Шона замелькали над пультом управления. В следующую секунду ангар и бандиты, закладывающие взрывчатку... исчезли!

Невыносимое давление прижало Шона к полу.

– Слишком много тяги! – услышал он крик Хеффли. – Убавь мощность, Терри – быстрее!

Шон пытался стоять прямо у пульта управления, борясь с огромным весом, давящим на все его тело. Хеффли опустился на четвереньки, его лицо побелело, и он устался в пол. Девушка сползла с кресла на пол. Прозрачные стены залило белым огнем.

Они превратились в сверкающий водоворот. У Шона все плыло перед глазами. Он отчаянно боролся с неумолимой силой, понимая, что компенсирующее гравитационное поле внутри корабля, нужное, чтобы избежать опасностей мощного ускорения, по какой-то причине не включилось.

Казалось, мозг Шона распух и начал страшно давить на череп. Он постепенно сползал на пол, пытаясь дотянуться до рычага пальцами, и все-таки смог коснуться холодного бакелита...

Затем из последних сил дернул рычаг ...

И погрузился в черную бездну, потеряв сознание, а теперь уже неуправляемый «Орел» понесся в межпланетную пустоту, рассекая безвоздушное пространство между мирами, чтобы столкнуться с самым странным, что когда-либо доводилось видеть человеку!

ГЛАВА II. ПОТЕРЯННАЯ ПЛАНЕТА

ШОН очнулся с пульсирующей головной болью и секунду лежал, тупо глядя на черный потолок, усеянный ослепительными огоньками далеких звезд. Гравитация пришла в норму. Он с трудом поднялся, затем услышал стон Хеффли и вздох Лорны.

Низенький физик встал на ноги и поморгал, пока Шон медленно шагал к пульту управления, чтобы нажать пару кнопок.

– Терри, – прошептал Хеффли. – Мы в космосе. Компенсатор...

– Мы не учили первоначальное ускорение. Или, скорее, не учили его должным образом, Сэм. Больше такого не повторится.

– О, боги, какие же мощные у нас двигатели, – сказал Хеффли. – Только взгляните! – Он указал вниз.

На экранах в полу где-то далеко внизу виднелись два гигантских шара, медленно вращающихся в космосе и окруженных бледным свечением. Земля и Луна, оставшиеся далеко позади после включения антигравитатора.

— Ты знаешь, насколько мы улетели сейчас от Земли? — с изумлением спросил Шон. — Я не знаю, сколько я пролежал без сознания... но мы проделали путь в пятьсот тысяч километров и уже находимся далеко за орбитой Луны!

В рубку вошли Хукер Флинн и Пит Трост, бледные и уставшие. Шон объяснил, что произошло. Мрачное лицо Флинна выразило полное непонимание.

— Боже, и что дальше, босс? — прохрипел он. — Назад на Луну, да?

— Кажется, это лучший вариант, — ответил Шон, и астроном Трост кивнул.

— Да, но, чтобы вернуться, нам придется пролететь по дуге прямо через открытый космос. Пожалуй, сначала я займусь компенсаторами. — Достав из кармана роговые очки, он надел их и близоруко поморгал. — Кто эта девушка, Терри?

Шон представил гостью.

— Мы не можем заставлять тебя лететь с нами на Луну, — сказал он Лорне. — Это слишком опасно. Надо вернуться на Землю и посадить тебя...

Крик Хеффли остановил его. Коротышка уставился вниз с округлившимися глазами, показывая на что-то пальцем. Шон замолчал, не закончив фразу, потому что его обвили щупальца страха. На экране под ногами происходило нечто... невероятное!

Земля быстро уменьшалась! Яркий голубой свет уступил место холодному блеску зеленоватого огня. Окруженная изумрудным свечением Земля отдалялась, сморщивалась. А ее примеру следовала Луна.

— Мы набираем скорость... — сообщил Хеффли.

— Нет! — взглянув на приборы, возразил Шон. — Нет, мы практически не двигаемся. Это Земля улетает.

Он снова посмотрел вниз. Планета отдалялась как-то очень странно. Казалось, она несется с огромной скоростью, но в то же время Шона преследовало необъяснимое чувство, что Земля не двигается, а просто уменьшается, охваченная загадочным зеленым пламенем.

Вскоре она стала размером с апельсин, а Луна — маленькой точкой. Шон внезапно ощутил странное покалывание, затем корабль подозрительно закачался и содрогнулся, а корпус заскрипел от напряжения. Гравитация на секунду исчезла, Шон почувствовал, что

парит в воздухе, и какая-то непонятная сила засасывает «Орел» в космический водоворот. Короткое мгновение в рубке бушевал вихрь извивающихся, машущих рук. Лорна завопила, Флинн громко выругался. Микроскопические иголки словно кололи все частички тела Шона...

Потом это ощущение прошло. Необъяснимая сила перестала действовать на корабль. Экипаж с трудом поднялся на ноги и отдышался. Лорна первой сделала удивительное открытие.

Она указала вниз и выкрикнула что-то неразборчивое. Хеффли посмотрел в ту же сторону и ахнул.

— Земля! Терри... гляди...

ИЗУМЛЕНИЕ молнией пронзило Шона. Под ногами виднелась космическая темнота, усеянная миллионами ярких точек, но там, где висела Земля с Луной, ничего не было. Планета вместе с единственным спутником бесследно исчезла.

Нет... не бесследно. Шон присмотрелся. Затем резко развернулся и шепотом выругался.

— Телескоп, Сэм!

Он начал поворачивать длинную трубу. Хеффли помогал ему, пока телескоп не был направлен на то место, где прежде светился шар Земли. На экране мгновенно появилось какое-то облако. Золотистое облако...

— Космические корабли! — воскликнул Хукер Флинн. — Как «Орел», да?

Он оказался прав. Там, где совсем недавно вращалась по орбите Земля, теперь был могучий флот межпланетных кораблей торпедообразной формы цвета солнца, преодолевающих бесконечные километры космоса. Инопланетные корабли возвращались в темную бездну.

— Кажется, Земля и Луна уничтожены, — поправив очки, мрачно заметил Трост. — И, судя по всему, виновник всему именно этот флот. — Его пронизательные глаза светились, как два уголька.

— Это невозможно! — прошептал Хеффли. — Уничтожить... целую планету! Ничего не осталось...

— Мы же сами все видели, — сказал Трост, не оставляя места для возражений. — Терри, что ты делаешь?

Шон нажимал кнопки и дергал рычаги.

— Мы полетим за этими кораблями, — сказал он с сердитой ухмылкой на мрачном лице. — Ты прав, Пит. Землю уничтожили. У нас нет оружия, способного на такое, но обитатели других планет... ну, они

вполне могли развить атомную науку до такой степени, чтобы это стало возможным. Может, это нечто вроде ультраионизации.

«Орел» помчался в космическую пустоту. Золотистый флот на экране быстро уменьшался. Шон увеличил скорость.

Но это оказалось бесполезным. Инопланетные корабли продолжали отрываться от погони. Шон отошел от пульта управления только тогда, когда они исчезли с экрана телескопа, потерявшись в бесконечном пространстве. Он молча пожал плечами.

Именно сейчас экипаж «Орла» внезапно понял значение происшедшего. В их головах крутились тысячи мыслей: о жизни на Земле, о тех, кого они знали и любили, о надеждах, чаяниях и желаниях... всему этому пришел конец, как и родной планете.

— Мы должны были погибнуть вместе с Землей, — сказал Хеффли с перекошенным от скорби лицом.

— Боже, это... это невозможно.

— Теперь мы космические беженцы, — кисло улыбнувшись, сказал Трост.

— Послушайте... вы что, хотите сказать, Земли больше нет? — схватив Шона за руку железными пальцами, спросил Флинн. — И Фриско тоже? Неужели...

— Фриско, Нью-Йорк, Тимбукту — всей планеты, Хукер, — ответил Шон и взглянул на Лорну, тщетно вытирающую глаза кружевным обрывком платья. — Вопрос в том, что делать дальше?

Трост первым высказал мысль, пришедшую в голову всем.

— Нас пятеро, — протерев очки, важно сказал он. — Мы единственные представители земной цивилизации. Разумеется, мы можем бегать и прятаться, разыскивая планету, которая приютит нас. Но всегда останется возможность того, что золотистый флот обнаружит нас и уничтожит. Почти все, кого я знал и любил, погибли вместе с Землей. Мстить — дело грешное, но я все же предлагаю показать, чего мы стоим. Что скажете? — Эти дерзкие слова не совсем соответствовали горькой ярости в холодных глазах астронома.

— Он прав! — прорычал Флинн. — Боже, у нас же есть оружие! Пора им воспользоваться.

Хеффли ничего не сказал, но согласно кивнул.

— Я надеюсь, вы все понимаете, что это самоубийство, — добавил Шон. — Возможно, нам удастся уничтожить пару золотистых кораблей, но...

— Это лучше, чем ничего, — пробормотал Трост.

— Кем бы ни были эти инопланетяне, — заговорил Хеффли, — это не значит, что они гораздо умнее нас. У нас есть наследие, Терри...

наследие тысячелетней цивилизации. Возможно, мы гораздо сильнее, чем ты думаешь.

— **А ТЫ ЧТО** думаешь, Лорна? — повернувшись к девушке, спросил Шон.

Она медленно поднялась на ноги, и стало видно, как дрожит ее стройное, белоснежное тело, едва прикрытое порванным платьем.

— Мы будем сражаться! Если мы найдем эти золотистые корабли...

— Я сомневаюсь, что они прилетели извне Солнечной системы, — предположил Трост. — Даже их скорость не позволяет в разумные сроки покрывать межзвездные расстояния. Как мне кажется, судя по направлению, они направляются на Марс или на Сатурн. Юпитер, как и все другие планеты, за исключением Плутона, сейчас с другой стороны.

— Значит, мы полетим на Марс, — решил Шон. — Но сначала надо подготовиться к посадке. Проверь арсенал, Пит. Неизвестно, с какими разумными существами мы там встретимся. Возможно, они окажутся миролюбивыми, а, может, и нет.

Трост кивнул и ушел, а Флинн пошел за ним. Шон передал управление Хеффли и взглянул на Лорну.

— Я попробую найти какую-нибудь одежду, — проворчал он. — А то от твоей мало что осталось. Пойдем со мной.

В шкафике он обнаружил рубашку и брюки цвета хаки. Протянув одежду Лорне, Шон уже собрался выйти из каюты, но вдруг невольно остановился на пороге, когда услышал шорох ткани. Девушка сняла с себя остатки изодранного платья и осталась в одном нижнем белье. Ее белая грудь колыхнулась, когда она наклонилась, чтобы сунуть стройную ножку в штанину брюк.

Шок даже немного задрожал и почувствовал легкую слабость. Лорна являлась воплощением красоты, поэтому пробудила в нем страсть. Не сводя замороженного взгляда с ее идеальной фигуры, он медленно шагнул к ней, когда она натянула брюки на пышные бедра. Затем, стиснув губы, Шон отошел назад, чувствуя, как потеют ладони, бесшумно развернулся и оставил Лорну одну, направившись в рубку к Хеффли. Через несколько минут девушка присоединилась к ним. В мужской одежде ее фигура казалась мальчишеской, но густые рыжие волосы, лежащие на плечах, и красивое лицо быстро развеивали все сомнения.

«Орел» продолжал мчаться, неумолимо приближаясь к красной точке, являющейся Марсом. Шон с мрачным видом стоял рядом с Хеффли, неосознанно сжимая холодную рукоятку пистолета. Тем не менее, он не мог сосредоточиться на уничтожении Земли, по-

сколько из-за близости Лорны учащался его пульс, и он не раз ловил себя на том, что смотрит на ее округлое лицо, обрамленное рыжими локонами...

Равномерно, уверенно, с быстротой, которую экипаж осознавал только благодаря зрению, корабль мчался в сторону Марса.

ГЛАВА III. КРАСНЫЙ МИР СТРАХА

ПОСРЕДИ алой песчаной равнины стоял город, состоящий из куполов, башен и минаретов. «Орел» рассекал разреженный воздух Марса, быстро приближаясь к городу. Однако Шон действовал осторожно. Он посадил корабль километрах в десяти от домов на границе, спрятавшись за низким хребтом.

Хеффли проверил воздух.

— Все в порядке, — сказал он. — Никаких вредных газов. Кислорода меньше, чем на Земле, но дышать можно.

— Какой у нас план? — спросила Лорна.

Шон покачал головой.

— Придумаем по дороге. Если золотистый флот прилетел с Марса, значит, мы на месте. Если нет... — Он указал вверх, — ...будем искать дальше. Пит, ты пойдешь со мной на разведку. Остальные ждите в корабле.

Тяжеловооруженный Трост открыл шлюз.

— Мы постараемся вернуться до заката, — остановившись перед выходом, сказал Шон.

— А что, если не вернетесь? — спросила Лорна.

— Вернемся, — похлопав по пистолету, ухмыльнулся он. — Не волнуйся.

Кивнув, Шон прошел через шлюз и спустился по веревочной лестнице вслед за Тростом. Красивое, словно выточенное из камня лицо астронома со знакомыми очками в роговой оправе казалось неуместным на фоне его простой одежды цвета хаки и инопланетного ландшафта чужой планеты. Шон с Тростом молча направились в сторону города, который видели с воздуха.

В пустыне был не только песок. Гротескные каменные образования, выветренные за десятки тысяч лет и обточенные песчаными бурями, окружали землян со всех сторон. Судя по всему, вода не принимала особого участия в формировании марсианского ландшафта — по крайней мере, ее воздействие являлось очень слабым. Воздух был удивительно сухим, и Шону с Тростом уже не раз приходилось открывать флажки.

Они шли по безлюдной красной пустоши, как вдруг Шон схватил Троста за руку, заставив остановиться.

— Постой, Пит. Тут что-то есть...

— Что? — Трост присмотрелся через очки. — Боже правый!

До их ушей дошел грубый громкий скрежет, словно один лист крупнозернистой наждачной бумаги терли о другой. Звук, казалось, шел из-под земли. Потом пески разверзлись, и из недр поднялось нечто колючее и круглое.

Поначалу Шон не мог осознать невероятные размеры существа, превосходящего величиной слона. Оно медленно вылезло из земли, и через секунду Шон увидел всего жуткого гиганта. Только инопланетный мир способен породить такой ужас.

Это было нечто, похожее на огромного червяка, чудовище с извивающимся, жилистым телом, толщиной с бочку, серым, покрытым жесткими пучками торчащей черной шерсти. Заросшая мехом голова не имела ничего, кроме зияющей пасти с острыми, роговыми краями, способной проглотить целого человека.

У Шона пересохло в горле, он замер, пока чудовище скользило к нему. Трост что-то проскрипел, и Шон пришел в себя. Он вскинул винтовку — мощную полуавтоматическую модель — и нажал на курок, приготовившись к отдаче.

Пуля пробила шкуру чудовища, оставив страшную рану, из которой хлынула желтая сукровица. Но существо лишь поползло еще быстрее, двигаясь практически бесшумно, не считая громкого скрежета.

Шон отскочил в сторону и попытался найти взглядом глаза чудовища. Судя по всему, таких органов у червя не было, видимо, он охотился по запаху или по вибрации. Волна пульсирующей плоти, покрытой жесткими волосами, неслась мимо Шона в считанных сантиметрах от дула винтовки. Он выстрелил еще раз. Как ни странно, раздалось два выстрела. Шон подумал, что Трост тоже пытается убить кошмарное существо.

ЧУДОВИЩЕ РЕЗКО повернулось и сделало круг, невероятно быстрот раскидывая песок. Зияющий костяной клюв нацелился прямо на Шона. От страха у него скрутило желудок. Он выстрелил прямо в пасть твари и отскочил как раз вовремя, но все же почувствовал боковой удар по бедру, сбивший его с ног. Он прокатился по песку, встал и оказался рядом с чудовищем.

Оно билось в агонии, все его тело скручивалось и разматывалось, а из клюва вырывалось пронзительное шипение. Трост жестом подозвал Шона, и тот подбежал к астроному.

— Давай, Терри! Надо уносить ноги!

Трост поморгал за заляпанными грязью очками, с трудом держащимися на носу.

Шон кивнул, и они обошли впадину, в которой трепыхалась тварь.

— Ты случайно не слышал выстрел издалека, пока мы стреляли в червя? — спросил Трост. — Мне показалось, он донесся со стороны «Орла», но, возможно, это громыхнула твоя винтовка.

— Слышал, — ответил Шон. — Я думал, ты помогаешь мне прикончить тварь.

— Нет. Мою винтовку заело. Так ты считаешь...

Они усталились друг на друга.

— Может, все это ничего не значит, — сказал Шон.

— Возможно. Но нам лучше вернуться на корабль. Не стоит рисковать.

Шон кивнул. Они пошли обратно, обходя место, откуда вылез червь, по широкой дуге. От марсианского воздуха у них пересохло в горле, а опаленный красный ландшафт кружился перед глазами. Земляне не смели идти слишком быстро, недостаток кислорода мог стать серьезной помехой и, возможно, даже убить. Поэтому до корабля они добирались довольного долго.

Веревочная лестница все еще свисала из открытого люка.

— Сэм, вы здесь?! — крикнул Шон.

Ответила ему лишь мертвая тишина. Шон осмотрелся и застыл от страха, когда увидел следы на сухой земле. Он молча показал на них Тросту.

Астроном кивнул и вопросительно посмотрел на люк.

— Что думаешь, Терри?

— Оставайся здесь. Прикрой меня, — прошептал Шон и поднялся по лестнице с пистолетом в руке.

Добравшись до люка, он заглянул внутрь. Ничего. Махнув рукой Тросту, Шон забрался в шлюз и открыл внутренний люк.

В этот момент сверкнула сталь, что-то метнулось к его горлу, какое-то закрученное лезвие, находящееся в руках полугололого мускулистого гиганта, вместо лица у которого, как с удивлением успел заметить Шон, был белый, ничего не выражающий череп. Инстинкты спасли Шона — а также то, что он ожидал нападения. Он отпрыгнул в сторону и почувствовал, как лезвие разрезало рубашку. Бок пронзила острая боль.

Прежде чем нападавший успел замахнуться во второй раз, Шон выстрелил. Хрипло завопив от боли, гигант пошатнулся и упал, схватившись за грудь, из которой потекла красная жидкость. Шону

было некогда рассматривать раненого, так как на него напал еще один уродливый широкоплечий воин с таким же ужасным черепом вместо лица и мечом в руке. Враг со смертоносной точностью бросил в землянина меч.

Шон пригнулся и услышал, как сталь звякнула о переборку корабля. Прежде чем он успел выстрелить, воин набросился на него, впившись руками в горло.

От удара Шон упал, стукнулся головой об пол, из-за чего внезапно почувствовал тошноту. У него все поплыло перед глазами. Задышавшись и тщетно царапая страшное лицо, нависшее над ним, он понял, что выронил пистолет.

Шон чувствовал, как быстро слабеет. Он попытался добраться пальцами до глаз убийцы, но тот поднял голову и безумно засмеялся. Перед Шоном открылась черная бездна, лицо-череп марсианина начало быстро уменьшаться...

Раздался выстрел, пальцы, сжимавшие шею Шона, перестали давить. Ему на щеку брызнула теплая, липкая кровь. Отогнав темноту, он сбросил с себя умирающего марсианина и с трудом поднялся на ноги.

РЯДОМ стоял Трост с пистолетом в руке и холодно улыбался.

– Как думаешь, Терри, тут есть еще кто-нибудь? – спросил он.

Хватая ртом воздух, Шон покачал головой.

– Не знаю. Может быть...

– Нет!

Трост развернулся с пистолетом в руке. Марсианин, которому Шон выстрелил в грудь, приподнялся, опираясь на внутренний люк. Лицо-череп уставилось на землян.

– Тут... больше никого нет! – прохрипел человек. – Да проклянет вас Друм! Мы захватили остальных... так легко... нам показалось...

Шон склонился над умирающим.

– Где они?

– Наверное... уже в Каторе.

– В городе поблизости?

Марсианин кивнул, попытался вцепиться в Шона рукой... и умер. Его тело бессильно сползло на пол.

– Терри, – сказал Трост. – Он ведь говорил не по-английски, я прав?

Земляне переглянулись. Шон медленно кивнул.

– Ты подумал о том же, о чем и я? Мы ведь не *слышали* его. Его голос звучал прямо у меня в голове...

— Передача мыслей на расстоянии, — объяснил Трост. — Это хорошо... то, что мы понимаем их.

— Вероятно, они тоже способны нас понять. — Шон нагнулся, повозился с бледным черепом одного из мертвых марсиан и легко отделил его от тела. — Маска. Я так и думал. Это поможет. Пит, надо забрать у них одежду. Если попадем в город, не вызвав подозрения, возможно, выясним, что случилось с Хеффли и остальными.

Трост уже начал раздеваться, и Шон последовал его примеру. Они натянули гибкие зеленые киртлы — куртки из какой-то кожи — и закрепили на поясе странные мечи со спиралевидными клинками.

— Думаю, придется некоторое время носить маску, — с отвращением посмотрев на кровь на ней, сказал Трост и как можно лучше вытер пятно.

— Я не знаю, брать ли нам пистолеты, — задумался Шон. — Для них тут нет места. Черт!

В конце концов, он все же привязал пистолет к бедру под киртлом, и Трост поступил также.

— А теперь пойдем в город. Как он назвал его... Катор? Идем, Пит.

Даже сердитый свет бледного красного солнца не мог развеять мрак, окружающий башни и минареты Катора, возвышающиеся над огромной пустыней. Шон ожидал, что неприятности начнутся прямо у ворот, виднеющихся впереди, но, как ни странно, с входом в город проблем не возникло. Он не мог не размышлять о том, насколько проще или труднее будет покинуть его.

Вход охраняли солдаты, но, окинув беглым взглядом маски землян, они опустили мечи.

— Кажется, только крупным шишкам разрешается носить маски, — оказавшись в городе, прошептал Шон. — Например, жрецам.

— Ты заметил, как похожи они на *людей*? — также тихо спросил Трост. — Это подтверждает теорию Аррениуса — споры жизни переносятся с одной планеты на другую. Возможно, земляне и марсиане произошли от одного предка.

По улицам быстрым шагом ходили скудно одетые мужчины и женщины, также изредка попадались вооруженные воины, явно солдаты. Увидев, как человек в маске-черепе зашел в здание неподалеку, Шон коснулся руки Троста.

— Пойдем за ним. Может, он что-нибудь знает.

Земляне последовали за жрецом — потому что, как позже выяснил Шон, именно таково было положение тех, кто носил маски, — и оказались в помещении, похожем на таверну, наполненную запахами

еды и напитков. Вокруг стояло несколько стульев, десяток человек пили что-то из деревянных кружек. Жреца нигде не было видно.

ШОН НАШЕЛ свободное место в углу, и Трост сел рядом с ним. Вскоре появился толстый луноликий человек, сунул им в руки кружки и ушел, не сказав ни слова. Шон быстро узнал, что нижняя часть маски открывается, и попробовал принесенный напиток.

Это была горькая, крепкая и неприятная на вкус жидкость. Какое-то время подержав кружку у рта, Шон опустил ее, не переставая искать глазами жреца, вошедшего в таверну несколько минут назад. Дверь в противоположном конце, прикрытая занавеской, наводила на мысль о существовании другого выхода.

Шон внезапно напрягся. С улицы что-то вошло – уродливая, покрытая шерстью карикатура на человека, не зверь и не человек, а нечто, сочетающее в себе черты того и другого. У этого существа величиной с человека было обезьянье лицо, светящееся интеллектом, не свойственным какому-либо животному. Белая шерсть покрывала голое тело. Желтые клыки блестели в разинутой пасти, а маленькие красные глаза, сверкающие злобными огоньками, осматривали таверну.

– Осторожнее, Терри, – тихонько сказал Трост. – Я не...

Человек-зверь потащился вперед, насупив белые брови. Из его глотки раздался утробный рев.

Из всех уголков таверны донеслись испуганные шепотки. Люди, замерли и застыли, молча глядя на страшное существо. Тут Шон увидел в дверном проходе жреца в маске, сопровождаемого десятком вооруженных солдат. Его рука поползла к пистолету, привязанному к ноге.

Человек-зверь внезапно подскочил к землянам и яростно заревел. Сморд из его рта ударил Шону в нос. Длинные когтистые лапы с человеческими пальцами потянулись к его шее.

В ту же секунду Шон понял, что пистолет мгновенно выдаст его. Одетый, как марсианин, он еще мог сойти за местного жителя, но, если он выстрелит, то все сразу станет ясно. Поэтому Шон взялся за рукоятку меча.

Человек-зверь медленно повернулся к группе, ждущей у двери, словно хотел что-то сказать. Мысли жреца были такими понятными, как будто он изрек то, что было у него на уме:

– Это те самые люди, Яланг! Взять их!

Бородатый командир солдат с покрытыми шрамами лицом подошел к человеку-зверю и взглянул на Шона холодными черными глазами.

– Отдай меч!

Шон сосредоточился и мысленно задал вопрос марсианину:

– Зачем? Что я сделал?

– Ты... – Командир резко вытянул руку и сорвал маску с лица Шона.

Этого было достаточно. Землянин выхватил пистолет и выстрелил, когда командир бросился на него.

Лицо бородатого превратилось в кровавую массу. Жрец у двери выкрикнул приказ. Солдаты с рычанием помчались на землян, точно свора собак.

В ближнем бою у Шона с Тростом не было ни единого шанса: их безнадежно превосходили числом. Они упали, тщетно стреляя, погребенные под лавиной мускулистой плоти. Шон почувствовал, как пистолет вырвали у него из руки, и принялся отчаянно махать кулаками, чувствуя, как под костяшками пальцев мнется плоть и хрустят кости. Затем кто-то ударил ему по голове чем-то тяжелым, и темнота поглотила его.

ГЛАВА IV. ЧЕРНЫЙ БОГ КАТОРА

ШОН ОЧНУЛСЯ и сразу же ощутил страшную головную боль. Какое-то время он просто лежал, собираясь с силами, пока свет бил на опущенные веки, затем чуть-чуть приоткрыл глаза.

Оказалось, что он лежит на спине в маленькой комнатке с каменным потолком, расписанным картинами, изображающими мужчин и женщин, страдающих в фантастических устройствах для пыток, сатанинских инструментах, о которых средневековая инквизиция даже не мечтала. Шон повернул голову.

У двери сидел охранник, положив меч на колени и не сводя глаз с пленника. Шон мысленно определил, что это за человек: сильный, медлительный, глупый. У противоположной стены лежала какая-то стройная фигура... Лорна Рэнд! Ее округлые груди и другие привлекательные изгибы юного тела были полностью обнаженными! Судя по всему, она была без сознания, а спутанные рыжие волосы закрывали глаза.

Охранник оказался не таким тупым, как показалось Шону. Из бычьей шеи раздался глухой смех.

– Можешь не притворяться, я вижу, что ты не спишь.

– Неужели? – с трудом встав на ноги, спросил Шон, уже почти привыкший к удивительному способу общения. – Тогда скажи мне, почему я здесь.

— Вскоре тебя принесут в жертву Друму. — Охранник сделал странный жест.

Шон заковылял вперед, пошатнулся и чуть не упал. Охранник внимательно смотрел, как пленник опирается на стену.

— Я не... — прошептал Шон.

Затем рванулся вперед.

Он почти застал охранника врасплох... почти. Тот резко встал и поднял меч. Кулак Шона отскочил от бочкообразной груди, и охранник ударил рукояткой меча по незащищенной голове землянина.

Шон зажмурился глаза от ужасной боли. Он вслепую отчаянно боролся с потоком слабости, нахлынувшей на него. А также смутно чувствовал, как тщетно колотит по твердому телу... Перед глазами у него заплескались какие-то огоньки...

Охранник что-то удивленно проворчал, перестал бить Шона по голове, и тот опустился на колени с кружащейся головой. Послышались грубые ругательства. Шон поднял голову.

Лорна висела на спине охранника, голыми руками обхватив бычью шею. Тот уже почти сбросил ее, как вдруг Шон вырвал меч из его огромных рук и вонзил острое в плоть. Хлынула кровь.

Воздух вырвался из легких охранника взрывным стоном. Он устоял на Шона, не понимая, что происходит, затем упал, тяжело и громко, как спиленное дерево.

Девушка ударилась о стену и сползла на пол. Шон бросил меч, нагнулся и легко поднял ее на руки. Она была без сознания.

— Лорна! — дрожащим голосом воскликнул Шон.

Его взгляд пробежал по ее обнаженному телу, пытаясь найти раны, но внешне она была невредимой. Затем веки Лорны вздрогнули и поднялись. Она тупо уставилась на Шона. В ее глазах промелькнул страх.

— Терри! О, Терри...

Белые тонкие руки обвили вокруг его шеи, и он почувствовал, как теплые упругие груди прижались к нему. Его сердце внезапно застучало, как молот. Гладкая кожа на спине девушки жгла ладони. Шон ощутил, как Лорна порывисто дышит ему в ухо, и кровь мощным потоком начала пульсировать у него в венах.

Шон склонил голову и нашел нежные алые губы Лорны. Они походили на огни, сжигающие все здравомыслие и осторожность. Девушка ответила на поцелуй, прижавшись к Шону со всей силы и едва заметно задрожав. Затем она тихонько вскрикнула.

Шон краешком глаза увидел труп на полу и с трудом взял себя в руки.

— Лорна, надо выбираться отсюда!

ОНА ВЫСВОБОДИЛАСЬ из объятий Шона и, казалось, вспомнила о своей наготе. Румянец выступил на ее лице и груди. Шон быстро снял киртл с мертвого охранника и протянул одежду девушке, которую та быстро надела.

— Где остальные?

— Я не знаю... — с округлившимися глазами ответила девушка. — Эти люди пришли... после твоего ухода. Они притворились дружелюбным, мы впустили их в корабль, затем они набросились на нас. Хукер успел выстрелить, прежде чем его вырубili. Нас притащили сюда — меня заперли в этой камере, забрав одежду...

Лорна скрестила руки на груди и снова покраснела. Шон с трудом заставил себя отвернуться, подошел к двери и осмотрел решетку.

Она была заперта, но он заметил задвинутый засов, не позволяющий ее открыть. Шон осторожно просунул меч стражника через решетку рукояткой вперед. После нескольких неудачных попыток ему удалось открыть камеру.

Вместе с Лорной он пошел по тускло освещенному коридору, вырезанному из цельного камня.

— Какое замечательное место, — проворчал он. — Один проход ничем не отличается от другого. Причем оба ведут вниз.

— Они завязали нам глаза перед тем, как притащить сюда, — сказала Лорна. — Но я смогла понять кое-что из того, о чем они говорили. Есть то, чего они все боятся. Нечто под названием Друм.

— Правда?

Шон выбрал направление наугад.

— Мне показалось, это бог, — продолжала Лорна, пока они шли дальше, — хотя они относились к нему, как к чему-то живому, живущему прямо у них в храме. Они говорили о Друме и о Домах.

— Что еще за Дома?

— Я точно не знаю. Могу только предположить, что Дома — это тела, в которые должен войти бог.

Проход снова разветвлялся. Левый коридор уходил круто вниз, в кромешную темноту. Второй расширился через несколько метров и вел в зал с высоким потолком, потом шел дальше, плавно изгибаясь вверх. Шон услышал, как девушка затаила дыхание. В пещере-зале кто-то был!

Но не человек, а нечто, похожее на уродливую скульптуру в стиле барокко, порожденное каким-то безумным миром, морщинистое, кожистое, гигантское чудовище, от вида которого у Шона встали дыбом волосы на затылке. Оно лежало на полу и не шевелилось, точно мертвое.

Двухметровое существо, в целом, походило на человека, хотя его туловище было неестественно широким. У него были три короткие, толстые ноги, заканчивающиеся заостренными копытами и раздвоенный отросток, торчащий из спины, похожий на хвост. Какая-то страшная сила решила поиздеваться над лицом существа: одна голова с вытянутой пастью и клыками, как у кабана, была размером с арбуз, а вторая пугала еще сильнее. Казалось, она не имела костей. Шон заметил уродливое отвисшее рыло, единственный остеклевший глаз, окаймленный розовой шерстью, и группу каких-то наростов вокруг макушки, напоминающих грибы.

Он с трудом подавил тошноту.

— Идем. Если это один из Домов, нам нечего бояться. Оно не сможет нам навредить, так как мертво, как бы там его ни называли.

Шон двинулся вперед, Лорна не отставала. Вдруг они остановились.

По пещерному залу прокатилось странное эхо. Темные стены многократно отразили имя бога, которое прошептали или пробормотали странные голоса:

— Друм... Друм...

Лорна затаила дыхание.

— Терри! Мы...

В зале и правда потемнело? Казалось, тени летают по воздуху, становятся все гуще и гуще, окружая неподвижно лежащее уродливое тело. Горящие факелы на стенах потускнели и стали размытыми. Лицо Лорны словно скрылось за темной пеленой.

— Друм... Друм... — имя бога продолжало разноситься по залу, постепенно погружающемуся в темноту.

Шон отошел к стене, чувствуя, как потеют ладони, и жалея о том, что у него нет пистолета. Он крепко схватился за меч и ощутил, как полуобнаженная девушка прижалась к нему.

ТЕНИ НЕ переставали сгущаться!

Они собирались вокруг чудовища, лежащего на полу, окутывая его темным покрывалом. Внезапно Шон содрогнулся, заметив, что воздух неестественно похолодел.

— О, боги! — прошептал он... и его окатило волной страха.

Он столкнулся вовсе не с привычной угрозой из плоти и крови. Это было нечто нечеловеческое и такое ужасное, что дуновение, вызванное его присутствием, походило на ледяной ветер из потустороннего мира.

Тени опускались и продолжали шептать. Казалось, они сливались с чудовищем на каменном полу, объединяясь с его плотью и

исчезая внутри. Каким-то образом, с пугающей уверенностью Шон понял, что теперь в пещере не два живых существа, а *три*. Причем третье вовсе не являлось человеком.

Шон медленно поднял меч и напряженно осмотрелся.

— Идем, — пробормотал он. — Мы и так слишком долго тут проторчали. Я не собираюсь сражаться с этой тварью, если у меня будет другой выбор.

Шон поспешно направился в проход, обхватив Лорну за талию, чтобы она не отставала. Тени за ними все еще зловеще шептали, а тьма продолжала шелестеть во влажном воздухе.

Но Шон не стал ждать. Войдя в проход, он быстро оглянулся и увидел то, что побудило его ускорить шаг. Тварь уже не была неподвижной и мертвой. Каким-то ужасным, невообразимым способом тени оживили ее. Она уже извивалась и корчилась на полу. Пасти открылись, уродливые конечности жадно задержались, а единственный остекленевший глаз засветился. Чудовище медленно поднялось в пугающей тишине.

— Уносим отсюда ноги! — настойчиво прошептал Шон и вместе с Лорной побежал по проходу.

К счастью, коридор оказался прямым, и даже в темноте, где не горели факелы, земляне не наткнулись ни на одно препятствие. Теплый аромат Лорны все время был близко, а ее обнаженное плечо периодически казалось руки Шона. Она дышала мелко, но часто.

Вдруг послышался звук, которого Шон опасался, — шум погони. Медленный, зловещий механический стук, говоривший о том, что чудовище из зала пустилось в неумолимое преследование. Шон знал, что оно никогда не устанет. Он стиснул рукоятку меча.

Из прохода впереди просачивался свет. Земляне добрались до винтовой лестницы, уходящей в тусклые серые сумерки. Шаги приближающейся твари стали громче.

Лорна начала отставать.

— Осталось совсем недолго, — почти таща девушку по бесконечной лестнице, пробормотал Шон.

Гранитные стены уступили место мраморным, пронизанным жилками алого огня. Внезапно земляне оказались на балконе, не имеющем перил. Впереди их ждала пропасть. Это был тупик.

Они забрались на стену гигантской пещеры, которую закрывал черный купол, похожий на железный колпак. В его центре висела алая сфера, сияющая красными огнями, тускло освещающая все уголки огромного храма. Шон каким-то образом понял, что это святая святых — храм Друма. На каменных плитах внизу таились загадка и ужас.

Мраморный пол был украшен синими, зелеными и бледно-желтыми фигурами, а также удивительными изгибами узоров, почему-то неприятных глазу. Ковры, подушки и занавески, а также орнаменты, способные сделать честь дворцу любого императора, можно было найти во всех уголках огромного зала, по которому лениво расхаживали несколько десятков волосатых людей-зверей. В самом центре находился алтарь.

Стеклянный алтарь! Прозрачный хрустальный шар, пронизанный разноцветными прожилками. Внутри алтаря плавали огни, причудливо закрученные трубки и рычаги, а также серая пульсирующая морщинистая масса, смутно что-то напоминавшая Шону. Мозг – но не человеческий.

Ни один человеческий череп не вмещал распухшее уродливое нечто, медленные, ритмичные движения которого вызвали у Шона тошноту. Лорна побелела и схватила спутника за руку, чтобы не упасть.

На что-либо другое времени не осталось – сзади уже донесся шум. Чудовище несло по лестнице. Вместилище Друма было определенно живо – и хотело утолить свою темную жажду!

ГЛАВА V. МОЗГ

СТРАШНЫЕ клыки блеснули красным цветом в тусклом свете. Две головы неуверенно качались на тонкой шее, а единственный глаз пристально смотрел на Шона, не моргая. Шон махнул мечом по короткой дуге, чтобы отрубить когтистую руку, потянувшуюся к его горлу.

Но промазал. Со сверхъестественной быстротой чудовище отдернуло руку и разрезало кожу на груди Шона. Землянин отчаянно ударил во второй раз и почти отсек страшную конечность.

Внезапно он понял, что надо делать, и сделал выпад, целясь в единственный глаз, холодно светящийся нечеловеческим умом. Бесформенная голова дернулась в сторону, но слишком поздно. Клинок вошел в мерзкую плоть. Чудовище попятилось, и Шон тут же яростно повернул меч, превратив глаз в кровавую кашу. Тварь ослепла.

В следующую секунду она бесшумно ринулась на землянина, раскрыв пасти и размахивая руками. Существо вцепилось в Шона прежде, чем тот успел отскочить. Он содрогнулся от прикосновения холодной, отвратительной плоти, казалось, дергающейся и извива-

ющейся под его напряженными пальцами. Затем почувствовал, как кто-то тащит его назад...

Раздался тихий вопль Лорны. Она схватила его за руку, но было слишком поздно. Чудовище слепо прыгнуло с платформы, утянув с собой Шона и девушку.

Сверкнул красный свет. Из хрустального шара вырвался алый луч и подхватил землян, не дав им разбиться. Не веря своим глазам, Шон уставился на расписной пол, видя, как медленно приближается кровавое пятно, в которое превратилось чудовище. Он сам изобрел антигравитатор, поэтому быстро понял, что его держит нечто похожее. Логичное с научной точки зрения, но невообразимо странное!

Земляне медленно приближались к хрустальному шару. Красные, синие и ярко-оранжевые огоньки внутри него заплясали гораздо быстрее.

Люди-звери обступили алтарь, злобными маленькими глазками глядя на Шона с Лорной. Вдруг он почувствовал под ногами холодный камень и понял, что стоит на полу рядом с Лорной. Странная сила, подхватившая их, исчезла вместе с красным лучом.

Шон быстро осмотрелся. В дальней стене были распахнутые бронзовые двери. Совсем близко лежало изувеченное, окровавленное тело двухголового чудовища, из единственного глаза которого все еще торчал меч.

Люди-звери бросились на Шона и обхватили его волосатыми руками. Он яростно боролся, колотя по ухмыляющимся дьявольским маскам, мелькающим перед ним, но это было бесполезно, и ему пришлось сдаться. Существа не пытались причинить ему боль, а лишь крепко держали его за руки и ноги, чтобы он не мог двинуться.

Лорну тоже поймали, но для этого потребовался лишь один человек-зверь. Ее белое стройное тело ярко контрастировало с грязной темной одеждой существа.

Рядом с ними в полом алтаре морщинистое серое нечто начало быстро пульсировать, а крошечные огоньки принялись мигать, плясать и плавать, выписывая удивительно красивые фигуры, неземные, но почему-то пугающе заманчивые. В голове Шона всплыло сообщение, холодное и отчетливое:

– Вы не из Катара. Зачем вы пришли сюда?

– Мы прилетели с Земли, – аккуратно взвесив каждое слово, ответил Шон. – С третьей планеты. Наш мир разрушили...

– Мир? Существует только один мир – наш. Твои слова – богохульство!

– Кто ты такой? – поколебавшись, спросил Шон.

ПРИШЛО очередное сообщение, спутанное и неразборчивое. Вскоре оно стало ясным.

— Я Бог. Много столетий назад местные ученые взяли мозг человека-зверя и подвергли его долгим, болезненным экспериментам. Так появился сверхразум. Это я. Я правлю Катором. — Огоньки в шаре засверкали. — Ты сомневаешься в моей силе. Тогда смотри!

Люди-звери хором зарычали.

Затем отошли в сторону, открыв взору изувеченное тело чудовища. В следующую секунду оно внезапно задрожало.

Шона словно окатило ледяной водой. Лорна вскрикнула, не поверив своим глазам. Страшная, изувеченная тварь, покрытая пятнами засохшей и свежей крови, медленно поднялась на ноги и потащилась вперед. Одна ее голова походила на раздавленный арбуз, а вторая отвратительно качалась на сломанной шее.

Чудовище подошло к Лорне, пытающейся вырваться из хватки человека-зверя, схватило ее лапами и куда-то потащило. Оказавшись в страшных объятиях, девушка пронзительно завизжала.

— Почувствуй мою силу! — пришла мысль Друма. — Разум — это сосуд, связанный с телом. У меня много тел, и моя жизнь может входить в любое из них.

Выругавшись, Шон попробовал вырваться из рук, держащих его. Когти чудовища слепо рвали киртл на теле Лорны. Девушка отчаянно, но тщетно боролась. Ее молочно-белая грудь и все красивое тело были забрызганы кровью изувеченной твари.

Люди-звери ринулись вперед с горящими похотью, красными глазами, которые они не сводили с обнаженной Лорны. Раздался хриплый рев.

— Ну, и что дальше? — пришла злобная мысль Друма. — Мои дети недовольны. Они требуют привычную жертву. Что ж... они полуют девушку.

Словно по команде, воскресшая тварь рухнула на пол и больше не шевелилась. Люди-звери схватили Лорну и вместе с Шоном потащили ее через бронзовые двери. В глаза землянам ударил яркий свет.

Алый, сияющий шар на потолке безжалостно освещал помещение, забираясь во все уголки. Он висел над амфитеатром, ряды сидений которого окружали симметричную, глубокую яму в центре. Ниже уровня скамеек, в стенах ямы были запертые решетки, за которыми виднелись пленные мужчины и женщины, выглядывающие оттуда с безнадежным страхом в глазах. Засовы находи-

лись в специальных пазах, так что пленники никак не могли до них дотянуться.

В одной камере Шон увидел своих спутников: Хеффли, Флинна и Троста, взъерошенных и в рваной одежде. Каким-то образом Тросту удалось не лишиться роговых очков, нелепо выглядящих на его бледном, изможденном лице. Он увидел Шона и что-то закричал.

Но тот не смог ничего ответить. Одни люди-звери затащили его на скамейку, крепко держа, остальные пыхтели, вытаскивая из ямы странную машину.

Это был шар, установленный на поворачивающихся колесах, с которого свисали цепи и кандалы. Лорну подтащили к шару, и защелкнули на ее шее металлическое кольцо. Люди-звери быстро отошли в зал.

Шар двинулся с места. Он медленно покатился вперед, таща девушку за собой. Шона охватил ужас, когда он увидел едва заметные тепловые волны, расходящиеся от шара, – устройство раскалялось.

Девушка споткнулась и чуть не упала. Шар догнал ее, и она едва успела увернуться. Неуверенно закачавшись на раме с колесиками, устройство развернулось и уже гораздо быстрее покатилось к стене. С грохотом ударившись об нее, оно отскочило обратно. Шон увидел, что металлическая стена ямы какое-то время сияла красным цветом в месте соприкосновения.

БОЖЕ ПРАВЫЙ! Если машина коснется Лорны... то сожжет ее плоть до самых костей! Выругавшись, Шон снова тщетно попытался вырваться из волосатых рук, держащих его. Обнаженная девушка внизу бегала и уворачивалась, тяжело дыша, а ее грудь идеальной формы постоянно подпрыгивала.

Люди-звери завели какую-то жуткую песню. Они подались вперед, выпучив красные глаза и оскалив желтые клыки.

Лорна упала, но вовремя откатилась, и шар пронесся мимо, осветив ее бледную кожу алым светом. Кольцо на шее дернуло ее вслед за шаром, и она чуть не задохнулась. Каким-то образом ей удалось подняться на ноги. Зарывав, Лорна в очередной раз отскочила в сторону, чтобы не стать жертвой раскаленного шара, неумолимо преследующего ее.

Она скоро выбьется из сил, понял Шон. Он осмотрелся, ища взглядом какое-нибудь оружие. Затем внезапно прищурился.

Потому что заметил знакомый предмет, висящий на бочкообразной груди одного из людей-зверей – пистолет! Видимо, именно это существо напало на них в таверне и забрало пистолет себе с бездумной жадностью обезьяны. Этот человек-зверь сосредоточился на

садистском спектакле в яме, все остальные тоже пристально смотрели на бегущую обнаженную девушку, потеряв бдительность.

Это было большой ошибкой. Шон прикинул расстояние до существа с пистолетом. У него в голове созрел отчаянный план... и он тут же воплотил его в жизнь.

Яростно пнув человека-зверя справа в пах, Шон повернулся лицом ко второму, когда первый сложился пополам, пронзительно завопив. Чудовище с оскаленными клыками мотнуло уродливой головой и впилося когтями в руки Шона. Но землянин уже вложил всю силу в страшный удар и двинул человека-зверя по челюсти так, что послышался хруст костей.

Существо взвыло и отпустило Шона. Остальные пока еще не поняли, как на это реагировать. Они повернулись и тупо уставились на него. Шон бросился вперед.

Затем помчался к человеку-зверю с пистолетом. Тот двинулся навстречу, вытянув руки. Шон позволил заключить себя в объятиях, от которых затрещали ребра. Воздух вырвался из его легких, а тошнотворная шерсть полезла ему в рот и в нос.

Он слепо нащупал холодный пистолет, сорвал его с шеи существа, ткнул твари в бок и нажал на курок. Раздался выстрел.

Мышцы на огромных руках человека-зверя одновременно сократились, и спину Шон пронзило копьем боли. Затем... руки расслабились. Они опустились и больше не поднимались, а человек-зверь испустил предсмертный крик, из его горла хлынула кровь.

Шон высвободился. Лорна в яме все еще спотыкалась и уворачивалась, пока раскаленная докрасна машина продолжала носиться за ней, не прекращая сверхъестественную погоню. Но Шон не смел отвлекаться, чтобы помочь ей. Пока не смел.

Он помчался к бронзовым дверям. Люди-звери не ожидали этого, потому что столпились с другой стороны амфитеатра перед закрытыми воротами. Лишь немногие попытались преградить Шону путь, но он сумел увернуться от их неуклюжих атак.

Затем он оказался в храме, пустом, за исключением алтаря и его ужасного обитателя. Шон побежал к Мозгу, и в следующую секунду его встретила сокрушающая волна силы – могучие мысли, сдавившие его голову. Шона охватила страшная боль.

Казалось, тысяча стальных пальцев щипала, отрывала и крутила его голову, стараясь разорвать на части. Огонь внутри алтаря ослепительно сверкал.

Пошатнувшись, Шон продолжал приближаться к Мозгу, слыша, как сзади нарастает рев людей-зверей. До шара осталось метров пять...

Когтистая лапа вцепилась ему в плечо. Он бросился вперед, ничего не видя и не слыша от боли, затем понял, что упал на пол. Один из людей-зверей придавил его.

Шон вытянул руку с пистолетом и жал на курок, пока не кончились патроны. Что-то разбилось, звон внезапно перерос в грохот, потом все это заглушил пронзительный, тошнотворный вой, который постепенно стих...

В ушах Шона стоял звериный рев. Человек-зверь, сидевший на нем, внезапно вскочил, не переставая кричать. Через несколько секунд вопли по всему храму стихли, и наступила жуткая, мертвая тишина.

Шон поднялся на ноги. От алтаря остались одни обломки, пляшущие огоньки исчезли, пол был залит липкой бледной жидкостью, все еще стекающей с пьедестала. Мозг, называвший себя Друмом, превратился в изувеченное бесформенное нечто, переставшее пульсировать, переставшее... жить!

ГЛАВА VI. ТИТАН

НА СЕКУНДУ всех людей-зверей парализовал страх, затем они частично пришли в себя, помчались огромной толпой в амфитеатр, пронеслись через него и исчезли в распахнутых воротах. Шон поспешно последовал за ними.

Раскаленная машина, к которой была прикована Лорна, больше не преследовала девушку. Казалось, сила, двигавшая ее, умерла вместе с Друмом. Лорна без сознания лежала на каменном полу. Шон снял с ее шеи кольцо, потом освободил Хеффли, Флинна и Троста.

Он предполагал, что выбраться из города будет непросто, но, покинув храм, земляне обнаружили, что началась революция. Судя по всему, жрецы держали народ в страхе, запугивая всесильным Друмом, но теперь люди восстали. Даже солдаты взялись безжалостно убивать жрецов и людей-зверей. С Лорной на руках земляне, крадучись, быстро шагали по узким улочкам, тускло освещенным Фобосом и Деймосом – единственными спутниками Марса, – пока, наконец, не прошли через ворота и не увидели безлюдную, красную пустыню.

Во время заключения Трост узнал кое-что важное. Судя по всему, золотистый флот прибыл не с Марса. Вообще, сказал он, жрецы обсуждали уничтожение нескольких городов желтыми кораблями,

появившимися из пустоты, чтобы сеять смерть и разрушение на Марсе.

— Значит, нам придется искать дальше, — проворчал Шон, когда они поднялись на борт «Орла». — Ты сказал, что золотистый флот прилетел либо с Марса, либо с Сатурна, не так ли, Сэм?

— Ага, — кивнул Хефfli. — С одного из спутников Сатурна, если точнее. Скорее всего, с Титана, но туда лететь довольно долго.

— Не так уж и долго. Конечно, «Орел» значительно медленнее золотых кораблей, но наши двигатели тоже весьма мощные. Кроме того, компенсаторы настроены, и нам не надо беспокоиться об ускорении.

Землянам пришлось преодолеть почти миллиард плюс сто миллионов километров. Несмотря на невероятную скорость «Орла», прошла целая неделя, прежде чем перед кораблем появился величественный Сатурн, окруженный удивительным кольцами. У Сатурна было девять спутников, но Шон согласился с Хефfli, что Титан — наиболее вероятный вариант, и направил корабль в атмосферу этой планеты, опускаясь все ниже и ниже над регионом, покрытым густым лесом.

— Интересно, почему здешний лес белый, — протерев очки, заметил Трост. — Наверное, все дело в расстоянии до Солнца. Излучение такое слабое, что тут не вырабатывается хлорофилл, придающий листьям зеленый цвет. Кроме того, я не вижу признаков разумной жизни.

— Жизни, знакомой нам, — поправил Шон. — Подожди-ка минутку! Мне кажется...

Он опустил «Орел» по спирали еще ниже. На обширной каменистой равнине виднелось какое-то искусственное сооружение — куб двадцатиметровой высоты. Шон аккуратно посадил корабль рядом с кубом.

— Похоже на дом, — заметил он. — Возможно, пустой. Я не вижу ничего живого.

— Я сомневаюсь, что золотистый флот вылетел прямо отсюда, — сказал Хефfli.

— Вероятно, мы найдем здесь какую-нибудь подсказку. Я думаю, здесь можно выяснить то, что мы хотим узнать. А именно, есть ли в этом гигантском кубе разумная жизнь.

— Сначала нужно понять, пригоден ли здешний воздух для дыхания, — сказала Лорна в свободной рубашке и широких брюках, похожая на мальчишку. — Мне до смерти надоела это искусственная дрянь.

— Пригоден, — заверил Трост. — Растения позаботились об этом.

Оставив Троста и Хеффли в корабле, Шон и Хукер Флинн спустились по веревочной лестнице. Не успели они пройти и сотни метров, как к ним присоединилась Лорна.

— Мне надо размять ноги, — улыбнулась она в ответ на неодобрительный взгляд Шона.

Воздух был очень холодным, Солнце выглядело тусклой, красной точкой на фиолетовом, усеянном звездами небе. От огромного шара Сатурна исходило совсем мало тепла. Троица осторожно направилась к каменному блоку, заметив какие-то отверстия в его основании — по-видимому, двери.

ВОКРУГ СТОЯЛА странная тишина. Никто ничего не говорил, пока Лорна не коснулась руки Шона.

— Пойдите. Кажется, я что-то слышу...

Земляне замерли. Долгую секунду все было тихо, затем издалека донесся какой-то шорох. Одновременно с этим из рации раздался крик:

— Терри! Берегись!

Трост! Шон быстро развернулся и увидел стадо фантастических существ, выбегающих из леса и направляющихся к ним. *Динозавры*, подумал он, *но заметно отличающиеся от огромных рептилий, которые когда-то водились в земных мезозойских болотах.* К землянам приближались маленькие существа, вдвое ниже человека, с плоскими мордами, конечностями с длинными пальцами, похожими на человеческие руки, и рудиментарными, атрофированными хвостами. Эти динозавры бегали, а не скакали. Их шкуры были белыми, как лес.

Землян окружили сотни таких существ.

— Возвращайтесь на корабль, быстрее! — крикнул Шон, вытащил пистолет и побежал к «Орлу» вместе со спутниками.

Но он опоздал. Динозавры перегородили путь к кораблю и обступили людей со всех сторон.

У землян не было ни единого шанса. Они разрядили пистолеты, убив многих существ, но через пару минут сопротивление закончилось. Динозавры схватили троицу холодными лапами, подняли и потащили к каменному кубу.

У самого строения они остановились, потому что раздался треск выстрелов. Трост и Хеффли выбрались из корабля, вооружившись пистолетами-пулеметами, и принялись расстреливать орды динозавры, обещая товарищам скорое освобождение.

Группа, которая тащила Шона, была впереди, и ускорила шаг, чтобы побыстрее залезть в одну из черных дыр в каменном кубе.

Флинн в паре метров позади принялся действовать: махать кулачками, пинаться и извиваться всем телом.

Огонь пистолетов-пулеметов на какое-то время обескуражил динозавров. Их охватил страх, и они начали разбегаться в разные стороны. Хукер Флинн высвободился и бросился к Тросту с Хеффли. Лорна тоже сумела вырваться из цепких лап обитателей Титана.

Затем динозавры воспряли духом, ринулись вперед огромной волной, и трое землян оказались погребены под массой рептилий. Лорна осталась невредимой. Она не знала, что делать, поэтому просто побежала к кораблю, когда несколько динозавров бросились в ее сторону. Но путь к спасению был отрезан. Полукругом приближались уже десятки существ.

Она слепо понеслась в обратную сторону, похолодев от страха. Пронзительно шипя, динозавры ринулись в погоню. Но девушка добралась до леса раньше них.

Тут было холодно, землю покрывал ковер мертвой, гниющей растительности, а кроны деревьев образовывали белый потолок высоко над головой. Лорна бежала во мраке, где не было теней, слыша за собой частые шаги динозавров.

Она попыталась свернуть в сторону, но быстро передумала, потому что несколько существ, разгадав ее намерения, бросились наперерез. Девушка уже задыхалась, ее одежда промокла от пота. Но динозавры без всяких видимых усилий не отставали, преследуя добычу, точно волки.

Вдруг в голове Лорны промелькнула одна мысль, когда она вспомнила об одном хитром приеме, про который где-то читала. Сработает ли это с этими существами — или они слишком умные, чтобы их можно было так легко обмануть? Сердце девушки яростно билось, а в горле жгло огнем. Быстро оглянувшись, она увидела, что предводитель динозавров почти догнал ее, пристально смотря холодными глазами и раскрыв челюсти.

ЛОРНА быстро сорвала с себя рубашку и бросила ее на землю, не переставая бежать. Она осмелилась оглянуться, и ее охватило ликование. Чудовища остановились, чтобы обнюхать брошенный предмет одежды и ощупать его пальцами, так похожими на человеческие. Воспользовавшись этой возможностью, Лорна развернулась по широкой дуге и побежала к «Орлу».

Но динозавры с шипением продолжили погоню. Лорна выскользнула из брюк, позволив им соскользнуть с округлых бедер и стройных лодыжек. Так она выиграла еще несколько метров, пока существа осматривали одежду...

От обуви Лорна уже избавилась, поэтому, за исключением кружевного бюстгальтера и трусиков, она была голой. Девушка вслепую возилась с застежками лифчика, как кто-то вдруг высочил из-за дерева, и она врезалась в него, почувствовав прикосновение холодной плоти. Девушку отбросило назад, и она упала. Только сейчас ей удалось рассмотреть это существо.

Это был какой-то низкий человек, голый, не считая набедренной повязки, тело которого покрывали темные пятна. Его серая кожа походила на грубую шкуру, а голова была... нечеловеческой!

Приплюснутый череп, широкий рот с губами-лепешками, большие глупые глаза, все это сильно напугало Лорну. Человек явно обладал змеиными чертами.

В поле зрения показались пять динозавров, они осторожно, не сводя взгляда с добычи, встали полукругом. Змеечеловек зарычал, и Лорна увидела два блестящих иглоподобных клыка. Один из динозавров прыгнул на него.

Змеечеловек сделал то же самое, и два тела столкнулись в воздухе. Блестящие белые клыки впились в тело динозавра. Шипящее создание тут же вскинуло уродливую голову, упало на землю и стало судорожно извиваться на гниющей растительности.

Словно по команде, остальные рептилии убежали прочь.

Змеечеловек повернулся к Лорне. Страх и удивление парализовали ее, она вскочила на ноги с пересохшим от ужаса горлом. Змеечеловек поймал ее прежде, чем она сделала десять шагов.

Девушка пыталась бороться, но холодное отращивание ослабило ее. Существо засмеялось, глядя на нее, пока она колотила кулаками по его груди. Затем оно внезапно зарычало, угрожающе оскалив клыки. Лорна перестала сопротивляться, а ее глаза округлились. Змеечеловек засмеялся снова.

Легким движением взяв девушку под мышку, он быстрым шагом направился в темный лес.

ГЛАВА VII. ЗМЕИНЫЙ МИР

ПОКА ШОНА тащили в куб, он был без сознания, ну, или почти без сознания. Он почувствовал жгучую боль в плече, затем погрузился в нечто вроде легкой комы, не в силах сопротивляться и очень слабо понимая, что происходит вокруг. Поэтому не мешал динозаврам, пока те уносили его под землю по наклонному коридору высотой метр, в котором он не смог бы встать на ноги, хотя динозавры двигались без всяких проблем.

Шону показалось, что его тащили очень долго. Действие неизвестного средства постепенно прошло, но он не шевелился, ожидая, когда силы вернутся к нему. Спустя какое-то время динозавры добрались до голой стены, один из них ощупал камни тонкой рукой. Стена разъехалась, открыв взору ярко освещенное помещение.

Шон почему-то посчитал, что динозавры чего-то боялись. Они пронзительно закричали, пристально глядя вперед, и, наконец, не отпуская землянина, очень медленно вошли в проход шестиметровой высоты и почти такой же ширины, залитый холодным свечением, исходящим из трубки на потолке, идущей по всему коридору. Шон глянул вверх. Оказалась, что это не трубка, а металлический стержень, испускающий яркий, холодный свет. Проход расширился в обе стороны, плавно изгибаясь. Под прямым углом его пересекал другой коридор, к которому и направились динозавры. Проем позади закрылся и слился заподлицо со стеной.

Воздух был уже не холодным, а спертым и влажным. Внезапно в коридоре что-то зашевелилось.

Динозавры, казалось, встревожились. Они положили Шона на пол и принялись, шипя, бесцельно ходить вокруг него. Затем группой отошли к стене. В ней снова появился проем. Они убежали, и проем опять бесследно исчез.

Шон понял, что паралич прошел. Он вскочил на ноги и быстро зашел в боковой проход. Пригнувшись в тени, он ждал приближение существа, которого так боялись динозавры.

Оно появилось буквально через несколько секунд... и Шон пришел в ужас, не веря своим глазам. Это была змея, но поистине огромная, толщиной с бочку и длиной, предположительно, метров пятнадцать-двадцать! Но это было еще не все!

Шон мельком глянул на быстро проползшую мимо змею и заметил, что у нее очень странная голова. Она имела форму неправильного шара и не была плоской или клиновидной. Более того, ее очертания напоминали человеческую голову, от чего Шона чуть не стошнило. Рот змеи был маленьким и едва заметным, но огромные глаза явно сияли умом. Шею рептилии окружало кольцо мясистых, мертвенно-бледных щупалец, извивающихся так, словно они обладали собственным разумом.

Змея пронеслась мимо и мгновенно исчезла. Шон задрожал. Рептилия была... осквернена... человечностью! Ее голова, несомненно, напоминала человеческую.

Издалека донесся неблагозвучный звон гонга. Он повторился еще два раза, затем наступила тишина, и горячий, душный воздух, казалось, начал беззвучно давить. Нахмурившись, Шон вышел в

коридор и посмотрел в ту сторону, куда уползла змея. Там ничего не шевелилось, и через пару секунд он направился вслед за ней.

Туннель был ровным и прямым. Шон то и дело проходил мимо входов в другие ярко освещенные коридоры. Он ускорил шаг. Гонг прозвенел снова, но уже пять раз. Когда опять стало тихо, Шон увидел впереди в коридоре какое-то движение и остановился, не зная, что делать дальше. Приложив ладонь ко лбу, он разглядел двух огромных змей, быстро ползущих в его сторону.

Землянин торопливо осмотрелся.

ВНЕЗАПНО он вспомнил, что метров сто назад прошел мимо входа в перпендикулярный туннель. Шон развернулся и помчался назад. Добравшись до цели, он решил не останавливаться за углом, предчувствуя опасность.

Чутье спасло его. Громкий шорох за ним быстро становился громче. Рептилии тоже свернули в проход.

Шон бежал, покрываясь потом. Если змеи не заметили землянина раньше, то теперь его быстрые движения явно привлекли их внимание, так как он услышал сзади пронзительный свист и увидел, как мимо пролетело нечто очень яркое и тонкое. Когда оно попало на стену впереди, раздалось сердитое шипение, и, пробежав мимо этого места, Шон увидел, что камни засветились красным светом, и его обдало волной горячего воздуха. Он криво улыбнулся и удвоил усилия. Его грудь уже горела, но он не смел сбавлять шаг.

Он все время ожидал, что почувствует адское жжение в спине, но ничего такого не происходило. Шон рискнул оглянуться. Тонких лучей видно не было, но змеи не прекращали преследование, держа головы на весу и не спуская с него глаз.

Туннель круто повернул, и Шон оказался в пещере... в пещере *без потолка*.

Если там и был потолок, то Шон не смог его разглядеть. Он словно стоял на дне глубокой шахты, глядя на дымку, окутанную тусклым светом.

Звук сзади напомнил ему, что нельзя задерживаться. Он перепрыгнул полуметровую расщелину, пересекающую путь, пробежал вдоль стены пещеры, затем свернул направо к огромной структуре, стоящей в центре зала. Это была какая-то очень сложная машина, каких Шон никогда не видел прежде. Поршни, шестеренки, загадочные трубки, кабели и массивные трансформаторы делали устройство гигантским металлическим чудовищем, увенчанными серебристой сферой, освещающей пещеру. Но в тенях и углублениях машины могли спрятаться человек десять.

Шон забежал за какой-то огромный хрустальный элемент машины, залез поглубже и обосновался в пыльном месте между двумя столбами.

Глядя через толщу кабелей, он различил тела преследователей, выползших из туннеля. Прямо на его глазах они приближались к нему, и он попятился, инстинктивно дернув рукой, собираясь выхватить пистолет, которого у него не было. Но змеи не заметили Шона.

Они остановились и свернулись кольцом в нескольких метрах от машины так, что землянин смог хорошо рассмотреть их. Со своего места он отлично видел их удивительную схожесть с людьми, снова поразившую его.

У рептилий были змеиные тела, но головы обладали большими черепными коробками. Сбоку они не сильно отличались от человеческих, не считая отсутствия носа. Через некоторое время Шон понял, зачем тварям нужны щупальца, растущие на шее, когда увидел, что одно из них держит серебристую сферу размером с кокос. Змея поднесла шар к машине, и из нее вылетел тонкий алый луч.

Шон невольно вздрогнул, но луч был направлен не на него. Он услышал тихие щелчки, когда над головой начала быстро вращаться какая-то шестеренка. Затем послышался свист, скрип и много других трудноописуемых звуков, свидетельствующих о том, что машина заработала.

Шон на секунду испугался, что его раздавят вращающиеся или опускающиеся части, но место он выбрал удачно. Землянин был в безопасности, хотя в тридцати сантиметрах от него поднимался и опускался стержень толщиной с человеческое тело.

Уверенный, что змеи его не увидят, Шон выглянул из укрытия. Стены пещеры уходили вниз, а пол, на котором стояла машина, поднимался в огромной шахте. Загадочный свет наверху быстро приближался, потому что платформа – весь пол шахты – представляла собой не что иное, как гигантский лифт.

В СТЕНАХ на разных уровнях виднелись входы в другие пещеры. Они быстро появлялись и исчезали из виду, по мере движения лифта. Однако Шон успевал замечать в них странных чудовищ этого неизвестного мира.

В одной пещере, словно на сцене гигантского театра, были длинные ряды металлических стоек, уходящие вдаль и держащие приплюснутые серые эллипсы, похожие на гигантские змеиные яйца. В другой пещере Шон увидел множество незнакомых агрегатов – огромных пылящих двигателей, сделанных из светящегося стекла

и блестящего металла. Скорость подъема постепенно увеличивалась, поэтому уже через минуту Шон лишь мельком заметил необычное: бесформенную черную кучу с ярким голубым пламенем наверху, залитую серым светом пещеру, где десятки огромных змей копошились в окровавленной гигантской туше какого-то существа, превосходящего размерами самого большого слона, и зал, в котором находилось то, что Шону показалось статуей золотистой змеи пятнадцатиметровой высоты от нижнего кольца до поднятой головы с глазами, внимательно следящими за чем-то. Затем платформа без предупреждения стала подниматься медленней и через несколько секунд полностью остановилась.

В стене шахты открылся пустой проход. Шон смотрел, как две змеи вытянулись и быстро поползли по полу в направлении туннеля, затем полностью скрылись в нем.

Шон нахмурился. Пока он не смел выбираться из недр машины, потому что блестящий поршень все еще опасно поднимался и опускался рядом с его головой, а остальные детали тоже двигались и шумели. Платформа опять внезапно начала подниматься.

Потом остановилась, возможно, метров через шестьдесят-семьдесят. Машина явно собиралась прекратить работу, потому что все шестеренки стали вращаться медленнее. Поршень сделал еще пару циклов и замер. Шон уставился на то, что ждало его впереди.

Свобода! Через узкую щель в стене он увидел тусклый свет Сатурна и заметил белую растительность. Кроме того, оттуда дул легкий ветерок, прохладный и освежающий. Шон медленно протиснулся мимо неподвижного поршня.

Наконец, он выбрался из машины и побежал к выходу. Страх того, что платформа могла начать подниматься снова, заставила его ускорить шаг... и вдруг его нога попала в тридцатисантиметровую расщелину. Он упал на руки и колени, но это падение спасло ему жизнь.

Спиной землянин почувствовал страшный жар. Краешком глаза он увидел, как сверкнул белый луч света, затем платформа поехала вниз – быстро и постоянно набирая скорость!

Шон вцепился пальцами в землю, отчаянно пытаясь зацепиться ногой хоть за что-нибудь, потому что нижняя половина его тела болталась над бездной. Стальные мышцы в который раз спасли Шона, и через несколько секунд он уже лежал на полу коридора с громко колотящимся сердцем. Когда из шахты донесся сдавленный звон, он поднялся на ноги и побежал туда, откуда дул свежий ветерок.

Выход из туннеля перегораживала какая-то разноцветная вуаль, с трудом видимая в тусклом свете Сатурна. Шон осторожно протя-

нул руку и затем, когда ничего не произошло, прошел через вуаль, чувствуя под ногами теплую землю. Он осмотрелся.

Оказалось, что он вышел из низкой, серой, металлической хижины, идеально сливающейся с окружающей местностью. Со всех сторон обступали деревья.

Шон понятия не имел, где находится «Орел», поэтому выбрал направление наугад и двинулся в лес. Затем пошарил в карманах, надеясь найти компас, хотя знал, что это бесполезно. Он нашел сигареты, спички, питательные таблетки... но все это никак не могло сейчас помочь.

ШОРОХ мертвой листы привлек внимание Шона. Из мрака вышли три фигуры — странные, фантастические. Змеелюди! Похожие на то существо, с которым столкнулась Лорна, серокожие, змееголовые, жуткие. Шон вздрогнул от отвращения и с трудом заставил себя не побежать.

Когда они подошли, землянин поднял руку, сделав древний жест, говорящий о мирных намерениях. Испугавшись резкого движения, два змеечеловека отскочили и проворно разбежались в разные стороны, точно хорьки. Оставшийся молча уставился на Шона.

— Привет, — сказал землянин, пытаясь понять, поймут ли его.

Змеечеловек протараторил пару шипящих слов.

Шон кивнул и указал на небо. Странное существо заколебалось, затем внезапно развернулось и жестом поманило за собой. Потом оглянулось, чтобы узнать, пошел ли Шон за ним.

— Почему бы и нет, — пожал плечами землянин. — По крайней мере, он знает, куда идет.

Осмотревшись, он увидел, что два испугавшихся змеечеловека уже шагали прямо за ним. Это не очень успокаивало, но Шон подавил тревогу.

Впереди показался динозавр, но через пару секунд убежал, бросив на четверку злобный взгляд. Путь оказался недолгим — вряд ли больше километра — и, наконец, Шон вышел на поляну. На ней располагалась группа хижин, построенных из сухих листьев и чего-то, похожего на тростник. Вокруг находились пепельно-серые поля, на которых росли белые растения, напоминающие высохшую пшеницу.

Шона подвели к группе змеелюдей, стоящих около хижин.

Что-то заставило Шона поднять голову. У него округлились глаза, когда он увидел движущуюся над кронами бледных деревьев блестящую сферу — «Орел»! Судя по всему, Хеффи и остальные отбились от динозавров и искали своих товарищей. Шон осмотрелся, пытаясь найти способ дать знак друзьям.

Грубые руки затолкнули его в толпу змеелюдей. Один из них, который был выше остальных, сидел в примитивной деревянной колеснице на полозьях вместе колес, как сани, на его шее висело ожерелье из ярких камней, а набедренная повязка была расшита драгоценными камнями. К колеснице был привязан странный зверь, напоминающий местного динозавра, только больших размеров и покрытый блестящей чешуей.

На земле клубочком лежала испуганная Лорна! Она была совершенно голой, и змеелюди жадно рассматривали ее обнаженное тело. Рядом с ней стоял рычащий и сердито размахивающий руками змеечеловек.

Девушка принадлежала ему, причем, судя по всему, по какому-то праву! Но змеечеловек в колеснице, – наверное, вождь, правитель, – не был с этим согласен. Он прорычал приказ, не допускающий возражений.

Спорщик заколебался и отошел. Затем внезапно бросился на вождя, вытянув когтистые руки и оскалив клыки!

Но вождь ожидал этого. Два создания сцепились, закачались и упали на колени. Перепуганный «конь», запряженный в колесницу, встал на дыбы и громко завопил. Затем рванулся вперед и порвал упряжь. Толпа закричала, некоторые попытались поймать животное, но оно увернулось от них и унеслось в лес, где скрылось из виду.

Шон снова устоял на колесницу. Вождь поднимался над телом судорожно дергающегося змеечеловека, напавшего на него, из раны на плече которого текла кровь. Вождь слез с колесницы и махнул рукой. Подданные быстро подняли умирающего змеечеловека и унесли его.

Вождь повернулся к Шону. Холодными, блестящими глазами он бесстрастно оценил землянина, затем посмотрел на того, кто держал Шона, и задал какой-то вопрос.

Казалось, ответ устроил его. Вождь взглянул на порванную упряжь, потом на лежащую девушку. По его приказу змеечеловек рядом с Шоном сильными руками схватил Лорну и поставил на ноги. Потом потащил к колеснице.

Шон почувствовал, как его потянули в ту же сторону.

Вскоре он понял, что его руки связали за спиной, а лодыжки соединили тридцатисантиметровой веревкой. Рядом была Лорна. В плечи и тела землян врезались волокнистые веревки, прикрепленные к колеснице.

Они стали рабами змеелюдей!

ГЛАВА VIII. КЛЫКИ СМЕРТИ

ЛОРНА тщетно попыталась прикрыть свою наготу: дрожа, она села на землю и подтянула колени к подбородку так, что веревки больно впились в кожу. Один из змеелюдей подскочил к ней и поднял обратно. Холодной рукой он похотливо провел по ее голой груди. Лорна взвизгнула и метнулась к Шону.

Землянин яростно махнул кулаком, но змеечеловек ловко увернулся. Вождь свирепо закричал. Кнут оставил красную полосу на спине Шона.

Выругавшись, он развернулся со стиснутыми кулаками. Уродливое лицо вождя нависало над ним из колесницы. Кнут щелкнул снова, и через мгновение Лорна вскрикнула.

Этот звук привел Шона в чувства. Он понял, что драка со всем племенем означает смерть... а он не мог бросить Лорну одну. У него зародился план, но пока его было невозможно привести в жизнь. Пока лучше покориться...

Шон развернулся обратно, подался вперед и налег на веревки, обвязывающие его плечи. Они врезались в кожу, и колесница на полозьях медленно поехала вперед.

— Тянуть буду я, — сказал он девушке. — А ты просто не отставай.

Но вождь заметил, что Лорна совсем не напрягается. Когда Лорна не прикладывала усилий, ее охаживали кнутом, и скоро ее тело покрылось потом. Шон выругался, не смея сопротивляться. Пока не смея... Он ждал, когда в небе снова покажется «Орел».

Они взад-вперед таскали колесницу по поляне, потая и задыхаясь. По-видимому, шла какая-то религиозная церемония, возможно, как-то относящаяся к засеиванию полей, поскольку за ними следовали змеелюди, вскапывая землю лопатами и раскидывая семена.

Земляне опять налегли на упряжь. Шон принял решение: надо сбежать до того, как они с Лорной совершенно выбьются из сил. Руки у него были связаны за спиной, но он сумел вывернуть их так, чтобы сунуть в карман брюк. Там лежали спички.

Вождь внезапно что-то прокричал. Шон поспешно открыл коробок, неловким движением вытащил спичку и зажег ее. Затем бросил, как можно дальше.

Бледная, сухая растительно мгновенно вспыхнула, как он и предполагал. Пламя принялась жадно поглощать листья и маленькие веточки. Известен ли был огонь змеелюдям, Шон не знал, но судя по тому, как они очень испугались, прежде им не доводилось его видеть.

Чем выше становилось пламя, тем громче кричали и визжали змеелюди. Они заколебались, развернулись и помчались в деревню. Вождь выскочил из колесницы и последовал за ними, но не так быстро.

Шон зажег еще одну спичку, чтобы избавиться от веревки, связывающей руки. Материал оказался легковоспламеняющимся. Землянин почувствовал резкую боль... и через секунду его руки уже были свободны. Он быстро скинул с себя сбрую и сорвал путы с ног.

Огонь, поедающий сухую траву, подобрался опасно близко. Шон освободил Лорну. Они осмотрелись, ища путь к отступлению.

– Огонь... возможно, он даст знак «Орлу», – сказал Шон. – Наши друзья должны увидеть его...

– Нам лучше выбираться отсюда, – кивнула Лорна. – Причем, как можно быстрее!

В стене огня виднелась брешь, и они помчались к ней. Сзади донесся свирепый вопль. Оглянувшись, Шон увидел преследующего их вождя.

Лорна споткнулась и упала на колени. Брешь в пламени быстро уменьшалась. Шон подхватил девушку и практически понес ее на руках. Задышав и кашляя, они пронеслись сквозь пелену дыма. Адский огонь разрастался во все стороны.

– Лес! – немного придя в себя, выкрикнула Лорна. – Он... деревья не горят!

Из деревни донеслись пронзительные вопли. Хижины объяло огнем, и змеелюди, не успевшие убежать из них, сгорали заживо. Шон не чувствовал жалости к чудовищным существам.

ШОН С ЛОРНОЙ добрались до края леса и присели, чтобы отдохнуть. Но судьба не позволила им сделать передышку. Почерневшее, ревущее нечто с ярко светящимися глазами выбежало из огня и уже несло на них. Вождь...

– Осторожнее, Терри! – испуганно выкрикнула девушка. – Если он укусит тебя...

Шон прекрасно знал о смертельном яде на клыках змеечеловека. Он завел Лорну за ствол белого дерева и приготовился к нападению.

Существо заколебалось, оценивая землянина. Воспользовавшись этим замешательством, Шон поискал глазами оружие. Его взгляд привлекли неестественно аккуратно сложенные ветки и листья метрах в трех-четырех. Он подбежал к ним и схватил толстую, тяжелую ветку.

Земля под его ногами осыпалась. Землянин отскочил назад, поняв, что чуть не свалился в яму, вероятно, вырытую змеелюдью в качестве ловушки. Шон упал на спину и увидел, что вождь несется на него с оскаленными клыками.

Все еще держа ветку, он поднял ее... и почувствовал, как пальцы ушли в рассыпчатую массу. Ветка оказалась насквозь прогнившей, бесполезной. Деревянная пыль попала Шону в глаза, практически ослепив. Однако он все же смутно увидел, как змеечеловек тянется к его горлу.

Шон отреагировал инстинктивно. Он согнул ноги и со всей силы ударил существо в живот. Оно отлетело назад и ударилось о ствол дерева, но тут же поднялось.

Как и Шон. Краешком глаза он увидел, что большая блестящая сфера опускается на поляну, — судя по всему, с «Орла», наконец, увидели импровизированный сигнальный костер. На этот раз землянин не стал ждать нападения и вместо этого двинулся вперед, подняв левую руку для защиты и готовясь бить правой.

Когда змеечеловек оказался в пределах досягаемости, Шон резко и сильно двинул по холодному телу с приятным звуком. Змеечеловек не привык к таким приемам. Он рассчитывал на ядовитые клыки, но сейчас они подвели его.

А потом пушечным ударом Шон сломал ему шею. Змеечеловек упал и начал извиваться, а также дрыгать ногами, но встать так и не смог. Через какое-то время он перестал шевелиться.

Шон осмотрелся в поисках Лорны. Она стояла рядом с тяжелым камнем в руке, а ее обнаженное тело в тусклом свете походило на статую из белого камня.

Девушка быстро подбежала к Шону.

Затем обвила руками его шею.

— Терри! — прошептала она так, что он почувствовал лицом ее дыхание. — Я так боялась...

Лорна обняла Шона, плотно прижавшись грудью. Хрипло дыша, Шон обхватил девушку руками, с трудом удерживаясь, чтобы не поцеловать. Пальцами он ощущал ее шелковистую кожу и соблазнительные изгибы бедер. Во рту у него пересохло, а в груди яростно колотилось сердце.

— Лорна...

Шон судорожно стиснул стройную девушку. Он чувствовал ее жаркое, влажное дыхание. Она зарылась руками в его волосы и притянула к себе...

Наконец, Лорна отстранилась, неуверенно улыбаясь. Когда Шон двинулся вперед, она жестом остановила его.

– «Орел» приземлился.

Массивный корабль уже стоял на поляне. Трост, Хеффли и Флинн с небритыми встревоженными лицами бежали к Шону с Лорной.

– Терри! – крикнул Хеффли. – Все в порядке? Лорна?

– У нас все хорошо, – ответил Шон и пошел навстречу друзьям вместе с девушкой.

Затем остановился и замер. Его рука взметнулась вверх быстрым жестом.

– Берегитесь! Возвращайтесь...

ПО БЕЗОБЛАЧНОМУ небу промчался торпедообразный золотистый корабль, со свистом разрезая воздух. Чуть замедлив ход, он начал снижаться. В метре над землей он резко остановился, затем плавно сел на поляну.

В борту золотистого корабля открылся люк. Из него вышли... чудовища! Существа, совершенно не похожие на людей, – существа, от вида которых Шон содрогнулся.

Корабль сел между Шоном с Лорной и остальными землянами, поэтому Шон не видел, что происходит с другой стороны золотистого корабля. Он схватил Лорну за руку и развернул к себе.

– У нас нет оружия – придется спрятаться. Хеффли и остальные, возможно, успеют вернуться на «Орел». Бежим!

Они помчались обратно в лес. Шон мысленно видел существ, выходящих из золотистого корабля.

Массивных, бесформенных, прозрачных, скользящих по земле, точно медузы. Он знал, что чудовища бросились в погоню, и эта мысль заставила его бежать еще быстрее. Поэтому он слишком поздно увидел яму.

Нога Шона провалилась в пустоту. Цепляясь за разреженный воздух, Шон полетел вниз, слыша крик девушки. Он ударился о землю так сильно, что потерял сознание и провалился в темную бездну...

ГЛАВА IX. СТРАННЫЙ СОЮЗНИК

ПРОТИВНЫЙ, едкий запах помог понять Шону, где он находится. Он не знал, сколько пролежал без сознания, но, с трудом встав, борясь с ноющей головной болью, вспомнил, что упал в ловушку, вырытую змеелюдьми. Его окружали куски разлагающейся плоти, тускло светящиеся в темноте. Сатурн уже опустился за горизонт, догадался Шон, и эта сторона Титана погрузилась в ночь.

Стены ямы были довольно крутыми, но он смог цепляться за них.

Один раз камень под ногой не выдержал и с грохотом упал на дно ямы. Шон не шевелился, пока эхо не стихло. Сверху по-прежнему не доносилось никаких звуков.

Наконец, он выбрался из ловушки. В лесу было очень темно, но в паре метров начиналась поляна, освещенная тусклым звездным светом. Два маленьких спутника, висящих высоко в небе, также давали свет, но совсем немного. Золотистый корабль исчез.

Шон с опаской прошел по поляне и остановился у «Орла». Из открытого люка все еще свисала веревочная лестница. Он медленно залез по ней, ожидая чего-нибудь внезапного. Но ему удалось забраться в шлюз и дойти до рубки без всяких происшествий.

Там Шон резко остановился и устоял на бесформенный объект на полу высотой полтора метра. Это было одно из амебоподобных созданий с борта золотистого корабля. Один из инопланетян, уничтоживших Землю!

Внутри Шона вспыхнул гнев, и кровь застучала в висках. Он невольно шагнул вперед, стиснув кулаки... и инопланетянин очнулся.

Объект превратился в высокий шпиль, плохо видимый в тусклом свете лампы на потолке рубки. Шон заметил внутри него черный, шарообразный объект, из которого торчали тонкие щупальца, похожие на паутину, поддерживающую бескостное чудовищное тело. Нечто бесшумно двинулось вперед.

Шон схватил первое, что попало под руку — марсианский меч. Он взял его из кучи вещей, лежащих на столе у стены, и поднял над головой.

Инопланетянин не остановился. Щупальца вылезли из его тела и потянулись к Шону. Землянин, ударив сверху вниз, попытался понять, уязвимо ли существо в принципе — может ли сталь повредить нечеловеческую плоть.

Меч вошел глубоко в полупрозрачное тело! Он разрезал эластичное вещество, и в этот момент существо чуть не выдернуло оружие из рук Шона неожиданным рывком назад. Землянин успел высвободить меч за секунду до того, как сгусток окутал его, точно зыбучие пески — живые пески.

Шон словно завяз в бетоне. Он почти не мог пошевелиться, чувствуя лицом ледяную, влажную кожу инопланетянина. Тут он понял, что больше не может дышать. Задыхаясь и шатаясь, землянин расставил ноги пошире, чтобы не упасть, высвободил руку с мечом и вонзил лезвие глубоко в прозрачную плоть инопланетянина, добравшись до черного тела в середине.

Тело лопнуло словно воздушный шарик. Хватка существа мгновенно ослабла, оно слезло с Шона, сползло на пол и сжалось в бес-

форменный объект. Из ядра вырвалось чернильное облако, придав поблескивающему, полупрозрачному телу угольно-черный цвет. Потом инопланетянин замер и больше не шевелился – он умер.

ШОН выпустил меч из руки и плюхнулся в кресло, тяжело дыша. Через некоторое время он взял из шкафчика фляжку с бренди и сделал несколько глотков обжигающей жидкости. Затем, частично восстановив силы, вытащил инопланетянина в шлюз – существо было слишком тяжелым, чтобы поднять его в одиночку – и сбросил вниз на землю.

А потом, вооружившись мечом, осмотрел все каюты «Орла». Кроме Шона, в корабле никого не было. Судя по всему, существа, прилетевшие на золотистом корабле, оставили только одного сородича, вероятно, для охраны «Орла» или для того, чтобы разобраться в его управлении.

Где же Лорна и остальные? Шона охватило уныние. Он сделал еще несколько глотков бренди, закрыл внешний люк, шлюз и сел за пульт управления, чтобы пораскинуть мозгами.

Его постепенно переполняло какое-то странное, необъяснимое чувство. Шон тупо глядел на бутылку перед собой, которая, казалось, отдалялась и уменьшалась. На секунду ему показалось, что он вышел из тела и смотрит на себя со стороны...

Шон поборол это ощущение. Но, когда попытался подняться на ноги, мышцы отказались слушаться. Землянин молча и неподвижно сидел за пультом управления «Орла».

Внезапно в голове послышался какой-то шепот. *Тихий, неразборчивый, очень похожий на марсианскую телепатию*, подумал Шон. Но шепот не вызвал никаких образов. Он лишь стал громче, навязчивее...

Шона звали!

Точно... звали! Чего-то требовали! Но чего?..

Рука Шона двинулась. словно по своей воле она дотянулась до пульта управления и нажала на кнопку. Тем не менее, Шон понимал, что рукой управляет мозг. Да, его мозг. Но не его разум. Не он сам! Казалось, в мозгу землянина завелось что-то поистине странное, совершенно невообразимое, загадочное инопланетное нечто, подчинившее себе его тело. Он смутно осознавал, что «Орел» рассекает атмосферу Титана, направляясь в глубину космоса, пока его руки быстро нажимают кнопки и дергают рычаги, ведя корабль к неизвестной цели!

Шон постепенно потерял сознание. Он очнулся только тогда, когда властный, неразборчивый шепот разбудил его. Его глаза открылись.

Он все еще сидел в пилотском кресле, а на экране перед ним была гладкая темная равнина. Ясно виднелся изгиб горизонта. «Орел» сел на какую-то небольшую планету, возможно, на астероид.

Сколько занял полет, Шон не знал. Солнце представляло собой далекий, маленький шарик, ослепительно яркий, несмотря на огромное расстояние. Стало понятно, что это крошечное космическое тело лишено атмосферы.

В голову Шона снова пришел приказ. Подчинившись чужой воле, Шон встал и открыл внешний люк, толкнув рычаг на стене. И через секунду закрыл.

Затем распахнул внутреннюю дверцу. На полу шлюза лежал какой-то камень — драгоценный, ярко-красный, размерами с кулак и словно пылающий огнем. Шон шагнул вперед и поднял камень.

Странная сила, контролировавшая его разум, внезапно исчезла. Он с округлившимися глазами изумленно уставился на камень в руке.

В ЕГО разум хлынул поток мыслей. Умных, понятных и прозрачных, как хрусталь, а также похожих на тихий холодный шепот. Шон понял, что все сообщения исходят от камня.

— Землянин, у нас мало времени. Тем не менее, я должен объяснить, что случилось, чтобы мы вместе пошли к общей цели. Ты хорошо слышишь меня?

Красное пламя внутри камня стало ярче.

— Да, я хорошо слышу тебя, — подумал Шон и сразу почувствовал, как его мысли прочитали. — Но не понимаю...

— Тогда слушай. Сейчас мы на небольшом, безвоздушном космическом теле в Поясе Астероидов между орбитами Марса и Юпитера. Я один из многих его обитателей. Мы живые существа, как и вы, но наша жизнь основана, в отличие от вашей, не на углероде. У нас кремниевые тела... но мы гораздо умнее всех остальных рас Системы: огромных змей с Титана, газовых существ с Каллисто и других. Мы обитаем на этом каменном шаре, ни к чему не стремясь и проводя жизнь в вечных размышлениях. Нам не нужно перемещаться — мы не едим и не размножаемся. Наша эволюция ушла дальше.

— Сколько тут таких, как ты? — спросил Шон.

— Очень много. И когда золотистый флот захватчиков — тех, кого вы называете инопланетянами, — только вторгся в Систему, мы

сразу поняли, откуда он прилетели и зачем. Ты предположил, что это обитатели одной из планет Системы — Марса или Сатурна, вернее, его спутников. Но нет — они прибыли из другой Вселенной... из иного пространства!

Глаза Шона округлились от изумления, но он ничего не сказал, так как мысли живого камня продолжали приходить ему в голову.

— Вы, земляне, правильно предположили, что существует много измерений и пространственно-временных континуумов, пересекающихся друг с другом. Сотня Вселенных находится в одном месте, однако, разделена преградой — структурой самих атомов, различающейся во всех континуумах.

Камень ослепительно сверкал в руке Шона.

— Продолжай... — пытаюсь понять суть сообщения, прошептал землянин.

— Стальной стержень можно протащить через мембрану при помощи электромагнитного излучения, прорвав дыру в этой мембране. Ты не поймешь механику экспериментов инопланетян, но я могу выразиться так: Землю протащили через пространственно-временную мембрану, создав туннель между измерениями, которым воспользовались инопланетяне, чтобы попасть в нашу Вселенную.

— Эта, как ты говоришь, космическая дыра, — сказал Шон. — Она все еще существует?

— Нет, она закрыта. Но ее можно открыть снова. Поэтому я привел тебя сюда при помощи своей силы воли. Ты должен отвезти меня к правителю инопланетян, и я смогу — возможно — уничтожить их и вернуть Землю на место.

— Вернуть Землю! — с трудом поверив в это заявление, воскликнул Шон. — Так, значит, она не уничтожена? А как насчет жизни на ней?..

— Пространственно-временные законы инопланетной Вселенной отличаются от законов нашей. Земля находится в состоянии статизма, все ее атомы и частицы замерли. Если планету притащить обратно, жизнь продолжится, словно ничего не случилось.

ШОНА охватил восторг.

— Отлично! — выпалил он. — Надо лететь! Я готов.

— Позволь мне на минуту забраться в твой разум, — прошептал камень. — Я объясню, что надо делать...

Шон открыл врата, частично защищающие его сознание от вмешательства извне, и почувствовал, как странная сила проникла в мозг. Он на какое-то время потерял сознание.

Затем очнулся уже в пилотском кресле. «Орел» рассекал темную бездну.

На пульте управления лежал камень, мерцающий красным огнем. Его мысли были отчетливые.

— Твоих спутников — девушку и троих мужчин — доставили на корабль правителя Инопланетян, висящий на бывшей орбите Земли. Они не знали, что в этой системе возможны космические полеты, и хотят проверить... обнаружить, грозит ли им что-нибудь. Когда они поймут, что все спокойно, то продолжат уничтожать живых существ и растительность на планетах, готовясь к колонизации и расширению своих владений.

Корабль летел в сторону Солнца, пока камень подробно, неторопливо объяснял Шону, что надо сделать для победы над инопланетянами и возвращения Земли из пустоты соседней Вселенной, где нет ни света, ни времени.

ГЛАВА X. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

ЗОЛОТИСТЫЙ корабль неподвижно висел на фоне множества холодных огоньков звезд. Его размеры и вид вселяли страх. Приближающийся к нему «Орел» казался мошкой, летающей вокруг сигары, таким огромным был блестящий корабль захватчиков.

Из гиганта вырвался белый луч и поймал «Орел», словно рука колосса. Какая-то невероятно мощная сила, похожая на ту, благодаря которой сокращается эластичный канат, потащила маленький корабль к большому. Шон что-то проворчал, взглянул на пистолеты на поясе и рассеянно хлопнул по нагрудному карману, где лежал живой камень. Затем встал с кресла и пошел в шлюз.

Звезды вокруг «Орла» быстро пропадали из вида, неумолимо заслоняемые гигантским золотистым кораблем. Шон подождал, пока «Орел» не остановится, потом открыл люк и сбросил веревочную лестницу. Оказалось, он находится в просторном помещении с куполообразной крышей, пустом, за исключением десятка чудовищных инопланетян, быстро приближающихся к нему.

Шон спустился по лестнице и стал тихо ждать. Он не смог не вздрогнуть, когда влажные, холодные щупальца схватили его за руку, и с трудом удержался, чтобы не выхватить пистолет. Землянин позволил инопланетянам потащить его за собой.

— Иди с ними, — пришло тихое сообщение живого камня. — Не сопротивляйся...

В стене открылась дверь, Шона завели в огромный зал, где гудели и грохотали машины титанических размеров. Потом он оказался в небольшой комнатке, где упал на колени, когда пол внезапно поехал вверх.

Землянин поднимался на лифте.

Инопланетяне рывком подняли его холодными щупальцами. Он внимательно рассмотрел их, заметив, что внутри всех полупрозрачных, бесформенных тел находится черное ядро и тонкая сеть ниточек, похожая на паутину.

Лифт остановился, Шона затащили в следующее помещение – лабораторию, понял он. Огромную, с высокой крышей, залитую янтарным светом и полную блестящих агрегатов, о предназначении которых он не мог даже догадываться. Рядом стоял глубокий, широкий чан, испускающий едва заметный пар, а рядом были небрежно свалены в кучу тела.

Тела змеелюдей, марсиан и... товарищей Шона! На одну ужасную секунду он испугался, что они мертвы, затем осознал беспочвенность своих страхов. Туго связанные Трост, Флинн и Хеффли тихо и неподвижно лежали, но у них округлились глаза, когда они увидели Шона.

– Терри! – закричал Хеффли. – Они поймали тебя...

– Не обращай внимания, – пришла мысль живого камня.

Шон с трудом отвел взгляд от друзей и уставился вперед.

К маленькому столику был крепко привязан марсианин, а над его голым телом зависли четыре инопланетянина. Шон увидел, что один из них гораздо крупнее остальных. Ядро внутри его прозрачного тела было огромным.

– Это правитель, – прошептал камень.

Шона чуть не вырвало, когда он увидел, что делают инопланетяне. Игнорируя вопли марсианина, они втыкали в его голову длинные иглы, соединенные проводами с загадочной машиной в паре метров от стола. Стальные острия входили в глаза, рот и горло страдающего существа. Иглы попеременно становились ярче и тускнели, а гудение машины становилось то громче, то тише.

– Они пытаются прочесть его разум, – пришла мысль живого камня – Не так, как мы или марсиане. Эти машины... они пытаются жертву, чтобы от боли она не могла соврать даже в мыслях...

ВОПЛИ марсианина превратились в рыдания. Крупный инопланетянин воткнул одну из игл прямо ему в макушку.

Машина заревела. Затем практически мгновенно стихла, и марсианин обмяк.

— Они высосали из его мозга все знания. Этого он не выдержал.

Инопланетяне собрались вокруг машины. Через секунду они вернулись, правитель повернулся к Шону и тем, кто его привел.

Землянин так и не понял, как общались эти существа, — возможно, посредством каких-то колебаний. Но зато не сомневался, что они способны видеть, несмотря на отсутствие чего-либо похожего на глаза. Правитель, казалось, замер, чтобы оценить нового пленника.

Один из инопланетян «подплыл» к столу, отвязал марсианина, подтащил к чану и погрузил в испускающую пар жидкость. Труп почти мгновенно растворился, и лабораторию наполнила жуткая, тошнотворная вонь.

Землянин напрягся, когда увидел, кем собираются заменить марсианина.

Лорной!

Она была без сознания и полностью обнаженной. На ее плечах кольцами лежали рыжие волосы. Веревки туго стягивали упругую грудь и округлые бедра... Главный инопланетянин повернулся, подошел к ней и взял полупрозрачным щупальцем иглу.

Шон едва не забыл о приказах живого камня, чуть не потеряв рассудок от осознания того, что произойдет совсем скоро.

— Подожди! — сверкнуло сообщение у него в голове. — Еще не время! Надо подождать!

Щупальца, держащие Шона, усилили хватку. Он молча стоял и смотрел, как правитель опустил иглу и прикоснулся ей к обнаженной груди Лорны... а затем надавил!

Девушка проснулась, закричала, ее веки распахнулись, и она начала извиваться на столе, тщетно пытаясь порвать тугие веревки. Инопланетянин убрал иглу, затем снова вонзил ее в теплую, нежную плоть.

Вопль и последовавший за ним тихий стон, сорвавшийся с губ Лорны, заставили Шона забыть об осторожности. Яростно выругавшись, он высвободил руку и выхватил пистолет. Выстрелив в упор в ядро инопланетянина, державшего его, он нацелился на правителя.

В следующее мгновение пистолет выбили из его руки. Землянин оказался погребен под ледяной, слизистой плотью. Три инопланетянина, обездвигив его руки и ноги стальной хваткой, неумолимо наползали на него.

– Быстрее! – «услышал» он мысль живого камня. – Это твой единственный шанс! Делай, как я велел – живо!

Шон вспомнил указания удивительного существа, и к нему вернулось здравомыслие. Он вцепился в нагрудный карман и разорвал его. Камень, казалось, сам прыгнул к нему в руку.

– Быстрее! *Быстрее!*

Извивающееся щупальце обвило руку Шона. Он сумел высвободить ее и резким движением бросил камень прямо в правителя инопланетян... Затем увидел, как камень пролетел через прозрачную плоть, попал прямо в ядро существа и исчез внутри!

Шон почувствовал, как холодная хватка ослабла. Инопланетяне отступили, став просто бесполезными бесформенными кучами. Их правитель застыл неподвижным сгустком рядом с Лорной. Его ядро, пронизанное алыми огоньками, ярко светилось.

– Освободи друзей, – пришло Шону сообщение живого камня. – Возвращайтесь на корабль. Я покажу дорогу. Быстрее! Моя воля сильнее, чем у этого существа, но я не смогу вечно сдерживать его.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ не пошевелились, когда Шон подскочил к столу, развязал Лорну и с ее помощью освободил Троста, Хеффли и Флинна. Те уставились на Шона, не понимая, что происходит.

– Терри, что это за красный камень? – изумленно спросил Хеффли.

– Как тебе удалось... – начал Трост.

– Не время для разговоров, – выпалил Шон. – Шевелитесь!

Он повел друзей к выходу. Все это время живой камень передавал ему мысли, показывая путь через сердце золотистого корабля.

Земляне прошли мимо множества инопланетян, но ни один не попытался им помешать. Все полупрозрачные сгустки застыли. Шон не мог представить разум, способный подчинить себе всех инопланетян в гигантском корабле. Тем не менее, он почему-то не сомневался, что живой камень сделал именно это.

Земляне без проблем добрались до «Орла». Когда они закрыли люк, ослепительный луч подхватил их и вытащил в космос с головокружительной быстротой. Шон нажал несколько кнопок на пульте управления, затем повернулся к остальным и кратко объяснил, что произошло.

– Невероятно! – воскликнул Трост, и Хеффли согласился с ним.

Хукер Флинн что-то проворчал и раскрыл от удивления рот.

– Если все пойдет по плану, нас еще ждет нечто гораздо более удивительное, – сказал Шон и повернулся к Лорне, закутавшейся в куртку, найденную в шкафчике. – Как ты?

– Кажется, со мной все в порядке.

Но она до сих пор дрожала, поэтому Шон дал ей сделать несколько глотков бренди, затем передал бутылку дальше.

– Пойду, посмотрю, что там с двигателями, – вытащив из кармана роговые очки, каким-то чудом оставшиеся целыми, сказал Трост. – Идем, Хукер.

Они ушли, и Хеффли отправился следом за ними.

– Пожалуй, надо немного поспать. Я очень устал. Позовите меня, если что-нибудь случится.

Шон кивнул, и коротышка ушел.

– А ты как, Лорна? Устала?

Девушка сильно дрожала. Шон быстро подошел к ней, обнял и успокоил.

– Все в порядке, Лорна, – нежно сказал он. – Взбодрись. Нам больше нечего бояться.

– Я... о, Терри...

Лорна обвила руками шею Шона, и, увидев, что алые губки так близко, он поступил вполне логично – поцеловал девушку.

– Знаешь, кажется, я люблю тебя, – неуверенно сказал Шон.

Глаза девушки излучали нежность. Куртка распахнулась, открыв взгляду упругую, округлую грудь, и Шон почувствовал, как теплые выпуклости прижались к нему, когда он притянул Лорну поближе, собираясь поцеловать еще раз.

Спустя час крик Шона заставил всех остальных спуститься в рубку и посмотреть на экраны под ногами, в сторону его вытянутой руки.

– Золотистый флот, – сказал Хеффли. – Он возвращается.

– По приказу правителя, – сказал Шон. – То есть, по приказу живого камня, управляющего его разумом. Я выяснил, что инопланетяне поклоняются королю, как богу – слепо и не задавая вопросов. Если он прикажет им вернуть Землю на место...

Золотистый флот походил на огромное облако, собравшееся вокруг гигантского флагмана, где находился правитель. Внезапно флот объяло ярким светом – из скопления кораблей вырвались миллионы лучей.

– Смотрите! – изумленно крикнул Хеффли. – Боже правый – *смотрите!*

В ТОЧКЕ, где сфокусировались все лучи, что-то появилось. Крошечный пылающий шарик быстро рос и, казалось, несясь с огромной скоростью. Сначала он был размером с виноградину... затем со сливу. Вскоре появился второй шарик, и теперь из инопланетного измерения, из соседней Вселенной, повинувшись силе золотистого флота, неслись два объекта!

Земля и Луна!

Они были окружены холодным зеленым огнем. Через какое-то время изумрудная дымка внезапно рассеялась и исчезла. Лучи погасли.

Земля снова вращалась по своей орбите в сопровождении знакомого спутника!

У Шона побелели костяшки пальцев.

— Никого не убили... вся жизнь сохранена, — прошептал он. — Живой камень сделал то, что обещал...

Шон застыл. Золотистый флот куда-то полетел. Ведомые флагоманом, они неслись вперед с постепенно нарастающей скоростью.

Неслись... прямо на Солнце!

Гигантский огненный шар уничтожит их прежде, чем они войдут в хромосферу, совершая самоубийство.

— Почему они это делают? — тихонько спросил Трост. — Терри, почему они решили убить себя?

— Это решили не они, — со странной уверенностью ответил Шон. — Их убивают. Живой камень захватил сознания всех инопланетян. Долго он их контролировать не сможет — но, прежде чем его хватка ослабнет, все корабли уже будут внутри Солнца. Они могут развивать огромную скорость, Пит.

Шон оказался прав. Когда «Орел» вошел в атмосферу Земли, за уничтожением флота инопланетян можно было наблюдать на экране телескопа. Трост, Хеффли и Флинн уставились на него, видя, как корабли один за другим исчезают в маленьких вспышках, разрываемые на атомы солнечными бурями немыслимой силы.

Но Шон с Лорной сидели в отдельной каюте. Девушка быстро писала отчет для газеты.

— У нас будет настоящий эксклюзив! — воскликнула она, и стоящий рядом с ней Шон заулыбался. — Заголовок на первой полосе «Трибуны» будет двадцатисантиметровой высоты!

— Если редактор тебе поверит. Не забывай, он не помнит, как его затащили в другой пространственно-временной континуум. Все это время он находился в стазисе, как и остальной мир.

— Ну... — Девушка заметно растерялась.

– Почему бы тебе не уволиться из «Трибуны»? – спросил Шон.
– Послушай, Лорна, – если «Орел» еще куда-то полетит, ему понадобится первый помощник.

Лорна ничего ответила. Она не могла этого сделать, потому что Шон опять поцеловал ее.

Avengers of space, (Marvel Science Stories, 1938 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

STARTLING STORIES

15¢
MARCH

A THRILLING
PUBLICATION

FEATURING
**WHEN
NEW YORK
VANISHED**

A Book-Length
Novel of the
Missing Metropolis
By HENRY KUTTNER

LIFE STORY OF SIR ISAAC NEWTON TOLD IN PICTURES

КОГДА НЬЮ-ЙОРК ИСЧЕЗ

ГЛАВА I. Куш без куша

МАЙК ПАУЭЛЛ посмотрел на пустыню Мохаве. Ему было приятно смотреть на что угодно — даже на пустой, бесплодный, монотонный тянущийся вниз песок — на что угодно, только не на своего пилота.

Потому что, когда он случайно кинул взгляд на него, марсианского краснопустынника с головой, похожей на взбитую муфту, то вздохнул. Двести лет назад облик марсианина показался бы землянам невероятным. Но прошло уже много десятилетий с тех пор, как первый космический корабль добрался до Марса и вернулся, точно Колумб, с представителями местной цивилизации.

Пилот Пауэлла, как и все марсиане, был не просто волосатый — он был *ужасно* волосатый. Такая густая поросль защищала его от песчаных бурь Красной планеты. Но Пауэлл так и не мог понять, почему, черт побери, этот конкретный пустынный отказывался побриться или хотя бы постричься.

— Гектор, — с отвращением сказал он, — ты похож на плакучую иву. Ты никогда не думал хотя бы немножко подрезать свои поросли.

Марсианин развернул голову на сто восемьдесят градусов, чтобы поглядеть на него, что позволяло делать ему строение позвоночника. С такого ракурса его лицо казалось еще менее привлекательным. На Майка Пауэлла глядели непроходимые заросли иссиня-черных волос. Оператор-ас содрогнулся.

— Да, скоро, — скрипучим голосом произнес Гектор.

Самолет нырнул в воздушную яму, и марсианин с радостным удовлетворением захихикал.

Пауэлл снова вздохнул. «Да, скоро». Что Гектор мог иметь в виду, если бы вообще был способен на иронию? Но согласие было в его словах или ирония, он все равно не будет стричься.

Частенько Майка охватывало искушение убить хихикающего Гектора. Марсиане не были отмечены, как великие мыслители. Да, они были разумны, но как-то очень по-детски. Вот сейчас, например, Гектор увидел рядом летящего канюка, и корабль свернул с курса в безумной попытке сбить несчастную птицу. Пауэлл резко крикнул, Гектор, без всяких протестов, вернул корабль на курс.

В каком-то смысле Майк был привязан к своему пилоту. Он нашел его на Марсе во время ежегодного карнавала в городе Тихо,

**Madness rules when
the world's greatest
city is catapulted into
another dimension—
while civilization
ponders the enigma
of a lost metropolis!**

A COMPLETE NOVEL

By

HENRY KUTTNER

*Author of "The Star Parade," "Suicide Squad,"
etc.*

SCHOMBURG

когда половину мегаполиса разрушило землетрясение. Когда его помощник-оператор упал в трещину, которая тут же закрылась над ним, Майку очень нужен был хоть кто-то, кто помог бы ему тащить снаряжение, пока сам он бежал, снимая рушившийся город на камеру. Он увидел, как на буквально разваливающейся улице Гектор гнался за собакой, и тут же нанял этого марсианина. С тех пор они были вместе, производя снимки на Земле, Марсе, Венере и много где еще.

ГЕКТОР НЕ обиделся бы на него, даже если бы Пауэлл сунул его в депилятор, чтобы удалить все волосы на его теле.

— Может быть, так ты меньше был бы похож на обезьяну, — сказал оператор, и Гектор задрожал от смеха.

Однако, по мнению Пауэлла, марсианин был очень тщеславным и гордился своими зарослями. Многие предприимчивые краснокожие горничные засовывали пальцы в его густую швабру, которая прятала все, что там у Гектора было. Среди дам своего племени Гектор был признанным красавчиком. Побрить лицо означало бы для него утратить всю свою славу. Кроме того, Гектор считал, что это просто неприлично. Скромный человек никогда не станет публично обнажать свое лицо.

Самым драгоценным достоянием Гектора была коллекция зеркал, в которые он смотрелся часами, ероша свои бакенбарды и предаваясь ужасному пороку нарциссизма. Но, тем не менее, он был лояльным, если не сказать верным, и выполнил бы любой приказ.

— Приехали, Гектор, — сказал Пауэлл, закуривая сигару. — Выключай гироскопы.

Вертолетное шасси начало медленно выходить из гнезд, пока машина опускалась прямо на горы под ними. Пауэлл собрал оборудование, проверил свои камеры и указал Гектору точное место, где хотел приземлиться. За низким хребтом оказался грубо построенный ангар. Вертолет вздрогнул, когда колеса ткнулись о землю.

Пауэлл тут же выскочил наружу.

— Ладно, — сказал он Гектору. — Ты ведь знаешь, что нужно делать? — Он поглядел на часы. — Сверим время.

Часы показывали одно и то же время с точностью до секунды.

— Прекрасно. Делай то, что я тебе сказал. Если ты отвлечешься, то клянусь, я задушю тебя твоими же собственными бакенбардами.

Гектор буквально залился смехом. Хихикая, он поднял вертолет воздух, где тот неуверенно закачался. Пауэлл поглядел на него, почесывая голову.

И как такие существа могли выжить и даже построить цивилизацию, хотя бы на Марсе... — начал было думать он, но быстро сдался.

Время шло быстро. Карлин Эберли скоро стартует, это нужно было заснять. Пауэлл поднялся на хребет.

Добравшись до самой вершины, он увидел внизу широкую долину. Посередине стоял ангар. Почти на километр вокруг этой постройки тянулась совершенно плоская, пустая равнина, опоясанная проволочной оградой. За оградой, вдалеке на холме, собралась небольшая толпа. Пауэлл двинулся к ним, и его длинные ноги быстро покрыли это расстояние.

Солнце уже садилось, когда он достиг вершины холма. Над горами сгушались прохладные фиолетовые тени.

— А вот и Умник, — сказал кто-то. — Привет, Умник.

— Приветствую, стервятники, — рассеяно отозвался Пауэлл. — Я не опоздал?

— Майк Пауэлл никогда не опаздывает, — заметил тот же голос.

Хозяйка голоса была маленькая, очень красивая молодая женщина с ярко-рыжими волосами и блеском распада радия в зеленых глазах. На ней были джодпуры* и блузка хаки. Здраваясь с Майком, она одновременно готовила камеру.

— Сью Кларк! — сказал Пауэлл. — Странно повстречать тебя здесь.

Девушка церемонно поклонилась.

— Я одна из твоих соперников и конкурентов, среди многих других. Но у меня нет ни малейшего шанса получить здесь куш, Умник.

— «Кинохроника Саммит» может получить куш где угодно. «Саммит» правит всей Системой! — заявил Пауэлл. — Мы первыми добрались даже до Ганимеда.

Сью Кларк поморщилась.

— Это был грязный трюк, — горячо проговорила она. — Ты подкупил моего пилота, чтобы он ушел с курса. Неудивительно, что ты опередил меня!

— Успокойтесь, — сказал чей-то глубокий голос. — Сегодня он пришел не по наши головы. Сейчас Пауэлл — всего лишь один из нас.

Но в голосе звучала надежда, больше похожая на красную мольбу. Словно у говорящего было достаточно причин не верить собственному заявлению.

* джодпуры (индийские бриджи для верховой езды; широкие сверху и сужающиеся книзу)

НЕСМОТЯ НА тот факт, что Майк Пауэлл являлся лучшим хроникером новостей, он был хорошо известен лишь среди репортеров Системы. Но в этом эксклюзивном кругу имя Пауэлла что-то да означало. Оно означало Куш, Куш с заглавной буквы.

Соперники называли его Счастливым или Умником. Но даже они признавали, хотя бы в душе, что роль тут играло не одно только везение. Пауэлл снимал фильмы еще из колыбели и глядел на мир через объектив камеры.

— Если человек кусает собаку, это всего лишь новость, — заявил однажды один недовольный репортер и получил известность, добавив: — Но если Майк Пауэлл вышел на дело, это означает Куш!

И это действительно было так. Потому что, когда роскошный космический лайнер «Астарт» был подвергнут набегу и поврежден пиратами в Поясе астероидов, там был только Пауэлл. Он снял и полицейский корабль, и перестрелку с пиратами, несмотря на то, что власти попытались все замолчать по политическим соображениям.

Когда исследователь Хансон Берч проник в кратер Везувия в специальном жаропрочном скафандре, Пауэлл, по его возвращении, украл этот скафандр и повторил подвиг знаменитого ученого. Причем одновременно снимал все это!

Когда доктор Девер Саммерс совершил чуть было не закончившийся катастрофой полет сквозь хромосферу Солнца, Пауэлл был с ним. Он чуть было не погиб от сильных радиационных ожогов, но получил свой Куш!

А помните, когда безумный Флогард направил свой корабль за пределы Плутона в безумной попытке достичь скорости света? Естественно, это все помнят. Но только потому, что Майк Пауэлл полетел вслед за ним в хрупкой одноместной посудине и снял на пленку разбитые обломки корабля Флогарда.

— Этот парень вообще не человек, — сказал один из соперников Майка после того, как его безнадежно опередили. — Он просто кинокамера — кинокамера с реактивным двигателем!

Это говорил соперник Линн Пламб, и Майк резко повернулся к нему.

— Линн! — с преувеличением сказал он. — Неужели это сам Линн Пламб во плоти? Однако, как регулярно мы с тобой встречаемся!

Линн был помощником Сью Кларк. Они создали группу новостей, которую не мог победить никто, кроме команды Пауэлла и Гектора. Внезапно вспомнив про марсианина, Сью сладчайшим голоском спросила о нем.

Пауэлл отвел взгляд, не желая смотреть ей в глаза.

— Его здесь нет, — смущенно сказал он. — Я отправил его за... э-э... даже забыл, зачем.

Зеленые глаза Сью сверкнули.

— Ну, может быть, я сумею тебе помочь, умник? Что это было?

— Что ты имеешь в виду? Я тут вообще-то на работе. Допустим, я забыл свой телеобъектив...

— Только не говори мне, что ты забыл телеобъектив! Тебе же прекрасно известно, что Эберли не позволит нам подойти и на полкилометра к кораблю.

Майк смущенно поежился.

— Ну, это был тот еще денечек. Внезапный вызов. Ты же знаешь, как это бывает. А у тебя есть запасной объектив?

— Конечно, Умник, — любезно сказала Сью, осторожно достала из кармана кожаный футляр, открыла его и вытащила оттуда большой сверкающий предмет. — Ты именно его хочешь?

— О, Боже! Спасибо! — сказал Пауэлл, подходя к ней поближе. — Ты настоящий друг.

— Вот еще чего! — вмешался Линн Пламб. — Не отдавай ему объектив, Сью!

Его толстое, круглое лицо приобрело оскорбленно-напряженное выражение.

— Да я и не собиралась, — сказала Сью, убирая объектив обратно футляр, и одновременно приглаживая тонкой рукой свои рыжие волосы. — Иди, торгуй своими статьями, Умник. Можешь пойти и умереть от зависти ко мне.

— Прекрасно, — с горечью сказал Пауэлл и обратился к другим операторам. — Никто не может одолжить мне запасной объектив?

В ОТВЕТ раздался громкий смех.

В свое время Пауэлл обскакал каждого из присутствующих, поэтому теперь они мстили ему за это и наслаждались. Пока тянулась эта сцена, совсем стемнело. Из-за гор вылезла полная луна и осыпала вершины золотом. Ангар вдалеке оставался тихим и темным.

Карлин Эберли не имел никаких шансов отправиться в свой эпо-

хальный полет незамеченным, если только что-то не нарушило его планы. Он всегда умышленно избегал публичности, но слухи в среде репортеров разлетались с быстротой молнии, и ему никогда не удавалось избежать их внимания.

Было хорошо известно, что Эберли планировал использовать новый тип двигателей, что произвело бы в космических полетах настоящую революцию. Он намекнул, что после его пробного полета любые другие ракеты устареют. Он что-то говорил о силовых полях и гравитационном отталкивании. Самое лучшее, самое дешевое ракетное топливо стало бы бесполезно по сравнению с методом Эберли. И сегодня вечером должно было пройти последнее испытание.

Внезапно в поле зрения появилась темная фигура, вприпрыжку бежавшая по полю от ангара. Она остановилась у электрифицированного забора и тихонько позвала. Собравшиеся смущенно глянули друг на друга, затем, по общему согласию, поспешили вниз по холму к тому, кто их звал.

В лунном свете они увидели крепкого, небритого человека в застегнутом комбинезоне. Он осторожно глядел на них.

— Ну? — спросила Сью. — Что случилось?

Человек помялся, потом, казалось, решил.

— Послушайте, — прошептал он, — у меня есть что-то, что вы захотите узнать. Про полет.

— Давай, выкладывай, — сказал Пауэлл.

Мужчина протянул руку и вопросительно поглядел на него.

— Мои сведения стоят денег. Если вы не заплатите, то не получите никаких фотографий.

— Я думаю, он блефует, — сказала Сью.

— Но ты уже все разрулишь? — проворчал Линн Пламб, скривив круглое лицо. — Не пытайся нас развести, парень.

Мужчина пожал плечами.

— Ладно. Но Эберли взлетит не отсюда. Ему не нужны свидетели. Несколько дней назад мы перевезли корабль...

— Куда? — с нетерпением спросил Пауэлл.

SUE CLARK

Мужчина снова ткнул ему под нос свою грязную ладонь.

— За эти сведения мне кое-что причитается, — сказал он, невольно поводя взглядом на восток.

— Не знаю, — медленно сказала Сю, следуя его взгляду. — Может быть...

На востоке, где-то за горным хребтом, внезапно вспыхнул белый свет, не уступающий по ярости извержению вулкана!

ГЛАВА II. Оплата бомбами

ЛИНН ПЛАМБ тут же начал действовать.

— Вернись на корабль, Сюю! — закричал он, хватая камеру.

Девушка уже бежала в гору.

— Я соберу вещи, — бросила она на бегу. — Запускай двигатель. Мы еще успеем!

Остальные поспешно рассеялись. Пауэлл побежал за Сюю, помог ей собрать оборудование, которое она выхватила у него и помчалась туда, где ждал ее гиролет. Пропеллер уже вертелся. Линн Пламб нетерпеливо подпрыгивал на месте пилота. Сюю бросила вещи в кокпит и прыгнула в кабину.

— Эй, — крикнул Пауэлл, стараясь перекричать рев двигателя. — А как же я?

— А что насчет тебя?

— Мой корабль у Гектора! Подвези меня.

— Нет! — сладким голосом сказала Сюю. — Нет, Умник. Это невозможно!

Она высунула маленький красный язычок, иронично помахала ему рукой, когда гиролет уже поднимался в воздух. Вокруг гремели и стучали двигатели. Самолеты единым роем поднялись в воздух и полетели к белому пламени, все еще вспыхивающему за горами.

Пауэлл вернулся к забору, где стоял человек в комбинезоне.

— Хорошая работа, — сказал он. — Вот вторая часть твоих денег, парень. Ты настоящий актер.

— Спасибо. — Банкноты тут же исчезли, как по мановению волшебной палочки, в кармане комбинезона. — Я уж не думал, что они уберутся отсюда, пока там внезапно не вспыхнул свет. Как ты это сделал?

— У меня есть помощник, — загадочно ответил Пауэлл. — Он не очень хороший мыслитель, но знает, как поджечь магниевые вспышки. Когда взлет?

— В любой момент. Мне лучше вернуться.

– Удачи, – сказал Пауэлл и помахал вслед уходящей фигуре.

Потом он установил свою камеру, достал из кармана телеобъектив и надел на него инфракрасный вспомогательный фильтр. Сюю будет вне себя от счастья, когда обнаружит, как ее провели. Тем не менее, все дозволено в любви, на войне и в работе кинохроникера.

Внезапно крышу ангара словно ветром сдуло. Стены зашатались и рухнули. На миг Пауэлл увидел человека в комбинезоне, присевшего на корточки снаружи. Затем он наклонился над камерой, отчаянно работая.

Потом по нему ударил ревущий, воющий порыв ветра. Какой-то снаряд взлетел в небо и исчез.

Это было все.

Ураган стих. Не обращая на это внимание, Пауэлл записывал еще минуту, затем выключил камеру и начал складывать свое снаряжение. Кассету с пленкой он надежно запер и взял под мышку.

Над ним зажуужал и закашлял самолет. Очевидно, это возвращался Гектор. Пауэлл замахал рукой.

Но тут мимо его уха просвистела пуля и впилась в землю у самых ног.

ПЕРВАЯ БЕЗУМНАЯ мысль, мелькнувшая в голове у Пауэлла, была, что это вернулась Сюю, полная жажды мести. Но тут же к нему вернулся здравый смысл. Над ним парила вовсе не Сюю, а темный в лунном свете силуэт убийцы.

Пауэлл бросил все, кроме кассеты, и, низко пригнувшись, побежал, уклоняясь от преследовавших его пуль. Из движущегося самолета было нелегко прицелиться в мишень на земле, освещенную только лунным светом. Лишь это спасло Пауэллу жизнь.

Оказавшись в тени холма, он удвоил скорость бега и спрятался под кустами. Темный корабль развернулся, пытаясь его найти. Пули чмокали, ударяя в землю. Иногда раздавался резкий треск, когда они попадали в камни.

Пауэлл свернулся калачиком, защищая своим телом в кассету с пленкой и думая о том, что делать дальше. По чистой случайности пули могли настигнуть его. С другой стороны, они могли и не попасть. Однако если он побежит, то его движущееся тело станет видимой мишенью.

– Хорошенькое дело, – пробормотал Пауэлл и обнаружил, что в ребра ему впивается какой-то твердый предмет.

Он сунул под себя руку и осторожно достал плоскую коричневую бутылку.

— Весьма кстати, — пробормотал он. — Ну ладно, бутылка, заставь меня забыться или, по крайней мере, помоги игнорировать творящуюся вокруг бессмыслицу...

Когда резкий бурбон обжег горло Пауэлла, свистящие пули каким-то странным образом показались ему не такими опасными.

С востока появился еще один самолет. Нападавший на Пауэлла заколебался, выпустил наугад остатки боеприпасов и улетел прочь.

Гектор опустил свою машину возле холма и в лунном свете появилась его сияющая, пушистая, иссиня-черная голова.

— Привет, парень! — закричал Пауэлл. — Воистину, ты кажешься мне самым прекрасным уродом во вселенной! Полетели быстрее отсюда. В штаб-квартиру в Лос-Анджелесе.

Гектор выглядел довольным. Его неуклюжее тело прямо-таки тряслось от веселья. Самолет резко накренился, пока они садились с него.

— Полежай за штурвал, — огрызнулся Пауэлл. — Что с тобой было, тунядец? Что заставило тебя так задержаться?

— Я гонялся за канюком, — захихикал марсианин. — Убил его. Приятно, парень, что ты об этом спросил!

— Значит, ты гонялся за несчастной птицей, пока по мне вели прицельный огонь? — с горечью сказал Пауэлл.

Он снял кепку и положил ее в угол. Стащил сапоги, ослабил пояс и с глубоким вздохом расслабился. Ночная работа закончилась. Оставалось только доставить кассету в местную штаб-квартиру.

Самолет взлетел в воздух и пролетел высоко над группой других, безуспешно летевших в противоположном направлении.

— Системой рулит «Саммит», — самодовольно заявил Пауэлл, а Гектор с громким смехом зааплодировал. — Держи штурвал, ты, швабра! Не бросай управление. Мы еще не сдали отснятую пленку.

ОДНАКО ОН знал, что пленка уже практически на экранах. Они пролетели над Лос-Форестом, Сан-Бернардино и, наконец, Глендейлом.

Выходя из самолета, Пауэлл все еще думал о том, кто же напал на него. Но это было не так важно, как доставить фильм. Гектор рысцой бежал рядом с ним по аэропорту. Огромные ноги марсианина, похожие на снегоступы, громко шлепали о бетон. Навстречу бегущим вырулило такси.

— Здание «Саммита», — велел Пауэлл, залезая внутрь. — И дави на газ, парень.

Водитель съехал за рулем, когда Гектор, казалось, заполнил всю машину своим объемистым телом. Такси рвануло с места.

Подъехав к зданию «Саммита», они выскочили из машины и ворвались в главный офис, тут же столкнувшись с маленьким испуганным человеком, который вскочил из-за своего стола, точно испуганный крокодил.

— Куш, Никельсон! — крикнул на бегу Пауэлл. — Лови.

Он бросил кассету с фильмом прямо в него, и Никельсон, ловко поймав ее, растянул губы в улыбке.

— Взлет Эберли, а? — спросил он.

— Эксклюзив, — кивнул Пауэлл. — Пускай ее немедленно в обработку. У меня есть одна идея, только не спрашивай меня, какая. Нужно сначала просмотреть пленку.

— Конечно, — сказал Никельсон. — Секундочку, Майк.

Он убежал вместе с пленкой. Пауэлл опустился в удобное кресло. С невероятным терпением он откусил кончик сигары, осторожно зажег ее и запыхтел. Гектор, уже сидя, водрузил на подоконник свои огромные ноги и поглядел из окна вниз, на круговорот света и красок.

— Хороший куш мы поймали, Гектор, — сказал Пауэлл. — Во всяком случае, мне так кажется. Что ты об этом думаешь?

— Ничего, — рассеяно ответил марсианин. — Куш? Деньги, да?

— Да. Много денег. Ты можешь купить себе массу зеркал. — Внезапно Пауэлл понял, что Гектор любит своею своим отражением в оконном стекле. — Тебе ведь они нравятся, верно?

Гектор повернулся, но внезапно его неуклюжая фигура превратилась в какое-то расплывчатое, ослепительное пятно. Он метнулся через комнату, схватил Пауэлла вместе с креслом... Затем Пауэлл потерял нить событий. Он оказался заброшенным в угол комнаты за диван. А Гектор упал на него сверху.

Окно разлетелось вдребезги, и внутрь ворвался яростный шум. Адское пламя пролетело по комнате. Все вокруг мелькало, летало и ударялось об стены. Диван тоже попытался размазать Гектора и Пауэлла по стене. Затем все стихло.

— Это плохо, а? — недоуменно спросил Гектор.

НИЧЕГО НЕ отвечая, Пауэлл поднялся на ноги. По комнате словно Мамай прошел. Стол и стулья были опрокинуты и разбиты. Стены почернели, потрескались и покрылись какими-то выбоинами. Ковер тлел. Окно исчезло, на месте его зияло рваное отверстие. Из этого отверстия доносился гул самолета, куда-то быстро удаляющегося.

— Они прилетели за нами, — сказал Пауэлл. — Ты видел, кто это, Гектор?

— Нет, — ответил марсианин, трясая своей косматой головой. — Самолет. И в нем человек. В маске. Пытался сбросить сюда бомбу.

— Пытался? — иронично переспросил Пауэлл. — Привет, Никельсон. Не обращай на нас внимания. Как видишь, мы пытаемся чувствовать себя, как дома.

— Да уж, вижу, — пробормотал похожий на кролика человек, пытающийся протиснуться сквозь косо повисшую дверь. — Только не забывайте, что вы в гостях... Что тут произошло?

— Кто-то хотел добраться до моей шкуры. Не знаю, кто и почему. Может, в этом поможет пленка, которую я заснял нынче вечером. Она готова?

Никельсон отвернулся от дыры, зияющей на месте исчезнувшего окна.

— Да, она готова. Только подожди, сначала я позвоню в полицию. Пауэлл схватил его за руку.

— Не можешь ли ты помедлить, пока я не пойму, в чем тут дело? Есть у меня одно подозрение.

— Нужно сообщить об этом полиции.

— Потом. Сначала я хочу увидеть пленку. Дай мне немного времени.

— Ладно, — сказал Никельсон. — Гектор, проверь, пожалуйста, предохранители. Что-то тут свет не работает. Идем, Майк.

Спокойно пыхтящий сигарой Пауэлл пошел за Никельсоном в проекционную и уселся в кресло. Его тонкое лицо было напряженным — единственный признак бушевавших в нем эмоций.

— Я использую инфракрасный фильтр, — сказал Никельсон. — Так лучше видно.

На экране появилось изображение, странно лишенное глубины и перспективы. Буквально развалившийся на куски ангар открыл космический корабль. Затем яркая линия понеслась в небо.

— Стоп! — закричал Пауэлл. — Пусти в замедленном темпе.

За ангаром, являвшимся теперь просто массой рухнувших досок, медленно поднимался чей-то гироплан. Телеобъектив обеспечивал четкость съемки.

Но тут фильм закончился, и картинка исчезла.

— Еще раз, — сказал Пауэлл. — Я хочу как следует рассмотреть этот гироплан. Попробуй другие фильтры. И на этот раз еще медленнее.

Никельсон повиновался. Снова появился гироплан. Внезапно он увеличился в размерах.

— Еще крупнее, — сказал Пауэлл.

Изображение снова увеличилось. Кинооператор уставился на экран. В самолете сидело двое. Пилот явно был ему незнаком, зато другое лицо он узнал. Он не раз снимал его.

— Доктор Макс Оуэн, — тихо сказал Пауэлл.

— Да, — согласился с ним Никельсон. — Это тот парень, электрофизик с большим будущим. Проживает в Чикаго. Но какого черта? Он же никак не связан с Эберли?

— Не знаю, — проворчал Пауэлл. — Но собираюсь это выяснить. Может быть, я наткнулся на еще один куш. Никельсон, я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Отрежь последнюю часть этого фильма. Не показывай вообще никому гироплан. Но сохрани пленку, помести ее в хранилище.

— Зачем? — спросил Никельсон. — Что-то я ничего не могу понять.

— Это доказательство. Может им стать. Я попытаюсь увидаться с доктором Максом Оуэном. Сегодня кто-то дважды пытался меня убить. И мне это не нравится.

— Но Оуэн не убийца, Майк.

— Может, и нет. Когда вернусь, у меня на руках может быть еще один куш.

Пауэлл встал и ушел. Что-то подсказывало ему, что он наткнулся на историю... На очень большую историю. *Но этот жирный кусок еще предстоит откусить и прожевать*, подумал он.

ГЛАВА III. Враг один или два?

ЗА ПОСЛЕДНИЕ столетия Чикаго превратился в гигантский город, окруживший озеро Мичиган. Огромные плавучие причалы уходили в гладь воды, мощный мост тянулся на противоположный берег. Пауэлл жевал сигару и тихонько проклинал Гектора, пока тот садил машину в арендованном автопарке на Девятой Авеню в плавучей части города.

Затем они подъехали к обочине металлического квадратного блока, установленного в саду размером с городской квартал. Это и был дом доктора Макса Оуэна.

Пауэлл медленно вылез из машины, не глядя на громадный, приземистый дом.

– Увидимся позже, Гектор, – сказал он. – Не забудь посмотреть меня по телевидению.

Марсианин кивнул лохматой головой, убрал в машину снаряжение и ушел. Пауэлл похлопал по легкой выпуклости кармана и удовлетворенно кивнул.

Фотоэлектрический замок открыл ворота при его приближении. Он прошел по извилистой дорожке и остановился перед дверью в передней части куба.

Непрозрачная панель перед ним, величиной с квадратный метр, бледно засветилась.

– Кто там? – раздался металлический голос.

– Майкл Пауэлл. «Кинохроника Саммит».

– По какому делу?

– Для встречи с доктором Оуэном.

Небольшая пауза. Затем дверь скользнула в стену.

– Входите, пожалуйста, – сказал тот же голос.

Пауэлл вошел в пустой, безликий зал со стальными стенами. Поколебался, глядя по сторонам. Затем пол слегка ушел из-под ног.

Он стал падать.

Пауэлл невольно вскрикнул и схватился за пистолет в кармане, но почти тут же понял, что это просто лифт. Возможно, немного круто, но не опасно. Пока что не опасно.

Гладкие стены, казалось, скользили мимо него. Затем без всякого предупреждения пол толкнул в ноги и замер. Прямо перед глазами Пауэлла появилась щель, которая начала молниеносно расширяться.

Пауэлл шагнул вперед и оказался в роскошно обставленном кабинете. Богатые ковры из Туркестана покрывали дубовый пол. Стены драпировали красочные гобелены. Кругом стояла мебель 1940-х годов, за столом из стеклянного кирпича сидел человек. Точнее, даже не сидел, а просто присел.

Доктор Оуэн был очень толст. Он выпирал из поддерживающего его кресла, одежда на нем трещала по швам.

Под глазами безволосого, блестящего от пота лица были большие мешки. Загадочные черные глаза невозмутимо смотрели на Пауэлла. Чувственные губы раздвинулись в улыбке, с удивительным зловещим отсутствием веселья и тепла.

— Я всегда рад видеть прессу, — промурлыкал доктор. — Точнее, кинохронику. Чем я могу вам помочь?

Прежде чем Пауэлл успел ответить, доктор махнул рукой.

— Все время забываю про свои обязанности хозяина. Садитесь, пожалуйста. Сигару?

Он протянул Пауэллу коробку, и тот взял черный цилиндрок с золотым наконечником. Когда он сделал затяжку, сигара автоматически зажглась, после чего платиновое пятнышко на черном кончике больше не нуждалось в объяснениях.

Пауэлл опустился в удобное кресло, выпустил дым из ноздрей и поглядел на Оуэна. Если электрофизик и помнил про своего гостя, то это никак нельзя было сказать по его лицу. Пот мерцал на обвисших щеках, желтые волосы, гладко причесанные, сверкали.

Сразу, без всяких предисловий, Пауэлл перешел к делу.

— Вчера вечером я сделал съемки взлета Карлина Эберли, — сказал он. — Вы про это слышали, конечно?

— Эксперимент Эберли? — переспросил доктор Оуэн. — Да.

— На меня напали с воздуха. К счастью, мне удалось убежать. Но когда я просматривал снятую пленку, то увидел в атакующем меня самолете человека, которого узнал. Вас, доктор Оуэн.

— В самом деле? — спросил доктор. — Вы уверены?

— У меня есть доказательства, — заявил Пауэлл. — Мастер-копия сейчас находится в безопасности. Была предпринята еще одна попытка уничтожить ее...

Он замолчал.

Оуэн засмеялся. Его грубое лицо задрожало и затряслось, точно студень. Негромкий смех постепенно перерос в оглушительный рев. Странно, но Пауэлл почувствовал исходящую от него волну какой-то угрозы. Он ждал, не сводя глаз с хозяина кабинета.

Наконец, тот успокоился. Он достал шелковый платок и вытер потные щеки.

— Прошу прощения, мистер Пауэлл. У меня вообще очень плохие манеры. Но доказательств, о которых вы говорите, не существует. Взгляните. Я только что получил это по своей машине теленовостей.

Он сунул обрывок бумажной ленты чуть ли не в нос Пауэллу, который схватил его. Буквы заплясали у него перед глазами обвинительным приговором.

— Сегодня в двенадцать часов грабители ворвались в офис компании «Ньюс-Ньюс» в Лос-Анджелесе, проникли в складское хранилище фирмы и взорвали там тепловую бомбу, чтобы уничтожить весь запас мастер-копий. Спасти не удалось ничего. Внимание сотрудников привлек только взрыв термитной бомбы. Хранилище

было разрушено. Никого не поймали на месте преступления, но полиция обещала арестовать виновных в течение двадцати четырех часов.

Пауэлл бросил ленту на стол. Холодное предчувствие опасности снова пробежало у него по телу, хотя на худом лице не появилось никаких эмоций.

— Странное совпадение, не так ли? — небрежно сказал он.

— Очень странное, — улыбнулся Оуэн. — Если в том хранилище была та самая мастер-копия, о которой вы тут говорите, то это очень печально. Разумеется, если у вас нет других копий. А я думаю, что у вас их нет.

Пауэлл пожал плечами.

— Ладно. Вчера вечером в Мохаве были не вы. Мое слово против вашего, а вы знаменитый доктор Макс Оуэн. Тем не менее, когда кто-то пытается убить меня, мне хочется узнать, почему. Может, это тоже смешно?

— Не думаю, что ваша жизнь находится в какой-то серьезной опасности, мистер Пауэлл.

Пауэлл откинулся на спинку кресла и выдохнул облачко сигаретного дыма.

— У меня есть основания для подозрений, — тихо сказал он. — Новый двигатель Эберли для космических кораблей должен быть чем-то очень хорошим. Настолько хорошим, что может сделать все другие корабли устаревшими. Ракетным компаниям это не понравится.

Лицо Оуэна оставалось неподвижным, и Пауэлл не мог понять, о чем доктор думает.

— Возможно, я ошибаюсь, — продолжал Пауэлл. — Но, во всяком случае, я так думаю. Ракетные компании предпочли бы сыграть по-другому, если была бы возможность подкупить Эберли. Но за этим кроется что-то еще, что-то гораздо больше. Я чувствую это. Такое большое, что может привлечь интерес БМР.

— Бюро межпланетных исследований? — медленно спросил Оуэн. — Вы так думаете?

Пауэлл решил разыграть свой туз.

— Не думайте, что вы не оставили никаких следов, — сказал он. — Попытка расправиться с Эберли была не единственной. Мы, парни из новостей, обожаем всяческие расследования. МБР будет определенно заинтересовано в том, что я должен им рассказать.

Оуэн ничего не сказал. Он просто сидел и ждал.

— Разумеется, я бы не сказал, что так уж обязан что-нибудь им говорить. Тут все упирается в финансы.

Пауэлл блефовал. Практически, он ничего не знал, но электрофизик не может быть в этом уверен. Он поднял с кресла свою огромную массу тела.

— Мне не нравятся шантажисты, — холодно сказал он. — Вчера вечером в том самолете был не я. Однако, пожалуйста, подождите здесь. Я скоро вернусь. Слева от вас, в хромированном шкафу вы найдете ликер.

Пауэлл глядел, как он выходит из двери, скользнувшей за ним на место. Дверь закрылась, и репортер остался один. Некоторое время он сидел неподвижно.

Затем достал с кармана громоздкие очки с толстыми, тяжелыми линзами и водрузил их на глаза. Нажал незаметную кнопку на крошечной переносной батарее, и на линзах очков замерцали вспышки туманного света. Комната сделалась нечеткой.

Пауэлл бросился к двери, через которую только что вышел Оуэн. Дверь оставалась закрытой, но он и не пытался ее открыть. Пауэлл прижал линзы очков вплотную к стали и стал ждать.

Сначала он ничего не увидел. Затем включился флюороскоп, стена словно растаяла, и он увидел тусклые тени. Пауэлл отрегулировал рентгеновские лучи, показывавшие сквозь сплошной металл, что лежало за ним.

Эти рентгеновские очки были новинкой, недавно разработанной в лабораториях «Кинохроники Саммит». Там вообще разрабатывалось много необычных устройств, и не все из них были пущены в открытую продажу.

Рентгеновские очки были созданы в качестве дополнения к камерам, оснащенным рентгеновскими линзами. Для их создания потребовалось много месяцев кропотливого труда под микроскопами, но главным их достоинством были маленький вес и размеры. Ученым пришлось сделать все схемы как можно более компактными.

Пауэлл обнаружил, что видимость далека от совершенства. Он попытался настроить очки, но все равно почти ничего не видел, кроме какого-то громоздкого контура с высоким корпусом. Затем он узнал, в нем телевизор. Это точно должен быть телевизор, несмотря на необычный дизайн.

А ПОТОМ в поле зрения появилась тень человека — грубая, неуклюжая, громоздкая фигура Оуэна, водящая руками над какими-то циферблатами. Экран телевизора ярко вспыхнул. Пауэлл поспешно достал из кармана увеличительную линзу и прикрепил ее на левый окуляр очков, а потом закрыл один глаз.

На экране появилось изображение. Через рентгеновское устройство Пауэллу было плохо видно его, но, тем не менее, он сумел разобрать фигуру сидящего человека.

Нет, это был не человек, а автомат – робот.

В глубине экрана Пауэлл увидел тускло, металлически блестящее человекообразное существо, сидящее за столом, заваленным какими-то картами, документами и графиками.

Он изо всех сил напряг глаза, пытаясь разглядеть детали. Но у него осталось лишь смутное впечатление от металлического тела, огромного, цилиндрического торса, увенчанного шаровидной головой с большими глазами. Глаза казались гранеными, но Пауэлл не был в этом уверен. Нижней части тела не было видно.

Пауэлл выхватил из кармана маленькую черную трубку и направил ее на дверь. На одном конце похожего на карандаш объекта раскрылся диск из гибких, металлических проводков. На другом конце была крошечная капсула. Пауэлл размотал на всю длину проводящий шнур, а капсулу вставил в ухо.

Это был сверхчувствительный микрофон, способный собирать звуковые колебания в направленный пучок. Если бы по другую стену играл фонограф, то обычный микрофон не воспринял бы ни единой нотки музыки. Но только не это новейшее устройство «Саммит».

Звуки голоса, падающие на стену, достигли микрофона в ухе Пауэлла. И он услышал голос Оуэна.

– Он догадывается. По крайней мере, мне так кажется. Возможно, он что-то узнал...

Затем послышался другой голос, почти беззвучный, бесстрастный и четкий.

– Ничего он не узнал. Он ничего не знает о моей организации или о вашей роли в ней. Прогони его. Корабль Эберли скоро доберется до Венеры, а там мои планы придут в действие.

Экран телевизора потемнел. Пауэлл отскочил от двери, заталкивая очки и микрофон в карман, когда тень Оуэна отвернулась от машины. Когда физик вернулся в комнату, то Пауэлл уже пил виски и пыхтел полувывуренной сигарой. Половину сигары он отломил и положил в карман, потом снова зажег ее.

Оуэну показалось, что Пауэлл не сдвинулся с места с тех пор, как он вышел из комнаты.

Он занял свое место за столом и снова вытер щеки шелковым платком.

– Ну? – спросил Пауэлл.

Прежде чем доктор успел ответить, раздался низкий гудок. Он развернул свое тело и нажал скрытую кнопку. Из стены выдвинулся, точно по волшебству, маленький телевизор. Экран его замерцал.

— Простите, — сказал Оуэн и принялся крутить ручки телевизора. Экран очистился. На нем появилось лицо Гектора.

— Мистера Пауэлла пожалуйте, спасибо, — раздался пронзительный голос марсианина.

Оуэн сгорбился в кресле, точно хищная птица. Уродливая улыбка скривила его губы. Он кивнул Пауэлла, который встал и подошел к хозяину кабинета.

— Привет, Гектор, вот он я, — сказал Пауэлл.

— Я до сих пор жду, — сказал марсианин. — Ты в порядке, босс?

— Я присоединюсь к тебе через полчаса, — сказал Пауэлл. — А если нет, ты знаешь, что нужно делать. Скоро увидимся.

Гектор прервал связь. Пауэлл повернулся и встретился со взглядом черных глаз.

— А вы, похоже, осторожны, — сказал доктор, — хотя немного зловеще все мелодраматизируете. Не нужны такие меры предосторожности. Уверяю вас, я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Вы можете уйти, когда захотите.

— Это все, что вы можете мне сказать?

— Да, все, — решительно сказал Оуэн. — Доброго вам дня.

ГЛАВА IV. Преследование в космосе

Потребовался целый час, чтобы добраться до штаб-квартиры в Нью-Йорке. Там Майк Пауэлл поднялся на лифте в кабинет большого начальника, мистера Х. Гвинна, который несколько холодно принял его. Это был хорошо сложенный, холеный администратор, очень подходящий к своей роли. На нем был яркий твидовый костюм, и он постоянно курил вересковую трубку. Гвинн частенько говорил, что он лишь парень из большого коллектива. Но у парней из этого коллектива имелось для него другое имечко.

— У вас снова неприятности? — спросил он, когда Пауэлл ворвался в кабинет. — Что случилось на этот раз?

— Послушайте, шеф, — сказал Пауэлл, с трудом сдерживая свое нетерпение. — Вы слышали о том, что тепловая бомба уничтожила наше хранилище в Лос-Анджелесе?

Гвинн поморщился.

— Я слышал об этом. Это обойдется нам в много миллионов, несмотря на то, что мы были застрахованы. А что вы имеете в виду?

– Это взрыв был организован для того, чтобы уничтожить пленку, которую я привез прошлой ночью после взлета Эберли. Я наткнулся на что-то... Ну, на что-то очень большое. Даже не знаю пока что, насколько большое. Но догадываюсь, что это будет Величайший Куш, если вы дадите мне карт-бланш.

Начальник застыл.

– Последний раз, когда я дал вам карт-бланш, вы отправились в Северный Марсополис и сподили весь город. Простите, но сейчас вы получите другое задание.

– Но это же величайшая сенсация, – сказал Пауэлл.

– Что вам нужно? – спросил Гвинн.

– Прежде всего, отправьте меня в погоню за кораблем Эберли на Венеру. Что-то случится либо перед тем, как он приземлится, либо после посадки. Но в любом случае, я хочу быть там вовремя на месте, с большим количеством чистой пленки.

– Я не могу сейчас отправить вас, – сказал Гвинн. – Мне не хватает сотрудников, а в Нью-Йорке что-то происходит. Причем именно в вашем районе.

Внутри Пауэлла опять поднял голову репортерский инстинкт.

– Что именно? – спросил он.

– Понятия не имею. Я пытался просмотреть материалы, но их слишком много. Безумно много. Какие-то чудовищные роды. Проблемы с генетическими экспериментами на плодовых мушках. И преступления! Настоящий взрыв преступлений. Кстати, Майк, по приказу правительства мы все это держим пока в секрете. В Нью-Йорке происходит что-то странное. И по какой-то причине, только на острове Манхэттен. Происходит масса таких случаев, которые иногда проявлялись и прежде, но не десятками же в день! Буквально только что мне сообщили, что в наших лабораториях у протоплазмы начали вдруг развиваться рудиментарные жабры и позвоночник. Вы понимаете, что это значит?

ПАУЭЛЛ ПРИСВИСТНУЛ.

– Но такого же быть не может! – запротестовал он.

– Совершенно верно. Но это происходит. Последние три месяца Нью-Йорк подвергается какому-то влиянию извне. Правительственные агенты, работающие над этой проблемой, настойчиво попросили меня замять все подобные дела, опасаясь паники среди населения. Но когда у змеи начинают вырастать перья... Да-да, это тоже случилось. У царской змеи в зоопарке. Она обросла пухом и перьями, помоги мне Господь!

— Перья развивались в течение миллионов лет во время эволюционного процесса, — заметил Пауэлл.

— А у меня фальшивые зубы и подкрашенные виски, — огрызнулся Гвинн. — Но я не родился с ними. Я хочу, чтобы вы пошли туда, Майк, и проследили за всеми этими странностями.

— Все это здорово и прекрасно, босс! Но, думаю, что у меня есть на руках нечто большее. Просто позвольте мне полететь на Венеру. Потом я вернусь обратно, как можно быстрее. И тогда помогу вам в Нью-Йорке. У меня действительно Большой Куш. По крайней мере, я так подозреваю.

— Но в чем он заключается? — спросил Гвинн. — Что было на пленке, которую уничтожили эти таинственные враги?

Пауэлл заколебался, стоя на грани того, чтобы все рассказать Гвинну об Оуэне. Но глава «Кинохроники Саммит» вечно боялся неблагоприятных рекламных трюков и исков о клевете. А у Оуэна была хорошая, даже безупречная репутация.

— Не могу сказать, — наконец, выдавил из себя Пауэлл. — Но любящая компания, занимающаяся кинохроникой, дорого заплатила бы мне за то, чтобы получить этот эксклюзивный материал.

Гвинн заколебался.

— И надолго вы собираетесь улететь? — спросил он.

Пауэлл отметил, что он сказал «собираетесь», а не «мечтаете». Ухмыльнувшись, он пожал плечами.

— Я думаю, ненадолго. И когда я вернусь, вы не пожалеете, что отпустили меня туда.

Гвинн что-то написал в блокноте, потом вырвал листок и бросил его Пауэллу.

— Но если вы подставите меня, — заявил он, — то я вас застрелю, клянусь, что застрелю, и помоги мне Господь! На этот раз я исполню свою угрозу. Я убью вас! Уничтожу! Сделаю так, что во всей Системе вас не возьмут на работу даже дворником!

Когда Пауэлл выходил из кабинета, Гвинн все еще кричал ему в спину угрозы. Он спустился на лифте в бар. Гектор сидел там и хлестал «коллинз». Точнее, то ли лизал его, то ли лакал. Из спутанной, дикой поросли на его лице то и дело высовывался длинный, гибкий язычок и с жадностью погружался в ликер. Пауэлл оторвал своего помощника от этого занятия и отправил вместе с еще двумя людьми на чартерный корабль.

Сделав это, он позвал бармена и занялся тем, чтобы набить кладовую корабля запасами выпивки.

— Венера мокрая планета, — сказал он, — но там нет ничего, кроме воды. Так что несколько лишних бутылок «Нектара» пойдут нам впрок.

— «Нектара»? — спросил бармен. — У нас нет его запасов. Могу предложить вам только «Мига-ликер», правда, он с Марса.

— Виски тоже сойдет, — сказал ему Пауэлл.

ПОЛЕТЫ В КОСМОСЕ на кораблях не являлись обычным делом, несмотря на столетия исследований и экспериментов, которым посвятило все свое время множество инженеров. Еще с ранних времен Тилинга, Мирака и репульсаров, начиная с «Шмидля V12» конструкции Годдарда, специалисты по космическим кораблям не прекращали исследования, все конструировали и пытались их улучшить. Но, как всегда, самой большой проблемой оставалось топливо. Целые десятилетия прогресс в этой области сдерживала энергия отработанных газов. В атмосфере планеты, до скорости 500 км в час, обычный пропеллер эффективнее, чем реактивный двигатель. Только в космическом вакууме реактивный двигатель может проявить себя во всю силу

С ранних времен существовало соперничество между жидким и твердым топливом. Первоначально жидкое топливо было кислородно-водородной смесью, затем его заменили новые, изумительно улучшенные взрывчатые вещества, компактные и безопасные. Но, несмотря на это, большая часть пространства внутри корпуса корабля была занята топливными трубами. Трудно преодолеть огромное расстояние между планетами.

Посадка являлась еще одной проблемой. Низкая гравитация и разреженная атмосфера Марса сводили ее к минимуму. Но Венера была пока еще не настолько цивилизована, чтобы там строить спутники-станции, какие кружили над Землей. В пятидесяти километрах над нашей планетой, на равном расстоянии вращаются две искусственные луны — огромные астероиды, которые сняли с орбит и несколько десятилетий вели к Земле. На этих космических станциях и высаживаются корабли, где помещаются в искусственную атмосферу в пещерах под их поверхностью. Кораблям там садиться гораздо легче, чем с безопасной скоростью входить в атмосферу Земли. А затем суперстратопланы перевозят вниз пассажиров и груз.

Еще два спутника поменьше вращаются на высоте восьмидесяти километров. Находясь над слоем Хевисайда, они являются огромными радио и телевизионными станциями, передающими сообщения туда и обратно от искусственных лун. Поскольку обычно ради-

оволны не могут пробивать слой Хевисайда, эти спутники делают возможность связи между планетами. Ракеты, вращающиеся на орбитах вокруг Венеры и Марса, исполняют ту же работу.

Покрытая вечными облаками Венера по-прежнему остается форпостом. Находящаяся на расстоянии более шестидесяти семи миллионов километров от Солнца, с ужасным влажным климатом и вечными осадками, льющимися из огромного облачного одеяла, эта планета приобрела себе дурную репутацию. На Венере живет очень мало землян. Они медленно колонизируют ее, главным образом, умеренные полярные области (где жарче, чем на Суматре или Яве), и, что любопытно, практически вся растительность находится в гигантских морях, покрывающих большую часть планеты.

Миллионы лет осадки разрушали почву суши. Большая часть ее давно была смыта в воду, обнажив находящиеся под ней скалы. На небольших континентах существует лишь малое количество видов странной растительности, питающейся непосредственно минералами. Океаны не являются судоходными, за исключением плоскодонных кораблей на салазках, так как только они могут скользить по столь заросшей, как Саргассово море, воде. Обитатели верхних слоев воды, змеевидные и угрюмые, могут легко выплывать на самую поверхность, вечно скрытую от солнца облаками, поэтому они белые и полупрозрачные.

Глубины океана остаются загадкой, хотя существует легенда о подводной полуразумной расе, обитающей на самом дне.

Большую часть поверхности океана скрывает белый туман. Атмосфера, несмотря на обилие углекислого газа, позволяет дышать, но необходимы охлаждающие костюмы. Также нужны инфракрасные очки. Нет, поистине этот форпост — ревуший ад, где ужасающая жара стоит даже в полярных городах, и где людям приходится вести нелегкую жизнь, а умереть там слишком просто. Если бы не богатые залежи ценных минералов, Венеру вообще и не подумали бы колонизировать.

Корабль Пауэрлла летел на Венеру. Во время полета Пауэрлл несколько раз пытался связаться, но безуспешно, с тем, кого преследовал. Обязательно все космические корабли, входящие в атмосферу Венеры, описывают сужающуюся спираль. Но корабль Эберли не подумал этого делать. Он просто нырнул в облачное одеяло и исчез. Несмотря на то, что всю дорогу Пауэрлл до предела нагружал корабельные двигатели, он был далеко позади. Но его приборы достаточно точно зафиксировали место исчезновения цели, а спутниковые радиокорабли и полюса являлись ориентирами. Эберли приземлился, очевидно, у берега Маря Инфернум, одного из океанов.

Войдя в атмосферу, Пауэлл выбросил большой тормозной парашют. Он снижался до тех пор, пока не мог встать на крыло. Несмотря на это, прошло еще несколько часов до того, как корабль затормозил настолько, чтобы Пауэлл мог включить винты. Он также включил радиостанцию, определил свое местоположение и направился к Маре Инфернум.

НО ПРОШЛО достаточно много времени с тех пор, как Эберли исчез. Останется ли какой-нибудь след, какая-нибудь подсказка? Пауэлл не мог сказать этого, не мог даже догадываться, он даже не знал, какой корабль ищет. Его вообще могла бесследно поглотить вода.

— Я стою перед выбором, — сказал он Гектору. — По правилам, я должен связаться со здешними властями и доложить им, где именно надо искать корабль Эберли. Но на Венере у нас наверняка есть конкуренты. Я не собираюсь никого оповещать, что гонюсь за Кушем.

Гектор хихикнул.

Наконец, более полагаясь на удачу, чем на навыки, Пауэлл отыскал свою добычу, по крайней мере, ее след. В непосредственной близости от берега его приборы обнаружили наличие большого количества металла. Нефтяное пятно все еще расплывалось на поверхности моря, а пока он наблюдал, из глубины поднялся и лопнул пузырь воздуха.

— Внизу сплошные водоросли, — мрачно сказал он. — Интересно, там ли Эберли?

Используя винты гироплана, он опустил космический корабль к масляному пятну, медленно колышающемуся на поверхности воды. При помощи инфракрасных очков он видел сквозь парящую воду метров на двадцать вниз, в заданном круге, ограниченном белым туманом. Хотя море выглядело прозрачным, Пауэлл не замечал никаких признаков, даже контуров космического корабля.

— И что теперь? — спросил Гектор.

— Я не знаю, какая здесь глубина океана. Невозможно вести зондирование через эти водоросли. Но корабль будет медленно опускаться под действием своего веса, пока не прорвется сквозь них. И тогда станет падать. Интересно...

Марсианин протер иллюминатор, уже покрывшийся паром.

— Что? Босс?

— У нас на борту есть космические скафандры. Я пойду вниз.

— В воду? В эти подводные заросли?

Пауэлл кивнул.

— Безумец, — сказал Гектор. — Ты там умрешь быстро и просто, босс.

ГЛАВА V. Спуск в зеленый ад

ПАУЭЛЛ НАЧАЛ готовиться.

Вместо громоздкой подводной кинокамеры он взял компактное устройство с магнитопленкой. Устройство использовало катушку намагниченной ленты для записи изображений вместо обычной целлулоидной киноплёнки.

Пауэлл укрепил эту камеру в специальное гнездо на передней части космического скафандра, сделал все необходимые манипуляции и надел стеклянный шлем.

В качестве добавочного оборудования Пауэлл прихватил с собой небольшую коробку с химикатами, присоединил к ней резиновую трубку, а также взял остроконечный нож похожий на мачете. Теперь он был готов. Не требовалось подсоединять никакого воздушного шланга. Кислород автоматически обновлялся в скафандре. Корабельная лебедка спустила Пауэлла на практически неразрывном тросике на каменный выступ над самой водой.

Пауэлл сделал шаг, и его тут же накрыла волна. Марсианин медленно выбрал обвисший было тросик, дав ему натяг, и ноги кинооператора, бедра, а потом и все тело скользнуло в воду. Внутри скафандра он ничего не почувствовал. Зеленая тьма окутала Пауэлла.

Вода кишела гигантскими, извивающимися коловратками. Змеевидные позвоночные рыбы, бешено извиваясь, пролетали сквозь водоросли. Пауэлл почти сразу же запутался. Он не мог подавить внезапный, пробежавший по позвоночнику холодок страха. Много землян погибли в саргассовом Маре Инфернум, схваченные и уже не отпущенные водорослями.

Прозрачная растительность, невидимая, но цепкая, стискивала его. Пауэллу пришлось воспользоваться ножом. Грузики на ботинках держали его в вертикальном положении, но он не опустил слишком глубоко. Водоросли были очень плотные.

Тогда он схватил сопло своего химического шланга и направил струю кислоты вниз. Под ее воздействием водоросли тут же стали видимыми, поскольку почернели и сморщились. Рыбы, попавшие в смертельный круг, забились и начали медленно опускаться вниз. Когда оружие Пауэлла проело под ним упругий пол, он тоже начал погружаться через вал потемневших, извивающимся морских рас-

тений. Он шел все ниже и ниже. Какой толщины был слой растительности, Пауэлл даже не мог гадать. Вода быстро темнела. Он включил фонарь, коротко переговорил с Гектором по радиации.

Наконец, растения стали менее густыми. Просто они еще не успели сомкнуться над тонущим кораблем. Но сам корабль Пауэлл пока что не видел...

Нет! Кажется, вот он, неподвижная тень под ним. Допустим, корабль закрыт, и люки его заперты? Пауэлл мог бы что-нибудь придумать, чтобы вскрыть один из люков, но тогда внутрь корабля хлынет поток воды. Эберли мог утонуть, если он вообще еще жив. Затем, вспомнив пятно нефти на поверхности и пузыри воздуха, поднявшиеся из глубины, Пауэлл покачал головой. Корабль не был заперт. Иначе он не утонул бы так быстро.

Корабль лежал на боку под каким-то безумным углом. Под ним скопился плотный ковер рас-

тельности. Света внутри не было видно. Пауэлл опускался все ниже, уничтожая встречающиеся препятствие в виде водорослей, пока его башмаки не ударились о металлический корпус. Почти сразу же он увидел черную круглую дыру неподалеку и направился к ней.

ВНУТРИ КОСМИЧЕСКОГО корабля было темно, как в глухую полночь. Но луч фонаря на скафандре рассеял мрак. Пауэлл осторожно опустился в салон, затем издал удивленный возглас.

Рубка управления, занимающая половину корабля, была разнесена вдребезги. Очевидно, здесь произошел взрыв. Ни один предмет не остался в ней целым. Металл был скручен и разорван до неузнаваемости, даже кварцевые иллюминаторы были разбиты. Рыбы усердно пожирали мелкие красные кусочки, плавающие в воде затопленного корабля. У Пауэлла больно защемило сердце. Ему удалось открыть дверь и проникнуть в другое отделение корабля. Там тоже все было разбито.

А вот это странно. Дверь, разделяющая оба помещения, была закрыта. Тут что, произошло два одинаковых взрыва?

Пауэлл схватил один из плавающих кусочков сырого мяса и положил его в контейнер за поясом. Затем быстро осмотрел корабль. И в конце поисков пришел к определенному выводу.

Он не нашел ни следа двигателя. Разумеется, Эберли не использовал реактивные двигатели. Это было очевидно с самого начала. Но Пауэлл определенно решил, что корабль был демонтирован еще до взрыва. Кто-то удалил все ключи, какие могли бы дать понять, как именно он двигался. Некоторые жизненно важные приборы были раздавлены, другие удалены бесследно.

Вероятно, это сделал сам Эберли, если только его мертвое тело не дрейфовало сейчас где-то внутри корабля. Но в таком случае, почему Эберли не покинул корабль, пока он находился еще в космосе? Только если бы он хотел избежать обнаружения – это очевидно. На корабль могли быть направлены телескопы других кораблей, а густой туман Венеры скроет любую грязную поделку. Но почему? Что тут кроется?

Пауэллу показалось, что он знает ответ.

Внезапно корабль содрогнулся и сильно качнулся. Пауэлл ударился о стену, пошатнулся и с трудом удержал равновесие. Корабль сотрясало странное движение рывками.

Очевидно, он прорвался через слой морских водорослей и теперь почти беспрепятственно погружался в неизвестные глубины Маре

Инfernум. Тросик, связывающий Пауэлла с собственным кораблем, натянулся и оборвался.

Нужно как можно быстрее выбираться отсюда. Пауэлл бросился к открытому люку и почувствовал, как его засасывает корабль, идущий вниз. Он с силой ударил ботинками о кромку люка и проплыл по воде — но не слишком далеко. Какая-то красная судорога прошла по зеленой светящейся тусклости, окружающей его. Где-то вдалеке светились слабые огоньки. Пауэлл увидел титанические силуэты существ, плавающих в секретных водах. Затем они исчезли, и невидимые водоросли закрыли все вокруг. Пауэлл оказался пойманным под толстым слоем водорослей.

Несмотря на то, что скафандр обладал немалой плавучестью, трудно было определить, в какой стороне находился верх. С поверхности не проникал ни один лучик света. Пауэлл всматривался в окружающую зеленую мглу, подсвечивая своим фонарем и ища место, где только что был прорыв. Но не мог его увидеть.

ТОГДА ПАУЭЛЛ снял с пояса металлическую трубку. Сначала он отключил камеру, которая автоматически снимала все с самого начала спуска. Тонкостенная стальная капсула была плавучей и воздухонепроницаемой. Пауэлл привязал к ней короткий тонкий линек, а другой его конец прикрепил к шлему. Потом отпустил трубку.

Таким образом, направляясь к поверхности, он использовал свои химикаты и мачете, чтобы прорубать и прожигать путь через водоросли. Тоннель, проделанный при его спуске, уже совершенно закрылся. Подниматься было намного сложнее, чем спускаться. К тому же Пауэлл не мог постоянно поддерживать себя в вертикальном положении. Извиваясь, напрягаясь и все проклиная, сантиметр за сантиметром он пробивался вверх, туда, куда указывала его плавучая капсула.

Прошел почти час, прежде чем оператор нашел свисающий тросик. Толчок, который оторвал его, также повредил рацию. Пауэлл понял, что не может связаться с Гектором.

Но теперь, при помощи троса, стало легче подниматься наверх. В Мари Инfernум не было никаких течений, чтобы помешать ему плыть строго вертикально вверх. Находящийся в скафандре кислород давал Пауэллу кое-какую плавучесть. Когда он все же выбрался на поверхность, Гектор тут же увидел его шлем и помог своему спутнику подняться на корабль.

— Давненько не виделись, — с легкой иронией заметил марсианин.
— Я думал, что ты там уже умер, да.

— Это я-то? — сказал Пауэлл.

Однако черты его лица выглядели еще тоньше, он казался изможденным, а глаза ярко блестели. Пауэлл снял скафандр, положил камеру с фильмом в безопасное место. Затем принялся снова осматривать простиравшуюся под кораблем скалистую землю, покрытую редкой растительностью. Растения были мелкие и какие-то круглые, немного похожие на капусту.

Между ними протянулись лозы, сплетая упругий ковер, блестящий, покрытый чешуйками, мерцающими, точно от изморози. Растения были полметра и более в диаметре, и старались ухватить себе как можно больше солнечного света, едва проходящего сквозь облака. Пауэлл тщательно изучил сушу, прежде чем отвернуться от экрана.

— Эберли приземлялся здесь, — сказал он Гектору. — Он взял с собой на корабль портативный гироскоп. Именно так он ускользнул после того, как корабль погрузился в Маре Инфернум. А гироскоп куда-то улетел. Какой здесь ближайший город? — задал он риторический вопрос и поглядел на карту. — Буэна Торрес. Сто двадцать километров на юго-запад. Это пограничный город, настоящая адская дыра. Но он ближе всех остальных почти на сотню километров. Мы летим туда, Гектор.

Марсианин сел за пульт управления. Корабль поднялся и полетел над береговой линией. Вспомнив о кусочке мяса, который он взял в качестве образца на корабле Эберли, Пауэлл достал его и положил под микроскоп, где тщательно осмотрел, проанализировал и сделал расчеты. Наконец, он с облегчением вздохнул.

— Это не человеческая кровь. Так я и думал. Какое-то животное. Любое следствие сделает выводы, а Эберли погиб во время взрыва, разрушившего его корабль. Ну, поглядим, что мы найдем в Буэна Торресе.

Гектор выжал скопившуюся влагу из взъерошенной швабры, закрывающей его лицо, и громко рассмеялся. К счастью, Гектор давно приспособился к разным атмосферным давлениям и составу воздуха. В противном случае он, родившийся в разреженном марсианском воздухе, просто не смог бы выжить. Тем не менее, из иссиня-черной путаницы его волос доносилось хриплое дыхание.

БУЭНА ТОРРЕС вовсе не был цивилизованным городом. Большие металлические кубы перемежались с хижинами из *фиброидного* материала. Пауэлл почти не видел здесь прочных металлических корпусов. И не было ничего деревянного. На Венере не росло деревьев, и вообще деревянные дома сгнили бы и разрушились в этом адском климате.

Повсюду изобиловали рептилии. В грязи под ногами ежеминутно размножались саламандры, хамелеоны, змеи, угри, черви и лягушки. Они создавали такой же хаос, который на Земле в некоторых местах творили насекомые-вредители.

Редкие ртутные лампы тускло освещали похожие на тоннели улицы. Свободных мест здесь не было. Город все время рос, и лачуги лепились чуть ли не друг на друге.

Улица была переполнена мужчинами и женщинами, хотя старатели никогда не привозили на Венеру своих жен. Жизнь в полярных городах было достаточно плоха, но по сравнению с ними, Буэна Торрес казался самым нижним этажом Ада.

Полицейских сил здесь не было, и, чтобы сохранить порядок, горнодобывающие компании нанимали вооруженных головорезов. Единственное, чего они боялись, так это восстания шахтеров, работавших за мизерное жалование, и в любой момент кто-нибудь мог их начать подстрекать, чтобы они вышли из шахт и добрались до сейфов своих работодателей.

Вслед за колонистами пришли вампиры форпостов цивилизации, те, кто потворствовал любым человеческим порокам. В Буэна Торрес процветали настоящие дворцы азартных игр.

Люди вели здесь очень тяжелую жизнь, поэтому при каждом удобном случае старались расслабиться.

— Хорошенькое местечко, — пробормотал Пауэлл, нащупывая в кармане пистолет.

Ноздри его содрогались от ужасных запахов.

Лай собак, визг, крики, ругательства, уличные песни и смех переполняли весь город.

— И что теперь, босс? — спросил Гектор.

— Для начала нам нужна информация. Зайдем-ка в этот бар, — и Пауэлл направил своего спутника в гремящий музыкой бар, переполненный возбужденной толпой.

Они с трудом нашли свободный столик, и Пауэлл кивнул официанту.

Официант, румяный, похожий на луковицу человек с объемистым животом, перетянутым ремнем, тут же появился перед ним. Пауэлл заказал две порции виски, одновременно задав официанту небрежный вопрос.

— Они все входят и выходят, входят и выходят, — прорычал официант. — Я ничего не знаю. Все они похожи друг на друга.

Тогда Пауэлл обратился с тем вопросом к бармену.

— Разумеется, — сказал тот, протирая стойку из красного дерева. — Пару недель назад был здесь космический корабль. При-

землился где-то за городом. С корабля не раз приходили сюда два человека. Довольно долго сидели, потягивая выпивку. Но пили не очень много. Невыгодные клиенты. Однако они вроде бы улетели несколько часов назад. Не так ли, Янки? — Бармен повернулся к ублюдку с бледными глазами, стоящему рядом с ним. — Ты видел, как они улетели?

— Шор видел, — проворчал тот. — Только их было пятеро. Четыре здоровяка, напоминающих боксеров-профессионалов и еще один непонятный, похоже, он прошел через мясорубку.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Пауэлл.

— Он был весь перевязанный, весь забинтованный, точно мумия. Они чуть ли не на руках отнесли его на корабль.

Эберли! — тут же подумал Пауэлл.

СТАЛО ЯСНО, что Эберли был захвачен, вот только кем? Если за всем этим стоял доктор Макс Оуэн, то он, вероятно, отправил космический корабль на Венеру еще за несколько недель до этих событий, а потом приказал похитить Эберли с его собственного корабля.

Зачем? Затем, что секрет Эберли стоил денег, очень больших денег. Двигатели, более быстрые и безопасные, чем реактивные, были практически бесценными.

Но, вспомнив робота, которого он видел на экране телевизора Оуэна, Пауэлл выкинул эту мысль из головы. Тут стоял кто-то покрупнее электрофизика. Сам робот? Вряд ли. Но, вероятно, роботом управлял кто-то, сделавший все возможное, чтобы даже его агенты не могли бы догадаться об его личности.

— Вы знаете, куда они направились? — стал расспрашивать Пауэлл, но старатели лишь качали седыми головами.

— Понятия не имею, — проворчал кто-то из них. — Как насчет того, чтобы выпить, приятель?

Пауэлл и Гектор ушли. Пауэлл оказался в затруднительном положении. Было жизненно важным узнать, куда увезли Эберли. Но как это можно сделать?

Существовал лишь один способ. Пауэлл отправил Гектора закупить топливо для своего корабля, а сам позвонил в телестудию Северного Полярного города.

Оттуда его сообщение было передано на один из кораблей-спутников, вращающихся вокруг Венеры.

С корабля сообщили, что реактивный крейсер вылетел из Буэна Торрес пять часов назад. Пауэлл ожидал услышать о направлении

его движения. И, проверив его, обнаружил то, что меньше всего ожидал.

Марс находился на противоположной стороне Системы. Если корабль выбрал такой курс, это означало одно из двух: либо он летел в открытый космос, за пределы Системы, либо направлялся на Землю.

На землю? — мысленно спросил себя Пауэлл. Какого черта он там забыл? Гораздо проще было бы схватить Эберли прежде, чем он взлетел, и сэкономить себе много времени и усилий.

Что-то тут не складывалось.

Им явно было нечего делать на Венере. У Пауэлла по-прежнему был выбор цели: либо к Земле, либо в неизвестную, неописуемую точку за миллиарды километров отсюда.

— Вот же ерунда, — проворчал он.

— Да нет, не ерунда, — тут же возразил вернувшийся к тому времени Гектор. — Нам сообщили направление полета неизвестного корабля. Это означает, что любой корабль не может улететь дальше, чем мы. Ты ведь это понимаешь?

— Разумеется, это так. Кто бы ни были эти парни, они хотели сначала увидеть демонстрацию возможностей корабля Эберли, прежде чем сделать свой ход. Конечно, они осторожны. Теперь-то это понятно. Кроме того, на Земле им пришлось бы скрываться от полиции. А этот трюк, который они проделали... — Пауэлл грустно покачал головой. — Я последний проклятый дурак в Системе, который ввязался в это грязное дело. И к тому же, еще ничего толком не узнал.

— Нужно лететь на Землю, Майк, — сказал Гектор. — Все ведет туда.

Пауэлл придерживался того же мнения. Но даже Майк Пауэлл мог ошибаться.

ГЛАВА VI. Затмение в Манхэттене

Станция-спутник выглядела, как астероид, мчащийся над воздушным покрывалом Земли и быстро при этом вращающийся. Он был полностью покрыт металлом, раскаленным под давлением еще в расплаве и тут же застывшим в космическом холоде. Работы над этой крошечной луной тянулись многие годы, и даже сегодня, под ее поверхностью, они продолжались.

Несмотря на все меры предосторожности, приближение к станции спутника было опасным даже для опытного пилота.

Сидя за пультом управления, Пауэлл чувствовал, как у него колотится сердце и в запястьях бьется пульс. Разумеется, подлет на большой скорости закончился бы фатально. К спутнику нужно было приближаться осторожно, по длинной, закрученной дуге.

Металл заскрежетал по металлу. Пауэлл почувствовал, как корабль тянут, когда гигантские магниты, спрятанные под оболочкой спутника, захватили его, постепенно замедляя скорость, точно резинка. Пауэлл выключил двигатели. При этом Гектор, рано расстегнувший ремни безопасности, ударился в стену отсека. Однако ему не было больно, и он только захихикал.

Когда магниты потащили корабль к шлюзу, Пауэлл покинул пилотское кресло. Взглянув в иллюминатор, он увидел, как над изогнутым, расколотым горизонтом быстро поднимается Земля. Она была громадной, и Пауэлл вздрогнул, хотя наблюдал это зрелище все же далеко не в первый раз. *Мир такой неустойчивый – он может рухнуть в любой момент!* Не в первый раз Пауэлл решил, что космические путешествия хотя и забавны, но плохо отражаются на нервах!

Затем исчезло черное, покрытое звездами небо и огромный земной шар. Корабль скользнул вниз по наклонной взлетно-посадочной полосе, открывшейся под ним.

Металлические пластины сдвинулись обратно на свои места. Корабль остановился. Через иллюминаторы внутрь проник холодный белый свет.

Пауэлл открыл внешний люк и вышел наружу, сопровождаемый Гектором, в обширное треугольное помещение. В помещение уже был накачан воздух, заменяя потерю, когда оно открылось в пустоту.

В офисе управления портом Пауэлл подписал все необходимые документы и предъявил свою идентификационную карточку «Кинохроники Саммит». После этого ему вручили два билета и сказали, что следующий шаттл на Землю скоро уйдет.

Лифт привез Пауэлла и Гектора в огромный зал ожидания, который выглядел, как салон на океанском лайнере. Пауэлл описал большую параболу, завершившуюся у латунной стойки.

– Скотч, – сказал он, – и телефон.

Бармен мгновенно выполнил оба заказа. Глядя на скотч, Пауэлл набрал номер нью-йоркского офиса «Саммита».

Во время короткого ожидания Гектор толкнул локтем своего компаньона и едва заметно кивнул. Пауэлл проследовал за взглядом марсианина.

– Алло? – слышалось в трубке. – Это пресс-релиз. Чем я могу...

– Приготовьте мне ванну, – резко сказал Пауэлл и повесил трубку, затем повернулся к Сью Кларк и Линну Пламбу.

СЬЮ выглядела неописуемо привлекательной, как и всегда. Рыжие волосы пленительно завивались, зеленые глаза походили на прозрачные лесные бассейны, если бы, по мнению Пауэлла, в них не горело постоянное любопытство. На ней был аккуратный деловой костюм, в руках она держала маленькую камеру, а рядом стоял Пламб, его круглое, пухлое лицо кривилось от неприятной усмешки.

– Привет, Умник, – сказала Сью. – Можно пожелать тебе удачного перелета?

– Мне тоже приятно увидеть тебя здесь, – улыбнулся Пауэлл. – Выпьешь со мной?

– Ну, если у тебя хватит денег. Ликер «Мунга». Кстати, корабль, который ты преследовал, так и пропал.

Пауэлл почувствовал, как сердце его больно ударилось о ребра.

– Я не понимаю, – осторожно сказал он, – о каком корабле ты ведешь речь?

– О том, – вмешался Пламб, – за которым вы следовали с самой Венеры. Мы расшифровали ваше кодовое сообщение «Саммиту». У нас свои методы.

– Корабль разбился где-то в Атлантике, – добавила Сью. – Три человека покинули его, когда корабль уже вошел в атмосферу. Их ждал гироплан. Где-то над Мэном. Но там было облачно, и наши люди потеряли его.

Пауэлл задумался. Если Сью не солгала, он потерял свою добычу. А головорезы, державшие в плену Эберли, сбежали. И что теперь? Очевидно, надо возвращаться в Нью-Йорк и сообщить Гвинну о своей неудаче. Пауэлл сделал глубокий вдох и заказал еще одну порцию. Он чувствовал себя не очень-то хорошо.

– Ваш полет до Венеры и обратно добавится в список ваших подвигов, – сказал Пламб. – Даже мне не простили бы такие расходы. Если бы я, разумеется, не принес в клювике Куш.

Пауэлл подумал о том, что он заснял, когда нырнул в Маре Инфернум, и почувствовал себя лучше.

– А что здесь делаешь ты? – спросил он девушку.

– Гоняюсь, – откровенно ответила она. – Как и ты, за чем-то большим. Я обязательно доберусь до этого. А ты, Умник, можешь просто следовать за мной и попытаться не потерять меня.

Прежде чем Пауэлл успел ответить, раздался звук гонга и по радио объявили о прибытии стратокара. Так что ответ он выкрикнул уже на бегу.

Через полчаса машина остановилась на Лонг-Айленде. Дверь открылась, и Пауэлл, а за ним и Гектор, вышел, стискивая свои драгоценные кассеты с пленкой.

— Мы пойдем в офис, — вполголоса сказал он марсианину. — Сюю не последует туда за нами. А там можно сбежать через другой выход. Возьмем такси.

— Мистер Пауэлл? — спросил тихий голос.

— Да?

Два прилично одетых, эффектно выглядевших человека возникли рядом с Пауэллом. Один из них показал в ладони мерцающий значок.

— Мы из БМР. Нам приказано немедленно доставить вас в штаб.

— Ого, — проговорил Пауэлл и огляделся.

Гектор словно растворился в воздухе. Сюю и Линн Пламб стояли рядом, с большим интересом наблюдая за происходящим.

Не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Пауэлл, раздраженный потерей времени и собственного достоинства, молча кивнул. Он не тревожился, потому что не нарушал никаких законов.

ОН ПО-ПРЕЖНЕМУ сжимал кассеты с пленкой, когда его доставили в офис БМР в небоскребе на пятой авеню. Двое охранников, выполнив свой долг, ушли. Пауэлл замолчал и огляделся.

Он был в маленькой, официально выглядевшей комнате, где почти половину пространства занимал стеклянный стол. За столом сидел худой, рыжеусый седой человек, лицо которого, хоть и старческое, было живым. Пауэлл сразу уже узнал его. Это был Торп Штаппол, глава БМР.

Еще один человек развалился в удобном кожаном кресле. На нем был мешковатый бежевый костюм, и он курил трубку. У него было загорелое, сильное лицо, непослушные соломенные волосы и голубые глаза, пронзительный взгляд которых бил, словно электро-током. Пауэлл узнал и этого. Джозеф Сомерсет, самый способный агент БМР.

Пауэллу уже приходилось в прошлом снимать Сомерсета. Этот человек являлся межпланетной фигурой, решительный, смелый до безумия, идеальная машина для борьбы с преступностью. Он за три недели очистил Марсополис от преступности и уничтожил самые скверные банды на Венере.

Только недавно Сомерсет вернулся со своим самым большим призом — скальпом величайшего и самого умного мошенника в трех мирах, человека, известного под кличкой Космический Ястреб. Космического Ястреба много лет не могли поймать, а он возглавлял армаду пиратских кораблей и бесчисленные ракеты. Это длилось до тех пор, пока Джозеф Сомерсет не взял дело свои в руки, собрал команду и отправился в космос. Через две недели он вернулся один в поврежденном корабле Космического Ястреба, весь перевязанный и полумертвый, но сияющий от торжества.

Если Сомерсет и Штаппол чем-то заинтересовались, то это должно быть нечто большое. И Пауэлл уже начал было подумывать о том, не ошибся ли он, когда полез в эту историю.

— Садитесь, — сказал Штаппол.

Пауэлл неуверенно повиновался и стал ждать. Несколько секунд все молчали. Затем Штаппол кивнул Сомерсету, который вынул трубку из рта.

— Нам просто нужна информация, Пауэлл. Мы думаем, что вы можете нам помочь. Вы отправили своей компании сообщение с Венеры. Мы перехватили и расшифровали его. Похоже, вы напали на след банды, которая уже некоторое время интересуется БМР.

— Банды? — переспросил Пауэлл.

— Это нечто большее, чем просто банда. В последнее время появились призраки сверхсекретной организации, существующей в Нью-Йорке. Мы думали, что ее возглавлял Космический Ястреб. Но Ястреб мертв, а организация продолжает действовать. У нее много направлений — от крупных грабежей до кражи правительственных секретов, от саботажа до простых убийств. Но это большая и очень хорошо организованная группа. А Эберли создал новый космический двигатель. По-видимому, у него получился корабль совершенно нового типа. Мне кажется, вы знаете, что это значит для пиратов.

— Да, — сказал Пауэлл. — Теперь я начинаю многое понимать. Может быть, я сумею помочь вам. Во всяком случае, расскажу все, что знаю.

— Одну минутку, — сказал Штаппол и слегка шевельнул рукой. — Мы должны записать ваш рассказ. Включить диктофон! — приказал кому-то невидимому, затем вновь обратился к Пауэллу: — Пожалуйста, продолжайте.

ПАУЭЛЛ РАССКАЗАЛ им свою историю от начала до конца, ничего не скрывая. Его несколько раз прерывали, в основном для

того, чтобы прояснить некоторые неясные места. Наконец, рассказ был закончен. Наступила пауза.

Тишину прервал Штаппол.

– Доктор Макс Оуэн, вот как? Электрофизик? Где он сейчас, Сомерсет?

– В Нью-Йорке, – лаконично ответил агент. – По крайней мере, был здесь час назад.

– Ну, да, у него здесь есть офис. Ладно, мы хотели бы посмотреть ваши записи, Пауэлл. То, что вы сняли на Венере. Я хочу увидеть корабль Эберли. Как насчет этого?

– Я немедленно начну проявлять пленки.

– Сколько вам потребуется на это времени?

Пауэлл быстро прикинул в уме.

– Полчаса.

– Хорошо. Где?

– В «Саммите». Ищите меня там.

Штаппол встал, показывая, что беседа закончена.

– Очень хорошо. Спасибо за вашу помощь.

Сомерсет махнул на прощание трубкой и повернулся к столу. Пауэлл вышел, сел в лифт и оказался на Пятой Авеню. В мыслях у него был полнейший сумбур. Это дело действительно было большим. Гораздо больше, чем он думал. Пауэлл усмехнулся, вспомнив, как Гвинн недавно настаивал на том, чтобы он оставался в Нью-Йорке и снимал рождение чудовищ и каких-то сумасшедших ученых. Такой материал годился для того, чтобы аудитория содрогалась или покатывалась со смеху, но это не являлось важными новостями.

– Привет, умник, – раздался знакомый голос. – Они тебя отпустили?

Пауэлл вздохнул. Это снова была Сью. А рядом с ней Линн Пламб. Солнечный свет золотил рыжие волосы девушки. Он также заставлял ее щуриться, но она все равно выглядела красивой.

– Я направляюсь в свою контору, – сказал Пауэлл. – Прости, но тебя туда не пустят. Так что можете оба идти пока по своим делам. А я очень занят.

– Мы и так занимаемся своими делами, – усмехнулся Пламб. – Позвольте мне взять такси для вас.

Он повернулся к переполненной улице и махнул рукой. К обочине тут же подкатила машина, остановилась, затем внезапно развернулась, визжа тормозами!

У Пауэлла перехватило дыхание, когда он почувствовал, как под ногами содрогается сплошная скала основания Манхэттена. Вне-

запно где-то вдалеке завывли сирены, раздались крики, ругательства, визг и плач по всему городу.

Пауэлл даже не понял, каким образом Сю очутилась в его объятиях. Они оба закачались, пытаясь сохранить равновесие. А Пламб не удержался на ногах и был швырнут в стену здания.

— Землетрясение! — выдохнул Пауэлл.

На секунду почти что поверил собственным словам. Но затем он увидел небоскребы, качающиеся на фоне безоблачного синего неба, на котором только что было солнце. Вот именно, только что. Теперь солнца уже не было.

Солнце исчезло!

ГЛАВА VII. Исчезнувший город

ТОЧНЕЕ ГОВОРЯ, исчез Нью-Йорк. Военный летчик, летящий в гироплане над островом, принялся яростно бороться со штормом, внезапно примчавшимся из Атлантики.

Пока военный пилот боролся с бурей, мир за стенками его самолета снова затрясся. У пилота появилось сверкающее, хаотичное видение небоскребов Манхэттена, стремительно растущих навстречу ему, затем ветер отнес машину на восток.

Даже сквозь вой бури слышался оглушительный рев, почти что выбивший из пилота дух. Чувствуя тошноту и головокружение, он повел машину в сторону от бури, качаясь, словно корабль на волнах, и, наконец, выиграл эту битву. Самолет выровнялся, и пилот вздохнул с облегчением.

Потом он взглянул в окно и издал недоверчивый вскрик. С холодным изумлением он, ничего не понимая и не веря собственным глазам, глядел из стороны в сторону.

Затем его взгляд снова устремился на то место, где должен стоять остров Манхэттен. Нью-Йорка больше не было. Город исчез от Хадсона до Ист-Ривер, от Бэттери до Вестчестера.

А место города заняло плоское, безликое белое пространство — блестящая, совершенно гладкая равнина. Она возвышалась на высоте двадцати метров над уровнем моря. Взгляд пилота проследил за контуром побережья, туда, где только что были причалы. Парк Риверсайд исчез. Централ Парк тоже исчез. Вся нью-йоркская сторона Вашингтонского моста превратилась в путанную массу обломков. Туманные водовороты пузырей означали устья туннелей Гудзона и Ист-ривер. Острова Блэквелла, Уорда и Рэндалл все еще были на месте, но реку Гарлем как языком слизнуло.

Ровное белое плато — два на шестнадцать километров, — простиралось на месте восточных морских болот, где всего лишь несколько минут назад стоял самый большой город Америки.

Военный пилот перевел дыхание и начал снижаться к блестящей равнине. Он хотел быть первым самолетом, который приземлится на нее. Колеса долго катили по гладкой, блестящей поверхности, почти не имевшей трения. Но, в конце концов, гидроплан все же остановился.

Пилот вышел из машины. Осторожно, с неясной неуверенностью, он коснулся ногами твердой поверхности. Но белая пластина — металлическая она, что ли? — даже не колыхнулась. Пилот топнул, но эха не услышал. Он опустился на колени и коснулся поверхности равнины ладонями.

Поверхность была совершенно гладкой и прохладной. Пилот почувствовал себя так, словно стоит на фарфоровом листе. Но это явно было что-то другое.

Самолеты теперь садились постоянно. Люди группками стояли вокруг, глядя на небо, словно ожидая увидеть Нью-Йорк, парящий в пустоте. Столкнувшись с невероятной загадкой, они все одновременно говорили о всяких пустяках.

Хорошо одетый, пухлый, лысый человек подбежал к военному летчику, привлеченный его формой.

— А что здесь вообще происходит? — сердито спросил он. — Что случилось, черт побери?

— Не знаю, — пожал плечами пилот. — Остров...

— Но где Нью-Йорк? Я должен вернуться в свой офис? У меня назначена встреча!

— Парень, — с мрачной насмешкой сказал пилот, — у меня есть подозрение, что встреча твоя не состоится. Во всяком случае, не сегодня!

Но... Но где же Нью-Йорк? Где Нью-Йорк?

СОЛНЦЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО исчезло.

Пауэлл стоял неподвижно, глядя в небо, которое за несколько секунд превратилось из темно-синего в бледное, туманно-белое. На город по-прежнему падал свет. Но теперь казалось, что свет исходил от всего этого странного пространства, которое не могло быть небом и одновременно не могло являться чем-то другим.

Взревел вихрь, пробившийся по каньонам между небоскребами, и Пауэлл, не отпуская Сю, влетел в дверной проем. Девушка испускала какие-то странные, испуганные звуки. Через секунду к ним подбежал Пламб.

Стоя в дверном проеме, они втроем глядели на улицу, которая словно сошла с ума. Какой-то грохот и скрежет оглушил их, и все трое почувствовали страшное головокружение, — и какое-то быстрое боковое движение, как будто весь остров скользил в Атлантику.

Мчавшиеся по улице машины въезжали на тротуары и там разбивались о стены домов. Мимо бежали люди, отчаянно махая руками в попытке сохранить равновесие. Пауэлл машинально потянулся было к своей камере, но тут же забыл об этом, так как еще один сильный подземный толчок бросил его на четвереньки. О, Боже! Неужели весь город разрушен и скользит в океан? От такой катастрофы нет спасения. Какое может быть убежище, когда под ногами скользит сама, твердая прежде земля?

Но все же землетрясение не было таким уж сильным. Вряд ли все здания были повреждены этими толчками. Внезапно снова раздался грохот. Затем наступила тишина, не считая беспорядочных криков перепуганных мужчин и женщин.

Пауэлл неуверенно поднялся и помог встать на ноги Сью. Шляпка на ней сидела набекрень, закрывая один глаз, но все равно она была привлекательно бледной и задыхающейся.

— Что случилось? — Выдохнула она.

— Почему ты спрашиваешь меня? — огрызнулся Пауэлл. — Я этого не делал. А где же солнце?

— О-облака, — пробормотал прислонившийся к стене Пламб. — Оно за облаками.

Пауэлл поднял взгляд.

— Это не облака. Я никогда не видел такого неба. Оно безоблачное, но не голубое. И солнца там нет. Что... Глядите!

Его пальцы судорожно стиснули руку Сью. Вздвогнув, девушка посмотрела наверх, как и Пламб.

Бездонная пропасть над головами менялась. На нее надвигалась какая-то титаническая тень. Тень, слишком великая для человеческого восприятия! И словно за гранью, где-то в глубине, тусклые, туманные контуры колебались, двигались и отступали. Потом исчезли без следа.

— Вы это видели? — прошептал Пауэлл. — Эту... э-э... тень.

— Какое-то облако, — пробормотал Пламб. — Затмение?.. Нет, не может быть.

— Это походило на тень Бога, — очень тихо сказала Сью.

Сердце в груди Майка Пауэлла сжалось в какую-то ледышку. Он глубоко вздохнул.

— Ерунда, — возразил он. — Как бы там ни было, всему есть логическое объяснение.

— И какое же? — тут же спросила Сью.

— Я сообщу тебе, когда узнаю, — ответил Пауэлл и поправил галстук. — Я направляюсь к себе в контору. Там явно нужны все кинооператоры, которых можно собрать. Прощайте!

ОН НЕБРЕЖНО шагнул на тротуар, хотя признавался себе, что вовсе не чувствует такой уж решительности. К тому же, у Пауэлла появилась какая-то странная, глубоко укоренившиеся убежденность, что он только что увидел основополагающий закон самой Природы. И еще он подозревал, что настоящие проблемы лишь начинаются.

Разумеется, достать такси было невозможно. Движение было нарушено. В принципе, почти ничего не изменилось, кроме неба. Но в Нью-Йорке царил паника, и, в усугубление ситуации, многие линии коммуникации были нарушены. К счастью, у Манхэттена были свои электростанции и припасы. И даже в данный момент отчаянно работали ремонтные бригады.

На ближайшем углу Пауэлл остановился. Улица впереди была запружена потоком беглецов, идущих куда-то в сторону побережья Гудзона. Лица их были бледны и искажены, рты открыты испуганными квадратами, в глазах царил страх. Пауэлл невольно взглянул налево. Трудно было сказать, что он ожидал увидеть. И он не был бы особенно удивлен, даже увидев десяток слонов, бегущих по Сорок Второй стрит.

Но ничего подобного не было в поле зрения. Пауэлл схватил какого-то испуганного мальчишку, оттащил в сторонку и стал расспрашивать.

— Что случилось? От чего ты убегаешь, малыш?

— Лемм должен идти! — пробормотал мальчишка. — Река исчезла. Джерси исчез. Лемм должен идти!

Мальчишка вырвался из рук Пауэлла и растворился в толпе.

Пауэлл задумчиво поглядел ему вслед, затем в противоположную сторону. Гудзон исчез?

Пауэлл ринулся в поток беглецов из начал проталкиваться на запад. Держась подальше от зданий, вскоре он обнаружил, что толпа редет. Но люди все равно выливались из театров, гостиниц, офисных зданий и добавляли страх в и так уже царившую вокруг панику.

Однако в доках оказалось всего лишь несколько отставших человек. Они, более смелые, чем их товарищи, бесцельно блуждали, глядя на запад с переменным выражением удивления и недоверия на лицах.

Джерси больше не было. Ничего не было.

Вообще ничего!

В десятке шагов впереди земля кончалась. Она резко уходила куда-то вниз почти перпендикулярно, и Пауэлл отважился как можно ближе подойти к краю. То, что он там увидел, его потрясло.

Это было попросту невозможно!

Чтобы убедиться, Пауэлл лег и, извиваясь, пополз на животе, пока его лицо не повисло над краем. Тогда он опустил взгляд, закрыл глаза, снова открыл их и начал тихонько ругаться про себя. Увиденного было достаточно, чтобы вызвать панику у кого угодно.

Вниз, насколько хватало глаз, уходила лишь голая каменная стена, такая гладкая, словно ее специально отполировали. И больше не было ничего. Мифический край мира! Бездонная пропасть, которая, по словам персов, окружает землю...

И действительно, эта пропасть выглядела бездонной. Она казалась продолжением бездонного неба. Нью-Йорк, по-видимому, образовывал вершину скалы, простирающуюся в бесконечность.

Пауэлл осторожно отполз назад и встал. Затем повернулся и встретил пристальный взгляд одетого в темное мужчину с усами, как зубная щетка.

— И что вы об этом думаете? — спросил мужчина.

Пауэлл медленно покачал головой.

— Не знаю. Ничего не могу сообразить.

— Я тоже. Похоже, Джерси унесло куда-то на запад. Я думаю, это землетрясение.

— Взгляните!

По небу медленно двигалась невероятная, колоссальная тень...

ПАУЭЛЛ НАШЕЛ Гектора, спокойно сидящего в комнате для встреч на высшем уровне. Он схватил марсианина и потащил его наверх в кабинет Гвинна, одновременно на ходу забрасывая вопросами.

— Пленки? Они уже проявлены? Как там получилось? Где они?

Гектор хихикнул.

— Все в порядке, босс. Они в проекционной. Все проявлены, все получилось. Они заперты в выдвижной ящик. Вам нужен ключ от этого ящика?

Пауэлл взял ключ.

— Благодарю. К счастью, лифты все еще работают. Господи, какая толпа!

Они вышли из лифта в коридор. Дверь в кабинет Гвинна была осаждена толпой операторов, репортеров и других сотрудников.

Откуда-то из глубины раздавался голос самого Гвинна, отдающего безумные приказы. Пауэлл ринулся в толпу, таща Гектора за собой.

— Майк! — воскликнул Гвинн, затем сказал секретарю: — Подождите минутку, Джо. Держите пока оборону. А мне нужно выпить.

Начальник провел Пауэлла и Гектора во внутреннюю комнату и с облегчением опустился в мягкое кресло.

— Пожалуйста, налейте мне выпить. Без содовой. Только плесните чистое виски. Налейте также и себе. Мне сейчас очень нужно выпить.

Пауэлл зазвенел стеклом, затем сунул стакан в руку Гвинна.

— У вас есть хоть какая-нибудь догадка о том, что произошло? — спросил он.

— Да почти что ничего. Нью-Йорк изолирован. Было объявлено военное положение. Здесь у меня все, кто сумел прийти. Но что касается объяснения того, что случилось... — Гвинн пожал плечами. — Понятия не имею. Все, что я получил от властей, так это отчет из астрономической обсерватории Башни о субпространстве... — Он повернул голову и уставился на Гектора.

— Проваливай, обезьяна, — тихонько сказал Пауэлл, и марсианин отправился поближе к бутылке.

— Только держи это при себе, — продолжал Гвинн. — Если эти догадки выйдут наружу, начнется такая паника... ты заметил нечто странное в небе? Какие-то тени?

— Я видел их, — сказал Пауэлл.

— Гм-м... Ну, так вот, Башня навела на них телескоп. Что-то они там увидели, только не знают, что именно. Какие-то объекты, какие-то существа, но вообще неземные. И очень большие, Майк, ты даже не представляешь, насколько они огромные. Там, где должны быть звезды, телескоп показывал какие-то стены и углы. Твердое тело. А тени были... — Он заколебался.

— Что? — тихонько спросил Пауэлл.

— Живыми существами! — выпалил Гвинн, пытаясь поверить собственным словам. — Невозможно огромные. Мы против них, как муравьи. Я даже не знаю, как они выглядят. Этого мне никто еще не сказал.

— Живые существа, — повторил Пауэлл. — И мы перед ними, как муравьи. — Взгляд его застыл. — А нашли какие-нибудь следы Ричмонда или Джерси?

— Ничего. Либо Нью-Йорк стал меньше, — тут Гвинн рассмеялся безумным, кудахтающим смехом, — или мы попали в другой мир. — И он снова закудахтал, но очень невесело.

— В другой мир? — вздохнул Пауэлл. — Нет, это вздор!

– Конечно, это вздор, – раздраженно сказал Гвинн. – А у тебя есть какие-либо другие идеи?

Но Пауэлл уже неистово нажимал кнопку видефона.

– Он не работает, – сказал Гвинн. – Коммуникации порваны...

Тем не менее, на экране внезапно появилось лицо Штаппола из БМР. Оно было злым и напряженным.

– Кто там еще? – рявкнул Штаппол.

– Пауэлл из «Кинохроники Саммит», – быстро сказал Пауэлл. – У меня есть кое-что для вас. Я...

– Вам придется подождать, Пауэлл. Сейчас я не могу заниматься вашей пленкой. Держите ее при себе, пока она нам не понадобится.

– Подождите! Я...

Связь резко прервалась. Ругаясь, Пауэлл попытался соединиться с ним снова. Но на этот раз удача не сопутствовала ему.

– Что ты пытаешься сделать? – спросил Гвинн. – Чем тут может помочь полиция?

Вместо ответа Пауэлл позвал Гектора.

– Теперь нам нужен даже этот слабенький умишко, – сказал он Гвинну.

Марсианин весело захихикал.

– Давайте испробуем на нем мои рассуждения.

В душе Пауэлл признавал, что это не ахти какая идея, но все казалось правдоподобным. Чем больше он думал об этом, тем более убедительно это звучало.

– Послушай, Гектор. Ты преступник. Полицейские готовятся захватить всю твою банду. Что ты будешь делать?

– Двигаться, – вполне логично ответил марсианин.

– Вот именно, босс! – воскликнул Пауэлл. – Я знаю, почему. Кажется, я знаю, кто. И теперь начинаю выяснять, где. Я дам вам знать, когда.

– Когда что? – взревел Гвинн. – Что ты тут несешь?

– Когда все пойму.

Пауэлл схватил Гектора за руку и потащил к двери. Вела его одна лишь интуиция, подкрепленная слабенькими подсказками. Если им удастся что-то определенное понять во всем этом беспорядке, он узнает, кто и что сделал с Нью-Йорком, а также по какой причине. Пока что это все, что у него было.

ГЛАВА VIII. Робот возвращается

НЬЮ-ЙОРК БЫЛ отрезан от остального мира. Таково было первым предположением Пауэлла.

Но как это было сделано? Разумеется, никому не известными научными методами. Невероятно, но это случилось. Пауэлл не мог отрицать этого, а потому принял все, как нечто неосоздаемое, чтобы положить основу своей смутной дедукции.

Одним из способов изолировать Нью-Йорк было воздвигнуть барьер вокруг него. Но не видно ни малейших признаков подобной стены. И в любом случае, это такая чертовски громадная работа, что Пауэлл отказался верить в подобную возможность. А через мгновение к нему пришло еще одно соображение. Какое отношение могла бы иметь стена к тому лихорадочному чувству движения, которое сопровождало метаморфозу?

Движение?

А что, если город был перемещен? Что, если он был взят с Земли и отправлен куда-то в космическую бездну? Пауэлл покачал головой. На это было мало шансов. Атмосфера немедленно испарилась бы в космосе. Но она оставалась такой, какой была. И что еще более важно, тогда бы почти полностью исчезла гравитация.

Однако сам Нью-Йорк не изменился. Это был еще один фактор. Если город каким-то образом перенести на другую планету, то он, безусловно, должен при этом разрушиться. Однако, Нью-Йорк стоял почти невредимым.

Что тогда остается? Пауэлл твердо знал две вещи. Вокруг города не было стены, и остров Манхэттен не был перенесен в космос. Однако он все же был перенесен. Вот только как и куда?

Как? При помощи какой-то странной, неизвестной науки. Куда? Практически невозможно, что город перенесли на другую планету в Солнечной системе. Здесь просто не было такой планеты. А поскольку Нью-Йорк не мог перемещаться в пространстве за пределы Системы, следовательно, он был перемещен не в космосе.

Оставался лишь один возможный ответ, и Пауэллу очень не хотелось думать об этом.

Иное измерение? Он уже чуть было не сказал «Глупости», но, хотя и невероятная, это идея не была совсем невозможной. На протяжении веков ученые размышляли о существовании других пространств и миров, находящихся одновременно с нами в одном и том же месте, но вибрирующие с другой частотой. Их атомы могут смешиваться с нашими, невидимые, но реальные.

Четвертое измерение? — спросил себя Пауэлл. *Черт, да это же научные сказки!*

Однако Нью-Йорк был перенесен. В уравнении неизвестная величина x указывала на что-то невероятное, но не невозможное.

Манхэттен не мог быть перенесен, без разрушения, по космосу. Но, возможно, его можно перенести в другое измерение?

Вот только что это за наука, и кто мог такое проделать?

У Пауэлла был один подозреваемый, но его подозрения были не основаны ни на чем. Управляемый робот, которого он видел на экране видефона доктора Оуэна, был примером супернауки. Что, если именно ему приказали убить Эберли и украсть его космический двигатель? Когда закон наступает преступнику на пятки, тот старается убежать. Когда закон наступает на пятки супер-преступнику, тот ищет убежища, ключ от которого есть лишь у него одного.

Как бы это ни звучало фантастически, но преступник был установлен. Что, если этот робот сумел перенести Манхэттен в другое измерение? Что, если он отчаянно нуждался в убежище? При таких условиях х становился уже вовсе не неизвестный величиной.

Пауэлл понимал, что это просто догадки. У него не было ни малейшего представления о том, кто мог управлять таким роботом. Но в данный момент он не мог придумать более правдоподобную теорию. Робот был ключом к проблеме. В этом Пауэлл был абсолютно уверен. Нужно просто найти ключ, только и всего.

НАЙТИ КЛЮЧ не было таким уж невозможным делом для человека с ресурсами с «Саммита» за спиной. Первое, что сделал Пауэлл, это обеспечил себе услуги бывшего взломщика, для которого вскрыть любые замки было раз плюнуть. Этот новоиспеченный Гудини был частенько полезен, когда нужно было снять сложные кадры кинохроники, обходя непреклонные возражения ее героев. Поэтому найти его можно было без труда. А тем временем Пауэлл узнал адрес жилища Оуэна в Нью-Йорке.

Потом он заручился поддержкой нескольких членов команды на высшем уровне.

— Мне нужны все материалы кинохроники касательно доктора Макса Оуэна, — сказал им Пауэлл. — Он произносил много публичных речей. Найдите их. И загрируйте человека, который был бы как две капли воды похож на Оуэна. Мне нужен идеальный двойник. Такого найти не сложно.

Затем Пауэлл отправился в смотровую «Саммита» с монтажером, и они пересмотрели кучу записей публичных речей Оуэна. Их было множество, и все со звуковыми дорожками.

— Это все, что у нас есть, — сказал монтажер. — И что теперь?

— Я хочу смонтировать фальшивую речь. Давайте-ка подумаем... — Пауэлл потянулся за бумагой и карандашом. — Это будет нелегко.

Нельзя говорить слишком много или слишком мало. Гм... — Задумчиво промычал он. — Так. Нужно, чтобы прозвучало вот это.

Монтажер прочитал то, что написал Пауэлл.

— Но это же не имеет смысла.

— Я делаю это не для премьеры в Радио-сити, а для частного показа. Так что берите ножницы.

Монтажер кивнул и принялся за работу. Проматывая пленку, он обращал внимание только на звуковую дорожку.

Речь была длинной. Монтажер внимательно слушал, иногда сверяясь с записью Пауэлла.

— Только следите за тоном, — сказал ему Пауэлл. — Нам нужно, чтобы в его голосе звучало настоящее волнение.

— Хорошо.

Начало было положено. Монтажер собрал вырезки и начал опытными руками склеивать их воедино, иногда останавливаясь, чтобы немного подрезать. Это работа заняла много времени. Но, наконец, монтажер взял готовую пленку и намотал ее на катушку. Потом щелкнул кнопкой, включил усилитель, и настроил звук, когда в проекционной раздался голос доктора Оуэна.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить триумф одного из наших самых уважаемых коллег, который только что удостоился Нобелевской премии...

Это была поддельная речь, произнесенная голосом Оуэна, в его манере и с его интонациями. Нужные слова были просто вырезаны и перестроены согласно написанному Пауэллом сообщению, так, что подделка была надежной и незаметной. Это была совершенная работа.

— Прекрасно, — сказал Пауэлл. — Актер уже готов?

Появился актер. Его сходство с доктором Оуэном было фантастически совершенным. Грумер поработал просто отлично. На первый взгляд, перед Пауэллом стоял сам Оуэн, толстый, лысый, с багровым, вечно потеющим лицом.

— Чудненько, — пробормотал Пауэлл. — Тебя как звать, парень?

— Броди.

— Ну, так вот, Броди. Я притворюсь ведущим телепередачи. Вот звуковая дорожка. Я хочу, чтобы ты был в кадре и играл, но голос озвучу я сам. Попрактикуйся, пока не сможешь отлично подделать его мимику.

ПАУЭЛЛ ОСТАВИЛ актера, чтобы найти Гектора и бывшего грабителя. Он проинструктировал марсианина, чтобы тот пошел за необходимым оборудованием.

– Ты позвонил Оуэну?

Заросшая голова Гектора кивнула.

– Он ушел.

Пауэлл ухмыльнулся и повел бывшего грабителя Мартина на улицу. Движение уже восстанавливалось, улицы и проспекты патрулировали полицейские и национальная гвардия. Несмотря на висевшую над городом напряженность, не было видно никакой паники.

Они проехали в центр города, в квартал, где размещалось жилище Оуэна. Сам Пауэлл занял в аптеке кабинку видеофона и набрал квартиру электрофизика. Тот не ответил.

– Час назад, когда я проверял этот адрес, он еще был на месте, – сказал Мартин. – Но не похоже, что сейчас он дома.

– Ты уверен, что нашел скрытую видеокамеру? – спросил Пауэлл.

– Конечно. Как вы сказали, так я и сделал. Никакой отсебятины.

Они вдвоем быстро прошли по аллее к большому жилому дому, в котором доктор Оуэн снимал квартиру для своей нью-йоркской резиденции. Лифт поднял их на одиннадцатый этаж. Затем они спустились на десятый по лестнице, остановились перед дверью Оуэна и прислушались.

– Никого нет дома, – сказал Мартин.

По знаку своего компаньона он достал из кармана крошечные стальные отмычки и начал работу. Из другого кармана появился электромагнит, которым он пользовался с ловкостью мастера. Не прошло и полчаса, как дверь была открыта.

Квартира состояла из шести комнат и была не арендована, а куплена Оуэном. Мартин провел Пауэлла в библиотеку, показал ему скрытую пружину в книжном шкафу и распахнул панель, открывая компактный набор видеофона.

– Ну, конечно же, – с удовлетворением сказал Пауэлл. – У него должен быть какой-то способ связываться со своим хозяином. К настоящему времени парни уже должны быть готовы. Спустись в вестибюль и найди там Гектора, ладно?

Бывший взломщик молча исчез. Оставшись один, Пауэлл осторожно погладил кончиками пальцев ствол короткого, уродливого пистолета у себя в кармане. Потом усмехнулся.

– Вот доктор удивится, если внезапно вернется, – пробормотал он. – Его ждет горячий прием.

Все шло по плану. Гектор и его спутники прибыли с оборудованием, аккуратно упакованным в дорожные сумки, которые поместили в квартире на десятом этаже. Когда это было сделано, марси-

анин спустился в вестибюль, чтобы дожидаться Мартина, который долго не появлялся.

Затем Гектор послал бывшего взломщика в квартиру, а сам остался на страже на случай возможного появления настоящего доктора Оуэна. Через пять минут Мартин и двое техников высшего уровня были уже в квартире Оуэна, где стояло пять тяжелых чемоданов.

Комната наполнилась безумной активностью. Были установлены и настроены усилители. Смонтированы электрические розетки. Кропотливо осмотрен грим фальшивого Оуэна. Наконец, все было готово. Пауэлл опустил жалюзи и включил настольную лампу, позаботившись, чтобы никакие предательские тени не попали в поле зрения существа, которое он пытался отыскать. Потом место перед экраном занял Броди.

— Начинаем, — сказал Пауэлл. — Приготовься, Броди.

И он щелкнул кнопкой усилителя.

Предварительная репетиция прошла с полным успехом. От этого зависело очень многое — возможно, даже окончательная судьба Нью-Йорка.

Пауэлл нажал выключатель видеофона. На экране мгновенно загорелся красный огонек, мигающий регулярно, механически.

Это что, сигнал? Нужно ли какое-либо подтверждение? Или может это просто знак того, что абонент занят? Точно сказать было невозможно. Пауэлл оглянулся на остальных.

— Что-то не так? — спросил Мартин.

— Не знаю. Может быть.

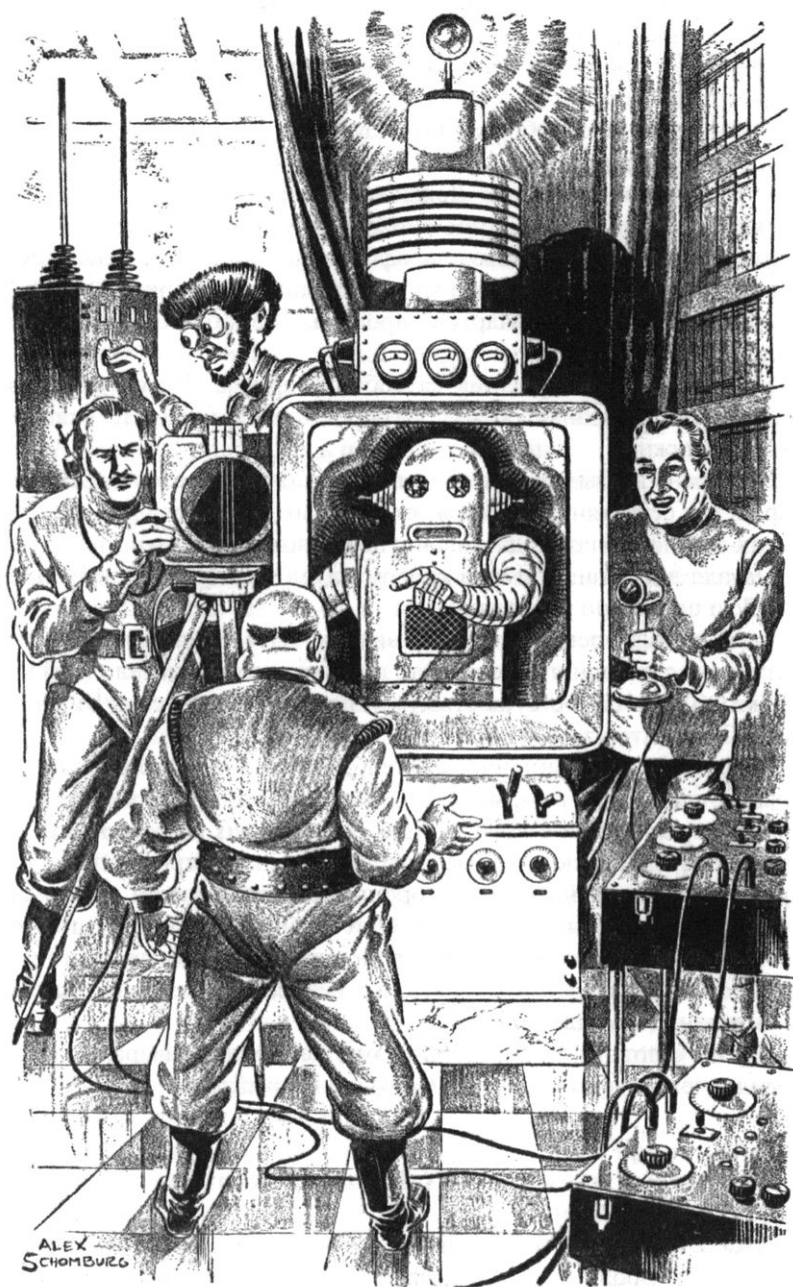
Мартин шагнул вперед и внимательно осмотрел видеофон.

— Я уже видел подобные игрушки с защищенной линией во время обучения. Они используют кодовый сигнал, разный для каждого аппарата. Дайте-ка мне взглянуть.

Чувствуя себя нехорошо, Пауэлл шагнул в сторону и позволил Мартину колдовать у видеофона. Кодовый сигнал — это плохо. Следовало ожидать чего-нибудь подобного. Хотя это была вполне логичная предосторожность. Но, не зная сигнала, не было никакого способа воплотить свой план.

Нервы Пауэлла натягивались все сильнее и сильнее, пока он беспокоило расхаживал по комнате, пытаясь думать. Его взгляд блуждал по книжным полкам, словно искал ключ. Неужели теперь придется отказаться от всего этого!

Но, как оказалось, в этом не было необходимости. Мартин внезапно выпрямился с удовлетворенным возгласом. Пауэлл тут же оказался рядом с ним.

ALEX
SCHOMBURG

— Что там?

— Я подобрал этот сигнал. Я все же хорошо знаю подобные устройства. Время от времени ремонтирую даже их. А когда я был...

— Короче, — резко оборвал его Пауэлл. — Это мне не интересно. Что теперь делать?

— Включите видеофон. Дождитесь десять красных вспышек. Выключите видеофон, затем снова включите, и дождитесь пять вспышек. Затем выключите видеофон, включите, дождитесь десять вспышек, выключите и снова включите аппарат. Я покажу.

Пауэлл при помощи Мартина проделал все это, и на экране появилось изображение.

Пауэлл отскочил, утачив за собой Мартина. Потом дал знак Броди, который занял его место перед видеофоном. Но спешить было не нужно.

На экране не было видно никого. Только пустая стена, вдоль которой, как сеть, тянулось множество проводов, а среди них десятки каких-то циферблатов, датчиков и переключателей.

Пауэлл достал из кармана камеру, надел на нее увеличительную линзу, и поспешно начал снимать.

Затем в поле зрения что-то появилось — металлический человек, размером с обычного человека, но совершенно нечеловеческой формы. То же самое существо, которое Пауэлл видел в Чикаго в доме Оуэна.

У него было цилиндрическое тело, увенчанное шаровидной головой с гранеными глазами. Руки, казалось, были из какого-то гибкого материала, человекоподобные. Ног не было. Вместо них были просто металлические прутья толщиной сантиметров в пять, три прута, расположенных равносторонним треугольником вокруг основания цилиндрического торса. Они заканчивались полугибкими когтями, которые сгибались, когда на них налегал вес тела.

Робот подошел к видеофону. Его нечеловеческое лицо заняло весь экран. Он медленно кивнул.

Пауэлл сглотнул. Единственной эмоцией, которая выражалась на этом не человеческом лице, была холодная жажда крови.

ГЛАВА IX. Борьба за тело

ПАУЭЛЛ МАХНУЛ рукой. Аппаратура позади него бесшумно заработала. Броди подался к экрану, губы его задвигались, когда раздался поддельный, усиленный голос доктора Оуэна.

— Я уже час пытаюсь связаться с вами! Не удалось добраться до квартиры. Что-то пошло не так. Я не успел вам рассказать. Позвоню, как только смогу. Это важно и очень опасно!

Робот не шевельнулся, но его реакция была именно такой, какой ожидал Пауэлл.

— Что случилось? — спросил он. — Быстро расскажите мне!

— Я не могу! Нет времени! — закричал голос в усилителе. — Я должен немедленно найти Эберли. Мне нужна помощь!

Как отреагирует на это робот? Знал ли настоящий Оуэн, где находится Эберли? Очевидно, нет. Пауэлл усмехнулся, когда заговорил холодный голос:

— Эберли в санатории Солнца. Найдете его там. Как...

Пауэлл не осмелился продолжать этот спектакль. Следующий вопрос будет фатальным. Он быстро выключил видеофон и с удивлением обнаружил, что весь потный, как мышь.

— Ладно, — сказал он остальным. — Уберите здесь все как можно быстрее. И да поможет нам Бог!

Пауэлл спустился вестибюль вместе с Броди, и там они подобрали Гектора. Нужно было быстрее найти такси и добраться до санатория Солнца, где, по-видимому, был в плену Эберли. Если настоящий Оуэн свяжется со своим боссом, то тут начнется ад.

— И что теперь? — спросил Броди, когда они сели в такси.

— Дело плохо, — мрачно ответил Пауэлл. — Но тебе, знаешь ли, не обязательно идти с нами. Это опасное дело. Я могу отпустить тебя, если хочешь.

— Я останусь с вами до конца, — сказал актер.

— Чудесенько! Тогда я хочу, чтобы ты сделал вот что...

Пока Пауэлл излагал свой план, в голове у него теснились другие мысли. Улицы уже не были переполнены. Жители Нью-Йорка спрятались по своим домам, как подсказывал им первобытный инстинкт, заставляющий искать убежище.

Радио и телевидение транслировали обнадеживающие сообщения. Ситуация взята под контроль, говорили дикторы, и, повторяя это снова и снова, им удалось внушить общественности некоторую уверенность. Водоснабжение было в норме. Продукты в изобилии продавались консервированные или обезвоженные.

В хранилищах под городом был большой запас предметов первой необходимости, державшийся там для таких чрезвычайных ситуаций, как война, голод или эпидемия. Были также большие резервуары воды и, при необходимости, воду можно было получать из воздуха, хотя и в не очень большом количестве. Пауэлл понимал, что без источников воды им всем грозит смертельная опасность.

Запасы нельзя растягивать вечно. Также кончится топливо, без которого не будет энергии, а значит, сложный организм Нью-Йорка останется неуправляемым. И что тогда?

ТОГДА НАСТУПЛЕНИЕ медленной, ужасной смерти превратит город в скопище бешеных мужчин и женщин, сражающихся за свою жизнь до последней капли крови. Это были не очень приятные мысли. Пауэлл почувствовал тошноту. В желудке так и не рассосался твердый, холодный узел. Он усмехнулся. Эберли мог бы помочь им.

А что, если нужно было напрямую спросить у робота, где он укрывается?

Но это было слишком рискованным. Вероятно, доктор Оуэн знал, где найти робота. Такой вопрос мгновенно выявил бы фальшивку. А если бы он не знал этого, значит, для того была веская причина. Робот мог скрывать свое убежище даже от подчиненных.

А как насчет самого робота? Живой он все-таки или нет? Разумеется, создать такой маленький механический мозг, который влез бы в голову автомата, никому не по силам.

Но нужен ли этот механический мозг? Совсем недавно произошел потрясающий ряд трепанаций и операций на головном мозге, совершенных каким-то китайский медиком, который, по сведениям Пауэлла, после этого исчез бесследно. Возможно, было нечто в этом же роде. Но трудности пересадки живого мозга в металлический череп робота оказались практически непреодолимыми. Пауэлл достал сигару и принялся задумчиво разжигать ее. Какое могло быть еще решение?

Дистанционное управление? Радиоуправляемый робот, работающий по чьим-то приказам? Возможно. Легче было поверить в это, чем в живой разумный автомат. Разумеется, это означало, что за всем этим стоит какой-то человек. Человек умный, хитрый, с научным и одновременно преступным разумом. Космический Ястреб был бы самой логичной кандидатурой, если бы он был еще жив. Но Космический Ястреб был уничтожен БМР. Пауэлл теперь почти пожалел об этом. Если бы он был жив, то нечего было бы ломать голову. Кто же еще остается?

Пауэлл не знал, что и подумать. Такси остановилось.

— Приехали, — сказал Гектор. — И что теперь?

Пауэлл кивнул Броди.

— Твой ход. Удачи, парень. Ты нам очень поможешь!

САНАТОРИЙ СОЛНЦА располагался на вершине небоскреба на северной окраине Гарлема. Там была посадочная площадка для гиропланов, но по военному положению все самолеты должны были оставаться на земле до дальнейшего уведомления. Пауэлл и Гектор последовали за Броди в вестибюль, велел таксисту ждать. Там они сели в экспресс-лифт и вышли в патио под открытым небом Нью-Йорка. Дворик был покрыт красной черепицей, в центре которой бросался в глаза солнечный циферблат, совершенно бесполезный теперь, при отсутствии солнца. Вокруг высились непрозрачные стеклянные стены корпусов. Девушка, сидящая у коммуникатора, подняла взгляд на прибывших и приятно улыбнулась.

— Добрый вечер. Чем я могу вам помочь?

Вечер? Было же еще совсем светло. Пауэлл взглянул на часы, и у него перехватило дыхание. Было уже восемь тридцать вечера! Странное небо совершенно не менялось. Либо в этом чужом мире не было ночи, либо дни здесь были необычайно длинными.

Пауэлл решил, что бесполезно и даже опасно спрашивать напрямую об Эберли, поскольку того вряд ли зарегистрировали в санатории под его настоящим именем. Броди шагнул вперед.

— Я доктор Оуэн. Вам сообщили обо мне?

Девушка одарила его еще одной ослепительной улыбкой.

— О, да, сэр. Выдолжны пройти в комнату двенадцать-четыренадцать.

Перед дверью комнаты двенадцать-четыренадцать Пауэлл нажал звонок. Дверь открылась. На пороге стоял хорошо одетый, коренастый мужчина с высокомерным вздернутым подбородком, и с видом «да пошли вы все к черту».

— Я доктор Оуэн, — сказал Броди.

— Знаю. А эти двое...

— Они со мной. Где Эберли?

Коренастый заколебался, затем шагнул в сторону, позволив всем войти. Потом осторожно закрыл и запер за ними дверь.

— Меня зовут Хаверхилл, — сказал он, протягивая большую руку.

Броди пожал ее, а Пауэлл с трудом удержался от смеха. Вежливые манеры были в ходу даже у преступников.

Хаверхилл направился к соседней комнате.

— Я хотел держать тебя наверху, в санатории, — сказал он через плечо, — но это слишком опасно. Он может проболтаться. Разумеется, теперь ему не с кем общаться.

Он кивнул на длинный стол, стоявший у стены спальни, в которой они вошли. Стол был уставлен аппаратурой и пробирками, ретортами, горелками Бунзена и странным устройством из зеркал, укрепленных с интервалами вокруг металлического кольца, кото-

рое, в свою очередь, было укреплено рядами болтов и шестеренок. На кровати кто-то лежал. Пауэлл подавил торжествующий вскрик. Это был Эберли.

ЭБЕРЛИ ОКАЗАЛСЯ большим, мускулистым человеком, похожим на борца. Небритые щеки и непричесанные седые волосы контрастировали с румяным лицом. Большое туловище и тяжелые конечности были совершены инертными. Грудь поднималась и опала очень медленно, глаза были полуприкрыты.

— Что-нибудь новенькое? — спросил Броди.

— Я добыл информацию о космическом корабле, — ответил Хаверхилл. — Скополамин сделал свое дело. Я отправил записку с сообщением. Привод космического двигателя Эберли логичен и, по-видимому, прост в конструкции. Первый сможет легко оснастить им свой корабль. Кстати, он передал мне, что вы едете сюда. Вы должны немедленно связаться с ним.

Первый? Это так зовут робота? Пауэлл нахмурился. Он хотел увезти Эберли в безопасное место до того, как возникнут проблемы. Но также ему захотелось получить всю информацию от Хаверхилла. Тот уже нетерпеливо покусывал губу.

— Да, — рискнул Броди. — Но в первую очередь я хочу поговорить с Эберли.

— Поговорить с ним? — озадаченно спросил Хаверхилл. — Но вы же знаете...

Внезапно он замолчал, брови его нахмурились.

— Поговорить с ним! Сначала поговорите с Первым, Оуэн. Иначе я буду вынужден!..

Он небрежно сунул руку в карман. Пауэлл увидел блестящий пистолет. С безмолвной яростью он бросился и подсек колени Хаверхилла. Оба покатались клубком по полу. Гектор взял вазу, задумчиво поглядел на нее и стал оглядываться в поисках чего-то более весомого. Затем шагнул вперед и встал возле дерущихся мужчин, поджидая свой шанс. Внезапно он сделал резкое движение и разбил вазу о череп Хаверхилла. Хаверхилл дернулся и обмяк.

Пауэлл поднялся, растирая горло. Потом поднял пистолет и положил его в карман.

— Нехорошо вышло, — сказал он Броди. — Ты чем-то возбудил его подозрения. Очевидно, Эберли не может говорить, и настоящий Оуэн знает об этом. Ну, теперь уже все равно поздно.

Он подошел к кровати и осмотрел Эберли. Его дыхание было мелким, лицо бледное. Ловкими пальцами Пауэлл поднял ему веки и посмотрел на расширенные зрачки.

Да, наркотики. А это устройство с зеркалами – гипнотическая машина. По-видимому, Хаверхилл получил схему космического двигателя Эберли, затем стер его память. Звучит вполне логично. Эберли слишком ценен, чтобы его убивать, по крайней мере, до первого испытания космического двигателя. Наши друзья поняли, что все может пойти не так, если Эберли попадет в руки полиции или БМР. В любом случае, гипноз и наркотики держали бы рот Эберли на замке.

ПАУЭЛЛ ПОДОШЕЛ к столу, осмотрел пузырьки и бутылки, и сложил их в карманы для дальнейшего анализа. Хаверхилл застал и открыл глаза. Гектор поймал пистолет, который Пауэлл кинул ему, и снял предохранитель.

– Ты пойдешь с нами, – сказал Пауэлл. – Мы испробуем скопаламин на тебе, парень. Ты должен много знать, и сыворотка правды выжмет это из тебя.

Хаверхилл криво усмехнулся. Его рука метнулась ко рту.

Гектор бросился к нему, но опоздал. Хаверхилл судорожно дернулся, его тело изогнулось, как лук, но тут же расслабилось.

Больше Хаверхилл не двигался. Он был мертв!

Пауэлл опустился на колени рядом с его телом. Попытался нащупать пульс, но пульса не было.

– Бегите в санаторий! – Крикнул он. – Приведите сюда какого-нибудь врача с адреналином. Быстрее!

Броди выбежал. Пауэлл кивнул на лежащего на кровати.

– Возьми его, Гектор. Отвези в больницу «Саммита». Я не хочу, чтобы он был здесь, когда набегут врачи.

Марсианин заключил Эберли в свои крепкие объятия и убежал. Пауэлл вернулся к телу, лежащему на полу. На безвольном пальце было кольцо с крошечными зазубринами осколков в том месте, где прежде был камешек.

– Яд. Конечно, у него это получилось. Первый не рискует. Ну, может быть, нам поможет фокус с адреналином.

В комнату поспешно вышли два врача и медсестра, а за ними Броди. Они не теряли времени даром. Один подготавливал гипосульфит, другой, по предложению Пауэлла, осмотрел кольцо.

– Похоже на кураре, – сказал он. – Но не могу ничего утверждать без анализов.

Он помог своему напарнику сделать инъекцию адреналина в сердце Хаверхилла, затем сунул в уши стетоскоп.

– Шансов на это немного. Через несколько секунд, может быть, если мы успели. Но нам не удастся долго продержат его в живых.

— Кончай болтать, — огрызнулся второй. — Я прощупал слабый пульс. Позови сюда санитаров и медсестру. Нам нужно унести его наверх, к искусственным легким.

Девушка уже была пошла, но тут врач разочарованно махнул рукой.

— Уже не нужно. Мы потеряли его.

— Нужно больше адреналина? — предположил Пауэлл.

— Он мертв. А теперь, мне кажется, вам лучше объяснить, что тут случилось.

— Он покончил жизнь самоубийством.

— Все в порядке, — сказал Броди, выдвигаясь вперед. — Я как раз был здесь. Этот человек никоим образом не причастен к произошедшему.

Врач поднял брови.

— Разумеется, доктор Оуэн. Однако вы должны понять, что нам нужно вызвать полицию.

— Конечно, — поспешно сказал Пауэлл. — Вы знаете, где можно найти доктора Оуэна.

— А где сопровождающий вас марсианин? Думаю, вам лучше остаться здесь до прибытия полиции. Понимаете, это просто меры предосторожности.

Пауэлл направился к дверям.

— Простите, но мы не можем ждать. Это дело государственной важности.

— Государственной важности? А у вас есть соответствующие документы? — спросил доктор, преграждая Пауэллу дорогу.

Пауэлл вздохнул и достал пистолет.

— Вот мои документы, — сказал он, целясь врачу в сердце. — Пожалуйста, отойдите.

Больше проблем не возникло. Пистолет где угодно являлся хорошими документами. Пауэлл и Броди пересекли зал, направляясь к лифту, и через несколько секунд были уже в вестибюле. Там они поспешили к выходу, не обращая внимания на пронзительные крики телефонного клерка.

— Надо быстрее добраться до Эберли, — сказал Пауэлл. — Поймайте такси.

Именно Эберли находился в самой непосредственной опасности. Первый не стал бы колебаться и убил бы человека, чтобы навсегда заткнуть ему рот. Разборки с полицией означали задержку, которая может стать фатальной для планов Пауэлла.

ГЛАВА X. Форсированный гений

ПАУЭЛЛ ОСТАВИЛ Броди в здании «Саммита», а сам бросился к лифту.

— Будь на связи, — крикнул он Броди. — Возможно, ты мне еще понадобишься.

На больничном этаже он нашел Эберли в отдельной палате, с ожидающими его Гектором и врачом.

Марсианин вздохнул.

— Хорошо, босс. Я все исполнил. А ты в порядке?

— Конечно. Привет, Мултон. Каков приговор?

— Полукаталитическое состояние. Я думаю, наркотик. Что вообще происходит?

Пауэлл бросил несколько туманных фраз, которые ничего не объяснили, потом достал из кармана бутылочки, что забрал в квартире Хаверхилла.

— Еще и гипноз, — добавил он. — Ты можешь что-нибудь сделать?

Мултон осмотрел бутылочки и отправил их на анализы.

— Возможно, — с сомнением сказал он. — Я попытаюсь.

Он пытался искренне, но напрасно, и обещанные несколько минут переросли в часы. Раздался звонок Гвинна.

Начальство хотело видеть Пауэлла.

— Это жизненно важно, — сказал Гвинн на экране. — Тут нужно кое-что снять.

— Ерунда, — сказал Гектору Пауэлл. — Я сейчас не могу покинуть Эберли. Поговори с Гвинном сам. Спроси, что ему нужно.

Но начальник молчал. Наконец, Пауэлл подошел к видеофону.

— Да?

— Черт побери, Майк, за что это я только тебе плачу? Начни, наконец, заниматься работой! Бери камеру и мотай в Бэттери. Там словно ад прорвался наружу. Полиция уже в пути.

— Зачем?

— Помнишь, что я рассказывал тебе о рождениях чудовищ за последние несколько месяцев? А о змее, на которой выросли перья? А обо всем остальном? Так вот, в Бэттери появилось больше сотни существ, которые буквально крушат там все подряд.

— И какие это существа? — насмешливо спросил Пауэлл.

— Не знаю. Насколько я могу судить, они выглядят, как страусы. Но ядовитые. Принимайся за работу иними все на пленку.

— Слушай, а ты когда-нибудь переставал думать о своей прибыли? — сказал Пауэлл. — Кому ты собираешься демонстрировать свои новости? Мы ведь больше не на Земле.

– Только не начинай сейчас! – огрызнулся Гвинн. – Ну, если мы вернемся, то у нас будет что показать и рассказать! Ты думаешь, я упущу такую возможность? Принимайся за работу!

– Ладно, – проворчал Пауэлл и прервал связь.

Гигантские ядовитые птицы, как вам это нравится?

Неподходящее время для новых сенсаций!

– Он приходит в себя, Пауэлл! – позвал его Мултон.

Пауэлл тут же бросился в палату. Может ли Эберли разгадать эту запутанную, таинственную историю? Знает ли он что-нибудь о том, что случилось с Нью-Йорком?

Пауэлл этого не знал. Но пылко молился про себя, когда стоял над кроватью и смотрел, как Эберли открывает глаза, и в них постепенно разгорается свет разума.

– Не говори ничего, – предупредил его Мултон. – Дай ему время. Я использую инсулин, но он все еще очень слаб.

ОДНАКО ЭБЕРЛИ уже не выглядел слабым. Его мужественное лицо затвердело, холодный взгляд синих глаз настороженно оглядел окружающих. Он молча смотрел, как Мултон покидает палату. Затем произнес глубоким, грохочущим голосом.

– Где я? Мне нужны объяснения!

– Вы их получите, – сказал Пауэлл. – Но, во-первых, что самое последнее, что вы помните?

Голубые глаза сделались задумчивыми.

– Космический порт в Мохаве. На меня напали, и я потерял сознание. Когда это произошло?

– Пару недель назад. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы выслушать меня?

– Да. Начинайте.

Быстро, но основательно, Пауэлл рассказал о том, что произошло, ничего не утаив.

Гектор сидел рядом на стуле и слушал.

– Теперь вы знаете столько же, сколько я, – закончил Пауэлл. – Наверное, даже больше. Если вы можете пролить свет на то, что произошло...

Эберли взъерошил свои седые волосы, потер пальцами выдающийся подбородок.

– Мне нужно побриться, – зачем-то сказал он. – Да. Вы дали мне много важной информации. Все это свободные потоки, но у них есть фокус. Я отчетливо вижу это. Без единой мотивации эти различные события были бы просто совпадениями, но их слиш-

ком много, чтобы они были естественными. В Нью-Йорке уже несколько месяцев работают некие силы.

— Этот робот...

— Это следствие, а не причина. Я не уверен, что вы правы, полагая, что Первый, как вы его называете, отвечает за то, что Манхэттен переброшен в другой континуум. Естественно, он мог бы приказать своим подчиненным сделать это, чтобы быть уверенным в своем положении и не подставить под удар свою организацию. Но такое внезапное развитие мастерского преступного ума неестественно. Оно было вызвано этой неизвестной силой, точно так же, как были вызваны рождения чудовищ и мутации. Даже я, — кисло усмехнулся Эберли, — оказался в состоянии решить проблему, над которой годами ломал голову. Я создал свой космический двигатель и сделал еще кое-какие изобретения. Внезапно мой разум словно вырос по широте охвата и интеллекту, а ведь я отнюдь не был гением. Я думаю, мои способности к науке были развиты этой странной силой, такой же неожиданной для меня, как и для вас. Очевидно, эта сила возникла не в нашем мире. — Неожиданно он сменил тему. — Вы сказали: тени в небе. Гиганты непостижимых размеров. Нью-Йорк перенесен в другую Вселенную. Но все это невозможно.

— Нет, — проворчал Пауэлл. — Не так уж и невозможно!

— Существует четыре измерения, — задумчиво продолжал Эберли. — Причем четвертое — очень загадочное для нас. Даже Эйнштейн признавал это. Это может быть время или новая пространственная координата. Видите ли, каждое измерение является пространственной координатой на оси. Ось времени — это именно то, что нас интересует. Дайте мне листок бумаги и карандаш. Спасибо. — Эберли ткнул карандашом в середину листка. — Вот она. Можете называть это осью временем, плоскостью, верхней поверхностью бумаги, нашим собственным миром. На самом деле, конечно, это не плоскость, а трехмерный континуум. А ось времени с нее не видна, точно так же, как карандаш. Бумага имеет две стороны, каждая из них перпендикулярна карандашу. Наш трехмерный мир обладает тремя координатами, каждая из которых перпендикулярна оси времени.

ЭМБЕРЛИ ОТОРВАЛ часть листка и поставил крестик на одной ее стороне.

— Видите эту отметку, а? — Он приложил крестик к дырке от карандаша. — Теперь я буду вращать ее. Ничего не меняется. Она вращается вдоль оси, что для двумерного существа просто немыслимо.

Я думаю, что Нью-Йорк, как и мой кусочек бумаги, повернулся в четвертом измерении во времени и попал в мир, который, так сказать, лежит на другой стороне бумаги. Теперь вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Пауэлл, — но это всего лишь теория. Механика...

— Разумеется, она невозможно для нашей земной науки. Но теперь мы не на Земле. Эти неясные контуры, которые вы видели в небе... Я думаю, это жители здешнего, другого континуума.

— Они слишком большие, — вставил Гектор.

— Размеры всегда относительны. Динозавры были большими. Микробы маленькими. На огромной планете ее обитатели были бы пропорциональны большими.

— На гигантской планете гравитация должна возрасти, — возразил Пауэлл.

— Почему? Плоскость не зависит от величины. Как насчет нейтрона? Как насчет темных звезд? А красные карлики? Вообще этот огромный мир может быть пустым, простой тонкой оболочкой. Тогда его жители были бы довольно прозрачными. И гравитация не изменилась бы, не так ли?

— Так. Но что стоит за этим?

— Этого я не могу вам сказать, — признался Эберли. — Должен быть какой-то веский мотив. Разумные существа не действуют нерационально. По крайней мере, ученые. Ищите земные параллели, Пауэлл.

— Что? Да таких просто нет.

— Их очень много, — тихонько сказал Эберли. — Одна из них — плодовые мушки. В лабораториях мы проводим генетические эксперименты, облучая плодовых мушек рентгеновскими лучами и наблюдая за воздействием на зародышевую плазму. Массовые мутации не являются нормальным состоянием.

Пауэлл перевел дух. Это идея потрясла его. Это было бы ужасно! Нью-Йорк объект эксперимента какой-то расы титанов?

— Это хорошая параллель, — продолжал Эберли. — Я считаю, что мы подверглись воздействию каких-то лучей или сил, вызвавших мутации. Даже сейчас нас наверняка изучают. Проверяются результаты эксперимента или, например, проводят на нас контрольные тесты.

— Облучают? — спросил Пауэлл, наморщив лоб. — Почему вы думаете, что это именно лучи или какие-то силы?

— Это просто рационально, — заявил Эберли.

— Но почему именно лучи? Я согласен, что тут должна действовать какая-то неизвестная сила. Такое количество мутаций, конечно

же, ненормально. Но почему это не может быть... ну, искривлением пространства, например, или какими-то ингредиентами, внесенными в нашу атмосферу, или...

ЭБЕРЛИ РЕЗКО приподнялся на локте.

— Ваши рассуждения интуитивно понятны. Но в воздухе не было никаких изменений. Вы сами сказали мне об этом. И даже если бы не сказали, то существует факт, что мутации происходили довольно длительное время до переноса Нью-Йорка. Нет. Эта гипотеза не работает. Явно существует некое излучение, производящее в нас подобные изменения. Вероятно, его можно обнаружить приборами, хотя наши приборы, я думаю, не смогут его проанализировать. Тут нам мог бы помочь свинец. Видите ли, у меня есть мнение, что излучение связано с радиоактивностью, поэтому свинец будет единственным возможным щитом против него. Я столкнулся с таким воздействием совсем недавно, и не мог найти его источник. Но теперь все ясно. Источник располагался в другом измерении.

Пауэлл почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Он вспотел.

— Боже, какие ужасы вы мне рассказываете! Я уже чувствую себя на предметном стеклышке под микроскопом.

— Разумеется, должны быть и микроскопы, — кивнул Эберли. — Однако... Вы говорите, у вас есть записи последних событий в Нью-Йорке? Записи этих мутаций? Я хотел бы их увидеть. В конце концов, теперь я гораздо более талантливый ученый, чем прежде. Не то, чтобы это принесло мне много пользы! — Внезапно выкрикнул он. — Так могу я поглядеть фильмы?

— Я позвоню Молтону, — сказал Пауэлл. — Сначала он проверит ваше состояние.

Но восстановление Эберли происходило удивительно быстро, чему, возможно способствовали необъяснимые силы, которые так странно развили его мыслительные способности. Поэтому Эберли настоял на том, чтобы встать и последовать за Пауэллом в смотровую комнату. Гектор пошел за кассетами.

— Что касается моего похищения, — сказал Эберли, — в нем нет ничего загадочного. Ваш робот-преступник, которого вы зовете Первым, просто хотел завладеть моим космическим двигателем, что позволило бы его пиратским кораблям царить во всей Системе. Сначала меня увезли на Венеру, чтобы сбить возможную погоню со следа, и одновременно, чтобы избавиться от моего корабля. Первый, вероятно, хочет построить собственные корабли где-то в потайных

местах. Несомненно, он получил чертежи космического двигателя, вколов мне сыворотку правды. Правда, этого я не помню.

— Вы по-прежнему находитесь в опасности, — заметил Пауэлл. — Пока вы живы, у Первого не будет преимуществ этих космических кораблей. Так что вас лучше держать под охраной.

Эберли презрительно хмыкнул.

— Я умею стрелять из пистолета. И я не собираюсь скрываться. Предстоит слишком многое сделать. Как фильмы, готовы? — спросил он, когда снова появился Гектор.

— Да, сейчас запущу!

Пауэлл сам пошел к проекционному аппарату. Экран в смотровой засветился сначала серебряным, затем потемнел. И на нем появилось изображение, трехмерное, реалистичных цветов.

— Послушайте, мы встретились с какими-то безумными мутантами! — Голос комментатора говорил резко, прерывисто. — Только взгляните на них. Это не кенгуру. Это кролики!

Животные на экране, сидящие в прочных клетках, не были похожими на кроликов. Во-первых, высотой они были больше метра. Во-вторых, вместо подвижных ушей у них были какие-то мягкие волнистые усики, выглядевшие, скорее, антеннами. Они сидели на задних лапах, как кенгуру, и прыгали невероятно высоко.

ЗАТЕМ КРОЛИКОВ сменило другое изображение. Черета событий показала прогресс и провалы в гигантской схеме монтажа, и все в течение месяца. Все возможные виды моносомии*, ребенок с двумя головами и одним телом. А потом наоборот. Красный, морщинистый младенец с одним глазом посреди лба — циклоп.

— Мы не выпускали в эфир такие новости, — сказал Пауэлл. — Это уж слишком.

А еще застрелился банкир, внезапно сошедший с ума.

— В последнее время в Нью-Йорке наблюдается резкий скачок безумия, — сказал Пауэлл. — Врачи не могут понять, в чем тут дело.

— Все это указывает на форму развития, — задумчиво произнес Эберли, — на эволюцию, а не деволуцию. Реального вырождения незаметно.

— А как же насчет монстров?

— Эксперименты. Мутации. Как кролики. Вот взгляните сюда, — Эберли указал на экран, где свернулась королевская змея, покрытая пушистыми перьями. — Потенциально, каждая чешуйка на теле

* моносомия — отсутствие одной из хромосом в диплоидном наборе (прим. перев.)

этой рептилии являлась эмбриональным пером. Но управляемые лучи, ускорившие эволюцию, имели бы более однородные результаты. А единого эффекта нет. И это меня озадачивает.

На экране продолжала идти череда событий. Эберли молчал, пока на экране не появились юмористические комментарии о спиритическом сеансе.

— Не знаю, как сюда закралось это, — проворчал Пауэлл. — Наверное, какая-то ошибка. Но это неважно.

— Вы ошибаетесь! — огрызнулся Эберли. — Это чертовски важно! Прокрутите-ка последние новости снова.

На экране опять появилось трехмерное изображение спиритуалистки миссис Фелипы Кардотти. Это была простая, смуглая женщина с черными волосами, и живым, ярко накрашенным лицом.

— Эти голоса... да, это духи, — серьезно заявила она корреспонденту. — Прежде я никогда их не слышала. Всегда было трудно преодолеть завесу, но теперь я слышу день и ночью шепот невидимых существ. Они смущают меня, я мало что понимаю. Они что-то замышляют и планируют, но я не понимаю...

— Я хочу поговорить с этой женщиной, — быстро сказал Эберли. — Как я могу связаться с ней?

— Ну, я отвезу вас к ней, — с изумленным видом ответил Пауэлл. — Но она же мошенница. Ее десятки раз арестовывали.

— Она просто фанатичка, — возразил Эберли. — Потенциально телепатия всегда существовала в ее подсознании. Но что-то развило ее и вывело наружу. Она слышит голоса, вот только голоса не духов. Но вопрос в том, что именно она слышит?

— Да что она может слышать? И кого?

— Она слышит мысли. Разумеется, не человеческие мысли. Мы все не могли бы измениться так радикально за такое короткое время... — Эберли встревоженно замолчал.

— И чьи это могут быть мысли? — спросил Пауэлл.

— Мысли существ, которые не являются людьми. Мысли теней, Пауэлл, теней в небе! Мысли тех, кто захватил Нью-Йорк и используют его в экспериментальных целях. Если что-то и может подтвердить мою точку зрения, так это ее показания. Мы должны отыскать ее.

ГЛАВА XI. Раб рабов

Миссис Фелипа Кардотти жила в Бронксе, в квартире на пятом этаже, пропахшей чесноком и чечевичной похлебкой. Засиженная

мухами вывеска рекламировала ее, как «Великую читательницу мыслей и управительницу психики».

На звонок в дверь открыла темноволосая женщина с ласковым лицом. Поспешно одетый тюрбан сполз ей на один глаз.

— Да? Вы ищете меня?

— Миссис Кардотти?

— Это я, — кивнула женщина. — Вам нужна консультация? Заходите.

— Нам точно не нужна консультация, — начал Пауэлл, шагнув к ней.

Миссис Кардотти отступила назад, сверкнув глазами.

— Вы из полиции, не так ли?

— Вовсе нет, — успокоил ее Пауэлл. — Мы ученые-исследователи. Нам нужна кое-какая информация. Разумеется, мы заплатим вам по обычным расценкам.

— Вот как? — Лицо женщины приобрело хитренькое выражение.

— Хорошо, садитесь.

Она водрузила свое громоздкое тело на неряшливый диван, пошарила в кармане и, поморщившись, сунула в рот две таблетки аспирина.

— Головные боли, — пояснила миссис Кардотти, снимая свой тюрбан. — У меня в последнее время ужасные головные боли. С тех пор, как я начала слышать голоса.

Эберли подался вперед.

— Именно об этом я и хочу спросить. Эти голоса. Они...

— Я почти ничего не знаю, — сказала женщина. — Они приходят и уходят. Голоса духов, от них у меня все мешается в голове. Но иногда появляются картинки.

— Какие картинки? — нетерпеливо потребовал Эберли.

— Они тоже все спутаны. Как сны. Стены, словно подземные туннели, и вокруг люди, люди... Забавные люди.

— На что они похожи?

— Я не знаю. Трудно вспомнить, разве что они забавные. И они изменяются, как во сне. Например, вырастают руки... — Миссис Кардотти нахмурилось, напрягая свою память, потом пожала плечами. — Это все трудно запоминать.

— У вас недавно появились все эти явления?

— Да я всю жизнь была экстрасенсом! — возмутилась она.

Эберли нетерпеливо взмахнул рукой.

— Конечно, но эти новые голоса... Они ведь новые, не так ли?

— Да, — весьма неохотно призналась она. — Они приходят только последние несколько месяцев. Но теперь приходят очень часто. Я устала от них, они часто приходят и беспокоят меня.

— Вы что-то чувствуете? — спросил Эберли. — Страх? Любопытство?

— Э-э... Я не боюсь этих снов. Да, я что-то чувствую. Но не страх.

— Постарайтесь припомнить, — умоляюще воскликнул Эберли.

— Мне тяжело вспоминать. И это вечное чувство, что я должна что-то сделать, выполнить какие-то обязанности. Причем я не всегда один и тот же человек. Но такое желание есть всегда. Я что-то должна сделать...

— Что именно?

— Ну... что-то. Разное. Иногда я чувствую, что нужно копать. В туннелях. Я должна добраться...

Миссис Кардотти замолчала, ее грубое тело обмякло на диване, черные глаза стали тусклыми.

— Голоса, — пробормотала она и замерла.

ТОЛЬКО ТЕЛО ее конвульсивно подрагивало.

Пауэлл внезапно ощутил странную тревогу. Он и прежде видел экстрасенсов, он брал интервью у экстрасенсов-мошенников. Но миссис Кардотти была настоящим экстрасенсом. Эберли напряженно склонился над ней, не сводя взгляда со смуглого лица женщины. Ученый не был таким уж доверчивым.

— Что происходит? — нервно спросил Пауэлл.

Рядом с ним неуверенно шевельнулся Гектор.

— Босс, я... Я что-то чувствую... — пробормотал он.

Неужели мысли марсианина могли быть настроены на видения миссис Кардотти? Но явная тревога Гектора больше всего повлияла на скептицизм Пауэлла.

— Заткнитесь! — рявкнул Эберли и еще ниже склонился к женщине. — Миссис Кардотти, — сказал он, — вы меня слышите?

Женщина безучастно уставилась в пустоту. Казалось, у нее были расслаблены все мышцы. И все же, каким-то странным образом от нее исходило необъяснимое напряжение. Пауэлл внезапно подумал о микрофоне, микрофоне с микроскопической антенной, готовой улавливать вибрации, которые не слышит человеческое ухо.

— Я вас слышу, — глухо сказала женщина. — Я всегда повинуюсь.

Ученый нахмурился и быстро взглянул на Пауэлла.

— Вы что-нибудь видите? — продолжал он расспрашивать женщину

— Стены, каменные стены, очень большой, очень длинный туннель.

— И что вы делаете?

— Копаю. — Миссис Кардотти помолчала, затем произнесла то, что заставило Пауэлла широко раскрыть глаза. — Копаю, — повторила она. — Своими когтями...

Когтями?! Со свойственным человеку эгоизмом Пауэлл невольно предполагал, что таинственные инопланетяне антропоморфны. Для него разум и homo sapiens шли вместе, рука об руку. *Но почему?* — криво усмехнулся он. *Жизнь в другом континууме не обязана повторять земную. Наоборот, все шансы были против этого.* Но, тем не менее, смутный ужас обуял Пауэлла, пока он слушал.

— Как вы выглядите? — настойчиво повторил вопрос Эберли. — Вы видите себя?

— Я должна повиноваться. Должна работать. Мы почти победили. Гиганты не за горами. Скоро мы пробьем стены и убьем их всех.

Миссис Кардотти судорожно вздрогнула, затем начала задыхаться. Пауэлл побежал за водой, принес стакан и ловко заставил женщину выпить половину.

НО КОГДА ОНА пришла в себя, то ничего не смогла добавить. Память, казалось, на время исчезла, по крайней мере, что касается воспоминаний о странных голосах. После честных попыток вызвать у нее какие-нибудь убедительные воспоминания, Эберли пожал плечами и кивнул на дверь. Все трое ушли, удивляясь и недоумевая. На улице они поймали такси и поехали в центр города.

— Я хочу поглядеть на этих птиц или что там такое на Бэттери, — сказал ученый. — Наверное, мои теории кажутся вам фантазиями, но они подтверждаются.

— И как миссис Кардотти связана с этим? — спросил Пауэлл. — Вы что-нибудь узнали?

— Разумеется, узнал. Она рассказала кое-что очень интересное. Вы помните?

— «Мы почти победили?»

— Да, эта фраза и упоминание о гигантах. Миссис Кардотти получает мысли от существ этого нового мира, в котором мы появились. Из-за каких-то неизвестных стимулов она стала настоящим телепатом. Но вот гиганты!.. — Эберли почесал свои нечесанные седые волосы. — Интересно! Тени, которые мы видели в небе, — может, это тени гигантов? Если только миссис Кардотти все не придумала, в этом мире обитает раса непостижимо огромных гигантов. Но я не думаю, что она что-либо придумывает. Я верю, что она получает мысли каких-то мелких существ, которые хотят напасть на этих колоссов.

— Мелких существ?

— Возможно, они больше, чем мы. Мелких по сравнению с гигантами. У меня есть идея, Пауэлл, довольно невероятная теория. Но в высшей степени логичная. Возможно...

Внезапно такси остановилось.

— Пожалуй, конец пути, — заявил водитель, повернувшись к ним.
— Улица перегорожена.

Впереди поперек улицы была натянута веревка. Вдалеке раздавались звуки выстрелов и какой-то пронзительный свист, озадачивший Пауэлла. Он вышел, расплатился с таксистом и поспешил к национальному гвардейцу, который стоял с винтовкой в руках возле веревки.

— Я не могу вас пропустить, — сказал тот.

— Вот мой пропуск, — проворчал Пауэлл, показав ему свою потертую карточку представителя прессы, и быстро нырнул под веревкой.

— Ладно. У вас есть пистолет?

— Да.

— Он вам понадобится, — зловеще сказал охранник. — И лучше не торчите там на виду. Я их еще не видел, но слышал, что они просто ужасные.

— У тебя есть камера, Гектор? — спросил Пауэлл. — Держи ее наготове.

Марсианин снял пристегнутую к поясу портативную видеокамеру. Эберли нетерпеливо уже шагал по улице.

— Эй, улица заблокирована, — крикнул им в спины охранник.

Улица действительно была заблокирована. От тротуара до тротуара тянулся наспех построенный барьер из мебели и упаковочных коробок. В поле зрения никого не было, но пулеметный огонь стал громче. Все трое протиснулись в промежуток между баррикадой, затем свернули за угол и увидели, как небольшая группа солдат медленно отступает, непрерывно стреляя. А за ними что-то бежало.

Серое, кожистое, ужасное существо, больше страуса, мчалось на страусиных ногах с выгнутыми назад коленками. Его змеевидная, тощая шея была изогнутой буквой S. Приплюснутая V-образная крошечная голова с трубчатой, как у морского конька, мордой была вытянута вперед. Маленькие атрофированные крылышки хлопали в воздухе на бегу.

— Снимай это, Гектор! — крикнул Пауэлл.

Марсианин уже склонился над своей камерой. Эберли глядел с открытым ртом.

Некоторые солдаты были в противогазах. И нужда в них стала очевидна, когда из морды птицы внезапно вылетело облачко жел-

товатого пара, образовавшее струю метров десять длиной. Один из одетых в хаки мужчин, незащищенный противогазом, закричал и, извиваясь, упал на мостовую.

— Вон еще! — кликнул Пауэлл, выхватывая пистолет.

Он выстрелил птице в голову и промахнулся. Раздался пронзительный свист. Позади него, из боковой улочки, появились еще три такие же милые пташки.

Солдаты отступали медленно, но четко. Однако у них было мало шансов перед этими джаггернаутами. Затем Пауэлл заметил, как его пистолет испустил последнюю, тусклую, красную вспышку, и понял, что

заряд практически исчерпан. Тогда он завертел головой, с тревогой ища убежище.

Но прежде, чем он смог что-либо найти, на улице воцарился настоящий ад. Из окна прямо над его головой раздался оглушительный треск пулемета. Солдаты, заманив своего противника в ловушку, нырнули в заранее высмотренные дверные проемы, откуда вылились на птиц смертоносный огонь.

Но этих чудовищ было трудно убить. По-видимому, их кожистые тела были очень крепкими. А в крошечные, дрожащие головы было почти невозможно попасть. Но одна из птиц все-таки была срублена. Она упала, судорожно дергаясь и выпуская фонтаны струй из морды.

Но другая гигантская птица прорвалась через завесу стрельбы и устремилась прямо на Пауэлла и его спутников. Ее когтистые ноги застучали по тротуару, как барабанная дробь, предвещающая смертную казнь.

ГЛАВА XII. Смерть и закон

УЛИЦА ВНЕЗАПНО закипела движением. Пауэлл увидел бешено несущихся людей, стреляющих и кричащих, кричащих и криками своими перекрывающих шипение монстров.

Однако, несмотря на все, чудовище несло на него свое неуклюжее тело с механической настойчивостью машины.

Его невозможно было остановить! Его огромные ноги двигались, точно поршень. Шея злобно кинулась вперед.

Пауэлл уже видел покрывавшие его серую кожу складки и морщины. Черные, блестящие, похожие на драгоценные камни глаза сердито уставились на него. В ушах раздавалось грозное шипение...

И он с удивлением почувствовал в руке тяжесть пистолета. Рефлекторным движением прицелился и выстрелил.

Как ни странно, сейчас он не был Майком Пауэллом, стоявшим на дороге у чудовища. Он был каким-то незаинтересованным зрителем, который все видел и слышал откуда-то издалека. Существовали лишь двое: незнакомец, стрелявший из пистолета Пауэлла, и огромная серая птица, которая уже нависала над ним.

Пистолет снова выстрелил у него в руке. Чудовище с шумом забило крыльями по бокам, одним прыжком перемахнув метров пять.

Указательный палец Пауэлла согнулся сам по себе на курке пистолета. Пистолет издал громкий хлопок и дернулся в руке. Из его дула пошел дым.

Пауэлл с удивлением увидел, как плоская голова птицы разлетелась на куски. Змеевидная шея извивалась и дергалась из стороны в сторону. Из нее хлестала кровь.

Тем не менее, тварь продолжала бежать вперед. Пауэлл отскочил в сторону, но удар одного из коротких крылышек все же сбил его с ног. Он больно ударился боком о бордюр и лежал, кашляя и задыхаясь, от бьющей в ноздри вони, но все еще сжимал пистолет.

Потом чьи-то руки схватили его за плечи и куда-то потащили. Его затащили в подъезд и буквально понесли вверх по лестнице. Комната, в которой он оказался, вращалась перед глазами. Но затем головокружение прекратилось, и Пауэлл огляделся.

Гектор, Эберли и солдат в хате стояли у окна, глядя вниз. Пауэлл присоединился к ним. Улица напоминала бойню. Птицы умирали, но все равно продолжали дергать ногами и шипеть. Несколько человеческих фигур лежали неподвижно. Слабый ветерок постепенно рассеивал желтоватый газ.

С юга доносилась стрельба.

— Боже всемогущий! — пробормотал солдат.

ЕГО ЮНОЕ лицо было белым, как простыня. Затем он начал ругать птиц, монотонно и безостановочно.

Эберли, прищурившись, глянул на Пауэлла.

— С вами все в порядке. Вы немного вдохнули яда, только и всего. Теперь мы можем спускаться. Газ уже развеялся.

Пауэлл с трудом покачал головой.

— Гектор... — промямлил он едва двигающимся во рту языком.

— Все в порядке, босс. Я все снял.

И марсианин погладил камеру, висевшую у него на поясе.

— Ладно. Давай сделаем еще несколько кадров.

Солдаты на улице уже перестраивались и направлялись на юг.

Гектору, Пауэлла и Эберли осталось исследовать мертвых птиц. Глаза ученого возбужденно блеснули.

— Это все работа лучей, — сказал он, ощупывая ловкими пальцами разбитую серую голову. — Прежде это были обыкновенные птицы. Скорее всего, воробьи.

— Воробьи! — голос Пауэлла испуганно прервался.

— Как вы, наверное, знаете, птицы и рептилии ближайшие родственники. А здесь мы видим комбинацию их обоих.

— Но...

— Вспомните птеродактилей. И археоптерикса. Они, конечно, доисторические, но представляют собой яркую иллюстрацию сочетания птицы и рептилии. А эти твари были когда-то обыкновенными

птицами. Причем не так уже давно. У них всегда был определенный потенциал к росту и развитию желез, производящих яд. Точно так же, как плюющаяся кобра. Лучи, которыми облучали Нью-Йорк, позволили развиваться этим потенциальным факторам. Ну что ж, я достаточно видел. Сейчас я хочу пойти в Башню. Телескоп поможет мне.

— Ладно, — согласился Пауэлл. — Во всяком случае, с меня достаточно приключений.

Но по дороге в центр у него появилась более хорошая идея. Он остановился, чтобы позвонить в Башню и попросить отправить в офис «Саммита» определенную информацию.

Вернувшись туда, Пауэлл отправил новые кассеты для проявления и проверил несколько поступивших сообщений. Одно из них было от Мартина, бывшего взломщика, который, по указанию Пауэлла, отправился обыскивать квартиру доктора Оуэна. Он еще не закончил и сказал, что позвонит в ближайшее время.

Тем временем из обсерватории Башни Эберли доставили пакет. Ученый вскрыл его, вытащил несколько десятков больших фотографий и стал раскладывать их на полу, подгоняя друг другу, как кусочки головоломки. Пауэлл задумчиво глядел на него.

— Это карта неба, — пояснил Эберли, ползая на четвереньках. — Ну-ка, посмотрим... Вот номер семь. Да. Разумеется, нет никакого неба. Это фотографии, сделанные через телескоп. Если, как я думаю, мы находимся на гигантской планете, то фотографии покажут на что она походит.

Но Пауэлл был разочарован результатами. Фотографии были туманными и нечеткими. Сложенные вместе, они явно что-то показывали, но серьезным препятствием являлся неправильный угол преломления и другие неблагоприятные условия съемки. Однако на них были отчетливо видны определенные объекты, а некоторые размытые пятна наводили на размышления.

— Перемещающиеся объекты. Я думаю, это Колоссы. Разве вам не кажется это просторным помещением, Пауэлл? Скажем, какой-то лабораторией? Вот это могут быть стены. Эти яркие пятна, словно туманности, огни на потолке, чрезвычайно удаленном от нас. Это штука, протянувшаяся на четверть неба, может быть микроскопом, направленным на Нью-Йорк. А это... машины.

Эберли замолчал, тщательно разглядывая фотографии и не обращая ни на что больше внимания, при этом он что-то записывал на обратной стороне конверта. Наконец, он поднял голову.

— Мне нужна вычислительная машина. И бумага. Много бумаги.

— Вы хотите сказать, что можете что-то сделать с этой мешаниной? — спросил Пауэлл.

— Больше, чем вы думаете. Разумеется, лучи развили мой разум так, что даже самому жутко. — Голубые глаза Эберли затвердели. — Наука Колоссов не может быть полностью чуждой. Любая наука обязательно основана на аналогичных законах природы. А картины, запечатленные на этих фотографиях, главный ключ к разгадке.

Гектор из соседней комнаты позвал Пауэлла к видеофону.

Звонил Гвинн, босс «Саммита».

— Вы засняли этих птиц, Майк? — спросил он. — Прекрасно. Между прочим, их всех уже перебили. Но появились новые существа. Всем было приказано покинуть улицы. Черт побери, когда все это закончится? И чем?

Пауэлл неопределенно дернул плечом и отключился. Эберли, работающий с вычислителем, в данный момент ничем не мог ему помочь. Тогда Пауэлл взялся за видеофон, принимая звонки со всех уголков города. Он мрачно смотрел и слушал новости.

Птицы были мертвы. Но появились другие угрозы. Со стороны сухого ложа Гарлема ползла громадная, синяя, мясистая тварь, словно приливная волна, направляющаяся в центр города, заполняя собой Бродвей от одного тротуара за другого.

По улицам бегали огромные сороконожки. Они были по восемь метров в длину, покрытые почти неуязвимым хитином, и только опасные ядовитые газы могли их убить. Так что национальным гвардейцам выдали газ.

Монстры множились и голодали!

Источником непосредственной угрозы стали домашние аквариумы. Из них вырвалась страшная жизнь — водоросли, которые почти мгновенно разрастались и с той же скоростью засыхали.

Гвардейцы сражались огнем против огня. Они были вооружены пистолетами, созданными против массовых беспорядков, выпускающими струи газа или стреляющие газовыми патронами. Также они использовали газовые свечи, от которых было больше толку, чем от гранат. Улицы превратились в крошечный ад.

Чудовищ можно было уничтожить, но только одновременно с разрушением цивилизации. И вдруг, когда это меньше всего ожидалось, наступила передышка. Перестали накатывать волны ужасных существ. А тех, кто уже был на улицах, убили. Весь Нью-Йорк принялся молиться, но надежд оставалось мало.

По мнению Пауэлла, это Колоссы отключили свои лучи. Вот только надолго ли? Манхэттен не мог вынести еще несколько таких атак. Беспомощность людей была ясна.

Внезапно пришел звонок от Мартина, бывшего взломщика. Он нашел доктора Оуэна и притащил его в дом неподалеку от Централ Парк. Он звонил из аптеки рядом. Спрашивал, что делать теперь?

— Жди, — сказал Пауэлл. — Я прибуду как можно быстрее. Не спускай глаз с доктора!

Он уже шел по коридору, когда встретил Эберли, губы которого дрожали от волнения.

— Мне нужен корабль, Пауэлл! — воскликнул ученый. — Космический корабль!

— Они все на земле. Им запрещено взлетать.

Эберли взмахнул рукой.

— Но это очень важно! Нужен корабль и экипаж, чтобы кое-что исправить.

Пауэлл быстро начертил записку на клочке бумаги.

— Отнесите этого Гвинну. Он все сделает, если вы будете говорить достаточно убедительно. Я скоро вернусь. Пока!

Но на улице он столкнулся с новыми проблемами.

— Вот он! Хватайте его! — раздался счастливый, возбужденный голосок Сью Кларк.

И тут же Пауэлла схватил за руку Сомерсет, главный агент БМР.

— Вы арестованы! — рявкнул он. — За убийство!

ГЛАВА XIII. Логово робота

ПАУЭЛЛ ЗАСТЫЛ на месте и медленно огляделся. Рядом стояла Сью Кларк. Ее зеленые глаза пылали, как радий, рыжие волосы раздувались по ветру. Рядом с ней был неизменный круглолицый Линн Пламб, безуспешно пытающийся скрыть усмешку. На загорелом лице Сомерсета не было никакого выражения, но ледяные голубые глаза были острее отточенных ножей. Будучи арестованным человеком, который убил самого Космического Ястреба, Пауэлл почувствовал неприятный комок в горле.

— Убийство? — спросил он. — Ничего не понимаю.

— Человека по имени Хаверхилл, — сказал Сомерсет. — В санатории Солнца. Он отравлен. Почему вы убежали оттуда?

— Но Хаверхилл отравился сам! — выпалил Пауэлл. — Вы видели кольцо на его пальце? Он покончил жизнь самоубийством!

— Не было у него никакого кольца, — ответил агент БМР. — Кто-то дал ему яд.

Глаза Пауэлла обратились к Сью. Так подмигнула ему и тут же приняла вид невинного херувимчика. Пауэлл медленно кивнул.

— Понятно. Просто из любопытства, Сомерсет, расскажите мне кое-что. Ведь эта дама сама пришла к вам?

— Да, ну и что?

Пауэлл понял, что это Сью сняла кольцо с пальца Хаверхилла. Вот только зачем? Чтобы обвинить его в убийстве? Наверное. Это освободило бы поле действий для Сью Кларк и ее марионетки Пламба. Они шли по следам Пауэлла и умудрились сделать ему гадость. Наверное, это так и было!

— Договорилась с этим мелким рвачом, — проскрипел он. — Ты еще получишь за это.

— Ну же, Умник! — сладким голосом пропела девушка. — Ты меня шокируешь. Это же явный случай убийства, не так ли, мистер Сомерсет?

Агент БМР выдвинул свою и без того выдающуюся челюсть.

— Позже это будет доказано либо опровергнуто. А пока что, Пауэлл, где твой дружок марсианин и Эберли?

Пауэлл заколебался. Нужно было быстро принимать какое-то решение. Сейчас каждая минута была на счету.

— Сомерсет, — сказал он, — как раз сейчас я иду по следу супер-преступника. Если вы бросите меня в тюрьму, я потеряю Оуэна, а я ведь только что его нашел! Я могу доказать, что не виновен в смерти Хаверхилла.

— Где Эберли? — повторил Сомерсет.

— Выслушайте меня хотя бы минуту? Ради Бога...

— Ладно, — кивнул агент БМР. — Только давайте быстро.

Пауэлл скороговоркой рассказал свою историю, отбросив все мелочи, кроме основных фактов. Сью и Пламб жадно слушали. Загорелое лицо Сомерсета было по-прежнему невыразительным.

— Простите, — сказал он, наконец. — Вам нужно немедленно проехать в нашу штаб-квартиру. — И он кивнул в сторону гладкой черной машины, стоящей у тротуара. — Залезайте.

Сердце Пауэлла сжалось. Он быстро огляделся, но улица была пуста. Вот если бы сейчас появился Гектор!..

Внезапно в руке Сомерсета оказался пистолет. Он быстро обыскал Пауэлла и отобрал у него оружие. Потом снова кивнул на машину.

— Поведете вы.

Пауэлл угрюмо сел за руль.

— Мы поедем с вами, если вы не возражаете, — невинным голосом сказала Сью и уже положила руку на ручку дверцы машины.

СОМЕРСЕТ СЕЛ на переднее сиденье рядом с Пауэллом.

— Простите, — сказал он. — Но это официальное дело.

— Однако вам понадобятся свидетели.

— Когда понадобятся, мы свяжемся с вами, — сказал агент БМР и положил пистолет на ко-

лени, направив его на Пауэлла. — Едем.

Пауэлл нажал на стартер.

— Не двигайтесь, мистер Сомерсет, — напряженным голосом произнесла Сью. — Не делайте ни малейшего движения!

— Ради Бога, Сью, что ты делаешь? — воскликнул Пламб.

— Заткнись! — огрызнулась девушка. — Медленно поднимите руки. Оружие оставьте на коленях.

Пауэлл повернул голову и увидел, что Сью держит в руке крошечный пистолет с перламутровой рукояткой. Он был безошибочно направлен в ребра Сомерсета.

Криво усмехаясь, агент поднял руки.

— Ладно, — сказал он, — вы можете ехать с нами. Только прекратите эту комедию.

– Выходите из машины!

– Это уже заходит слишком далеко, – угрожающе сказал агент БМР.

– Выходите из машины! – повторила Сью. – Мой пистолет не пугач.

Сомерсет повиновался. Сью скользнула на переднее сиденье рядом с Пауэллом, не сводя пистолет с агента.

– Линн, садись сзади. Захлопни дверь. Умник, поехали.

Пауэлл не стал медлить. Он запустил двигатель, и машина поехала по улице. В зеркальце заднего вида он увидел, что Сомерсет бежит за ними ровным, жестким шагом, рот его был раскрыт в крике. Затем они свернули за угол, и агент БМР исчез из виду.

– На чем ты смеешься? – яростно спросила Сью.

– Над тобой.

– Ты должен быть благодарен мне.

– За что? Из-за тебя меня обвиняют в убийстве, а у тебя в кармане наверняка лежит кольцо, при помощи которого отравился Хаверхилл, и также ты угрожала оружием агенту БМР, чтобы вытащить меня.

– Ты не должна была этого делать, Сью, – прохрипел заднего сиденья Пламб.

– Заткнись ты там! – огрызнулась Сью. – Ты же знаешь, почему я тебя вытащила, Умник, не так ли?

– Конечно. Ты хочешь въехать в рай на моем горбу.

– И въеду, – сказала Сью, многозначительно взмахнув пистолетом. – Поезжай на встречу со своим взломщиком.

Пауэлл бешено размышлял. Он уже потратил слишком много времени впустую. Конечно, он может отказаться повиноваться девушке, но что хорошего это даст?

Это означало бы еще большую задержку, в то время, как доктор Оуэн может сбежать, если еще не сделал этого.

– Ладно, – сказал он, сворачивая к Централ Парку.

Улицы в основном были пусты, хотя иногда машина пронеслась мимо тел людей или чудовищ. При виде одного желтоватого мясистого трупа Сью вздрогнула, и лицо ее позеленело. Пауэлл заметил, что Пламб на заднем сидении время от времени включал карманную кинокамеру.

Пауэлл было скривился, а затем, когда ему в голову пришла одна мысль, иронически рассмеялся про себя. Привычка заставляла его смотреть на все с точки зрения возможного Куша. Ну что хорошего мог дать Куш в этом чужом мире? Здесь просто нет рынка сбыта.

Так что следует приложить все силы на то, чтобы Нью-Йорк вернулся на свое прежнее место на Земле.

И ШАНС НА это был, маленький, один-единственный, но именно поэтому огромная организация «Кинохроника Саммит» продолжала функционировать, несмотря на давление окружающих обстоятельств. Ее босс был таким же, как и любой кинохроникер и, как Майк Пауэлл, Гвинн являлся человеком, который будет снимать, даже падая в кратер Везувия, а затем попытается выбросить камеру так, чтобы она уцелела, чтобы кто-нибудь мог ее подобрать.

Централ Парк выглядел совершенно незнакомым. Трава развивалась аномально быстро. Кое-где заросли были высотой с бамбук. Деревья выглядели странно искаженными, гигантскими чудовищами, мало напоминающими дуб, клен или вяз. Листья их шелестели, хотя стоял полный штиль. Поперек тротуаров протянулись лианы, толстые, с туловище человека, пестрые с красными пятнами, поросшие прекрасными ресничками.

Пауэлл припарковал машину возле аптеки и вышел. И тут же из аптеки появился Мартин.

Он заколебался, глядя на Сью и Пламба, идущих позади Пауэлла.

— Все в порядке, — сказал Пауэлл. — Ну, и что тут у нас?

— Ничего особенного. Доктор Оуэн не выходил. Он все еще в том доме.

— Прекрасно. Тогда пойдемте к нему, — сказал Пауэлл.

Дом представлял собой двухэтажный коттедж, стоящий между многоквартирными зданиями. Замок быстро сдался опытным пальцам Мартина.

Они вчетвером тихонько вошли внутрь.

Внутри все выглядело, как обычный дом, хорошо обставленный и не содержащий ничего, возбуждающего подозрений.

— Оуэна здесь нет, — разочарованно сказал Пауэлл.

Мартин осмотрел окна и стеклянные ставни, выполненные как жалюзи.

— Он не мог выбраться отсюда, кроме как через черную дверь. Сейчас я проверю. — Через мгновение бывший взломщик вернулся. — Нет. Я протянул поперек двери снаружи ниточку, и она не повреждена.

— Жалко, что у меня с собой нет рентгеновских очков, — вздохнул Пауэлл.

— Они нам не нужны.

Мартин начал ходить по дому, чувствительными кончиками пальцев ощупывая стены и пол. Пламб нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Сью села на кушетку из гибкого стекла и подмигнула Пауэллу.

— Выходит, Умник тоже бывает озадачен? — спросила она.

Но ответить ей не было времени. Тут же раздался голос Мартина, возбужденный и торжествующий.

— А вот и потайной ход!

Часть стены скользнула в сторону, открывая спускающуюся под землю лестницу. Когда панель открылась, лестница автоматически осветилась.

— У тебя есть пистолет, Мартин? — спросил Пауэлл. — Нет? Тогда как насчет того, Сью, чтобы ты передала ему свой?

Девушка решительно покачала головой.

— Спасибо, но я скорее повешусь. Пламб, ты останешься здесь. Держи ухо остро. Если услышишь, как мы зовем, беги к нам со всех ног.

Пламб кивнул, и трое остальных начали осторожно спускаться по лестнице в неизвестность.

ВНИЗУ ЗА ЛЕСТНИЦЕЙ оказался коридор, закончившийся металлической дверью. Она распахнулась от легкого толчка. Пауэлл замер на пороге.

— Что-то слишком легко, — вполголоса сказал он. — Мне это не нравится.

Сью прошла мимо него с пистолетом наизготовку. Внутри они увидели огромную лабораторию, освещенную сияющими лампами, установленными на потолке.

Помещение было огромным, но его едва хватало, чтобы вместить всю находящуюся здесь аппаратуру. Потолок и стены оплели трубы и провода с металлической оболочкой.

Рядом с дверью, на заваленном какими-то деталями столе, стоял видеофон. Рядом была еще одна дверь. У этой двери имелась прозрачная панель. Сквозь нее Пауэлл увидел другую комнату, почти целиком заполненную диваном.

Похоже, это было жилище робота.

Сама лаборатория выглядела потрясающе. Некоторое оборудование Пауэлл узнал, а о другом только читал в передовых научных журналах. В потолок почти что упирались башни атомного смесителя. Взглянув на него, Пауэлл чуть было не уловил какую-то мысль, но она слишком быстро исчезла. Атомный смеситель... Какие же ассоциации он мог вызвать?

Пауэлл не знал, но чувствовал, что это важно. Мысленно он сделал заметку на будущее.

Они не стали долго осматривать лабораторию. В дальней стене была еще одна дверь, закрытая и загадочная. Они спокойно направились к ней.

Эта дверь тоже открылась от легкого толчка. За ней была небольшая комната, голая, за исключением нескольких труб, тянущихся по стенам.

В противоположной стене комнаты была очередная дверь. Пауэлл направился к ней, остальные остановились.

И тут внезапно грянула катастрофа!

Раздалось громкое гудение, как от электротока большого напряжения. В стене открылась панель. А из нее выскочил тупой металлический стержень. Гудение поднялось до пронзительного визга.

Сью закричала. Пистолет вылетел у нее из рук и стукнулся об пол.

Тело Пауэлла судорожно дернулось и застыло.

Он словно заledenел и стоял, не в силах шевельнуть ни единой мышцей, кроме как уголками глаз. Стоящие рядом с ним Сью и Мартин тоже не могли двинуться.

В голове Пауэлла тут же забила крыльями паника. Он больше не чувствовал своего тела! Он ничего больше не чувствовал!

Открылась дверь в противоположной стене. И перед ними оказался тот, кого они искали.

Робот, безмолвно глядящий на своих пленников.

ГЛАВА XIV. Бегство порабитителя

В голове Пауэлла пульсировала тревога и страх. Почему он не понял очевидность этой ловушки? Он сам полез в нее. Сомерсет, участие в событиях, необходимость спешить – все это способствовало опрометчивости, а не предусмотрительности. Но Пауэлл знал, что враг его не дурак. Он должен был принять элементарные меры предосторожности.

Робот не шевелился. Это был тот самый робот, которого Пауэлл видел на экране видеофона. Вершина его шаровидной головы, сидевшей на цилиндрическом теле без шеи, была почти в двух метрах над полом. Руки выглядели слишком короткими по сравнению с длинными, тонкими стержнями трех ног. Металлический торс сверкал в холодном свете, точно линкор.

Фасеточные, лишенные всякого выражения глаза уставились на Пауэлла, и тут же раздался четкий, без всяких интонаций голос.

— Разговор в данный момент кажется мне ненужным. Я ничего не хочу сказать вам, а мой электрический луч так парализовал вас, что вы не можете ответить.

Полированная голова робота повернулась к тупому стержню, выступающему из стены.

Горло Пауэлла стиснула судорога, когда он попытался выдавить из себя хоть слово. Это было невозможно. Он мог лишь что-то невнятно пролепетать.

— Но мне нужна определенная информация, — продолжал робот. — Я должен знать, известно ли другим о моем существовании. Кстати, эти лучи не смертельны. Они передают электросигналы нервам вашего тела и блокируют синапсы так, что ваши мыслительные процессы, электрические по своей природе, не могут их преодолеть. Более высокое напряжение убьет вас, но я не хочу использовать его, если, конечно, вы не откажетесь предоставить мне нужную информацию.

Внезапно раздался звук чьих-то бегущих ног. Робот действовал быстро. Его рука исчезла из поля зрения за дверным проемом, в котором он стоял. И одновременно у ног Пауэлла упало чье-то тело. Краешком глаза Пауэлл увидел лицо Линна Пламба, белое и искаженное.

Пламб лежал в необычной позе, неспособный двигаться, захваченный, как и остальные, парализующими лучами.

— Разумеется, я ждал его появления, — сказал робот. — Сигнализация подсказала мне, что вы оставили наверху одного из своих.

Внезапно откуда-то донесся звонок. И робот вдруг проявил странную нерешительность. Он качнулся, заколебался, затем без единого слова быстро прошел через дверной проем. Панель т бесшумно закрылась за его блестящим телом.

За спиной Пауэлла послышался тихий стук. Он догадался, что это закрылась другая дверь, оставив их взаперти.

Но что теперь делать? В голове Пауэлла метались вопросы. *Где доктор Оуэн? Кто так срочно вызвал робота? А что, если этот звонок предупредил его еще об одном злоумышленнике?*

Краешком глаза Пауэлл уловил какое-то движение рядом. Нога Пламба слегка дернулась. Может, лучи уже отключены? Пауэлл напрягся, пытаясь сдвинуться, но это оказалось невозможно. Из его горла, когда он попытался крикнуть, вырвался только тихий хрип.

Снова дернулась нога Пламба и вытянулась к стене, зацепившись за тянущуюся вдоль нее металлическую трубу.

По-видимому, не все тело Пламба лежало в пределах парализующих лучей. Он мог слегка шевелить ногой, но было ли этого достаточно?

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ медленно согнулось колено Пламба, а поскольку нога его уже зацепилась за трубу, Пламб таким образом пытался вытащить себя из зоны действия лучей.

Сантиметр за сантиметром Пламб двигался все ближе к стене. Затем дернулась одна рука. И тут борьба закончилась.

Пламб ухватился за трубу и одним болезненным рывком выдернул себя в зону безопасности.

Несколько секунд он лежал, переводя дух. Потом встал и осторожно направился к стержню, торчащему из стены. Но трогать он стержень не стал. Тщательно осмотрев его, он обошел вокруг Пауэлла и стал шарить вокруг в поисках чего-нибудь металлического.

Когда он появился снова, его круглое, похожее на херувима лицо вызывало сильное беспокойство.

— Я не могу отключить эту чертову штуку, — сказал он. — А дверь заперта. Вы вообще можете говорить, Сю, или вы, Пауэлл?

Прилагая неимоверные усилия, Пауэлл снова захрипел. Его губы и язык были парализованы, можно было лишь при помощи выдохов образовывать отдельные буквы, главным образом гласные. Ему пришлось сделать это десяток раз, прежде чем Пламб понял.

— Вторая дверь? Ладно, я попробую.

Но проход, через который исчез робот, был также заперт.

— Она не поддается, — сказал, наконец, Пломб.

Пауэлл бешено размышлял. Комната была пуста, не считая труб и проектора лучей. Если бы был свободен бывший взломщик, он мог бы открыть дверь. Или, если бы у Пламба были инструменты Мартина... Но если Пламб попытается достать их из кармана Мартина, то снова попадет под влияние лучей.

— Барьер... Блок... Лучи... — с трудом просипел Пауэлл.

Наконец, Пламб угадал смысл его слов. Он обыскал свои карманы, но не нашел ничего, что могло бы служить изолятором электрическим лучам. Наконец, Пламб снял ботинок и осторожно поднес его к проектору. Ничего не произошло.

Застывшие глаза Пауэлла обшарили ту часть комнаты, которую он мог видеть, пытаясь найти хоть какие-то средства для спасения. Потом его взгляд упал на маленькую камеру Пламба, все еще висевшую у того на поясе.

— У-у-м-м... — просипел он.

— Что?

Пауэллу потребовалось почти десять минут, чтобы передать свою идею. С подозрением глянув на Сью, Линн отстегнул камеру и вытащил из нее катушку с тонкой, почти как проволока, пленкой. Развернув пленку, он обвязал один конец вокруг трубы, ведущей вниз к полу, сделал на другом конце петлю. Затем, бросая катушку на проектор, ему все же удалось накинуть на торчащий стержень петлю.

РЕЗУЛЬТАТ ОКАЗАЛСЯ мгновенным. Цепи, сковывающие Пауэлла, исчезли. К нему снова вернулись силы и возможность двигаться.

Он схватил Сью, сильно толкнул Мартина и бросился в безопасный угол комнаты. Почти тут же сверкнул и зашипел голубой разряд. Проволока-пленка расплавилась от высокого напряжения. Парализующие лучи снова включились. Но все четверо были уже в безопасности, прижавшись к стене.

— Короткое замыкание, — откашлявшись, сказал Пауэлл. — К счастью, вы догадались использовать пленку, Пламб.

— К счастью для кого? — тут же огрызнулась Сью. — Ты испортил целую катушку с записями!

— А что еще оставалось делать? — резонно спросил Пауэлл. — О, женщины, вам лишь бы кого-нибудь попинать. Мартин, ты можешь открыть эту дверь? — Он кивнул на ту панель, за которой исчез робот.

Бывший взломщик подошел к ней, держась подальше от излучателя, и взялся за работу. Пауэлл поднял с пола пистолет и крепко стиснул его, не обращая внимания на протянутую руку Сью.

Щелкнул замок. Панель скользнула в сторону. За ней тянулся тускло освещенный коридор.

Коридор был совершенно пустой, с металлическими стенами, ведущий под землей к какому-то неизвестному месту назначения. Все четверо поспешно направились по нему.

По пути они прошли мимо какой-то спутанной веревки, лежащей на земле, не обратив на нее внимания.

Затем они подошли к лестнице и стали подниматься вверх. Они вышли на площадку возле пустой, на первый взгляд, стены, которые уступила опытным пальцам Мартина. За открывшейся стеной оказалась жилая квартира, хорошо обставленная и пустая.

Из окна они увидели знакомую уже улицу. Они были в многоквартирном доме по соседству с кирпичным коттеджем.

Значит, вот оно как. В здании было не меньше четырех выходов. И не наблюдалось никаких следов доктора Оуэна или робота. Рас-

спрашивать швейцара было бесполезно. Человек, арендовавший здесь квартиру, явно был невиновен. Так что информацию от него не получить.

Пока они ехали обратно в такси в центр города, — они решили отказать использовать официальный автомобиль Сомерсета, — Сью и Пламб оставались мрачно безмолвными. Они переживали утрату своих записей, и Пауэлл тоже был разочарован этим, хотя и не показывал виду.

Оставив остальных в вестибюле «Саммита», он прошел в свой кабинет, откуда позвонил в офис БМР и рассказал начальнику Штапполу, что случилось. На этот раз Штаппол был готов выслушать его. Он тут же согласился отправить отряд в лабораторию робота и оптимистично взмахнул рукой по поводу убийства, в котором прежде обвинялся Пауэлл.

— Если вы говорите правду, то все будет в порядке, — сказал Штаппол. Я попрошу Сомерсета все перепроверить.

— И не забудьте провести перекрестный допрос Сью Кларк, — с кривой усмешкой добавил Пауэлл. — Она твердый орешек, но если вы как следует надавите на нее, она сломается. Думаю, сейчас она ждет в вестибюле.

ШТАППОЛ КИВНУЛ и прервал связь. Освободившись, Пауэлл отправился на поиски Эберли, который все еще корпел над бумагой, покрытой замысловатыми расчетами. При появлении Пауэлла ученый вскинул свою львиную голову.

— Вернулись? — проворчал он. — Хорошо. Что случилось?

Пауэлл все подробно объяснил, но мало чего получил от Эберли.

— Вы имеете дело с научным преступным гением, — заявил он. — Я не думаю, что робот, технически говоря, живой. У него может быть человеческий мозг, пересаженный в искусственный череп, но это звучит довольно фантастично. Более вероятен удаленный контроль. — Сказав это, Эберли обратился к более важным для него вещам. — Я снова встречался с миссис Кардотти и использовал гипноз. Я много чего узнал. Разумеется, мы в другом мире, и я считаю, что здесь обитают две расы разумных существ. Во-первых, Колоссы — наши похитители, те, кто перенес Нью-Йорк с Земли сюда, а я убежден, что именно здесь их лаборатория. Во-вторых, враги Колоссов, которые меньше их по размерам. Но я не знаю, насколько меньше. Они пытаются проникнуть в крепость гигантов и уничтожить их.

— И как это нам поможет? — спросил Пауэлл.

— Если мы сумеем связаться с врагами Колоссов, то можем получить от них помощь или, по крайней мере, ценную информацию. Радио тут бесполезно. Телепатия неэффективна — я попытался использовать ее с миссис Кардотти в качестве инструмента. Но она приемник, а не передатчик. Чтобы вступить в контакт с осаждающими Колоссов, мы должны встретиться с ними лицом к лицу.

Пауэлл недоверчиво усмехнулся.

— Но это возможно! — закричал Эберли. — Здесь есть переоборудованный ракетоноситель, на котором можно смонтировать мой космический двигатель. Это несложно. Через несколько дней он будет готов. Я сам полечу на этом корабле и найду вторую расу. Вот смотрите, — он пошарился в своих бумагах и достал какой-то листок. — Я изучил фотографии в огромной лаборатории, сделанные телескопом Башни, и рассчитал траекторию, которая приведет меня к окну или к вентилятору. Я точно не знаю, что это такое, но, похоже, это отверстие во внешний мир. Обычная ракета не сумеет пройти через него, она не способна реагировать так быстро на управление. Но корабль с моим космическим двигателем сделает это!

Пауэлл специально не дал себе время подумать, не посмел этого сделать, иначе мог бы заколебаться и отступить.

— Я возьму с собой побольше пленки для съемок. Послушайте, из этого можно сделать такой Куш!..

Вот я все и решил, подумал при этом он. О, Господи! Почему это всегда случается не с кем-нибудь другим, а именно со мной?

И Пауэлл пошел поискать что-нибудь выпить.

ГЛАВА XV. В неизвестность

ПОДГОТОВКА К ПОЛЕТУ была почти закончена. Цилиндрический корабль лежал в своей колыбели возле здания космопорта, еще никому не известный и не прославившийся.

По вполне понятным причинам, о плане Эберли никто не распространялся, и гражданское население, — а также военные, если уж на то пошло, — продолжало жить в вечной тревоге. Несмотря на обнадеживающие сообщения, которые часто транслировались по телевидению, постоянное напряжение жизни в новом мире было просто невероятным. Это было ясно для всех.

С момента последней вспышки появилось всего лишь несколько чудовищ. По-видимому, Колоссы пока что перестали использовать свои странные лучи. Но невозможно было сказать, сколько еще продлится эта передышка.

В своих колыбелях бесполезно лежало довольно большое количество кораблей, словно фантастические растения на высокой, широкой крыше.

Однако «Манхэттен», которым командовал Эберли, был уже запущен и готов к взлету. С него сняли реактивные двигатели и установили новый космический движок. Секретности ради, Эберли делал это только собственными руками. А прежде он передал военным властям формулу, которую усовершенствовал. В довольно-таки объемистых грузовых отсеках корабля уже хранилось продовольствие, научная аппаратура и кинокамеры с массой пленки, как гарантия будущего бесценного заработка Пауэлла.

Однако на самом деле, корабль был вовсе небольшой. Он был построен ради скорости, красивый, обтекаемый снаряд, красный, как огонь, с плавными обводами и высокой маневренностью. С новым космическим двигателем управлять им стало еще проще. Пауэлл смутно знал, что этот двигатель основан на какой-то атомной реакции с квантовой энергией в качестве движущей силы, но только и всего.

Пауэлл стоял, опираясь на парапет крыши, и задумчиво глядел на Нью-Йорк. Порт был почти безлюден. Было восемь тридцать вечера, но серебристо-серый свет по-прежнему лился с бескрайних небес.

За спиной Пауэлла то и дело проходили люди. Но он был поражен странной тишиной. Никогда, в любое время суток, Нью-Йорк не был таким притихшим и замершим.

Но теперь Нью-Йорк молчал. Задумчивая, зловещая, странная тишина опустилась на город. И он замер в бесконечной, загадочной пустоте, знакомый кусочек Земли, вырванный с родной планеты и перенесенный в другую Вселенную. За башнями небоскребов не проступался океан, пригороды и холмы Нью-Джерси тоже исчезли.

Неизменная серость одеялом накрыла затерянный город.

По улице медленно проезжали редкие машины. Также одинокие пешеходы. В окне дома в другой стороне улицы Пауэлл увидел, как стенографистка что-то деловито печатает, а за ней пузатый человек роется на полках шкафа с папками. Все притворялись, что «занимаются делами, как обычно»! Подобную картину можно было увидеть во многих окнах. Но только железная хватка военного положения спасала до сих пор город от жуткой паники и волны самоубийств. Но долго ли еще военные смогут держать эту хватку?

Недолго, если Колоссы снова включают свои лучи. Недолго, если опять появятся чудовища.

КАЖЕТСЯ, ЧТО прошло уже очень много времени, подумал Пауэлл, охватывая взглядом сад на крыше, теперь опустевший, хотя совсем недавно там играл оркестр. Неожиданно остановившаяся жизнь показалась вдруг Пауэллу очень близкой и желанной. И бесчисленные мелкие детали стали неимоверно важными для него.

Помнишь, как лимузин с гордостью скользил по Пятой Авеню? - спросил себя Пауэлл. Помнишь, как голые детишки играли в воде под гидрантами? А Гарлем? А магазинчики метро? По спокойной воде Гудзона скользили, точно сны, огромные корабли. Старая арка Вашингтонского моста, восторженные парфюмерные вывески... выпивка и ужины в рестораничках...

— Вот же черт! — тихонько проворчал Пауэлл. — Это меня уже достало!

Он быстро поднялся по трапу, распахнул люк и вошел внутри корабля. Там он прошел мимо рубки управления на корму, в каюту, неосознанно слыша тихонький, мягкий гул.

Серый свет просачивался через иллюминаторы. Каюта было забита тюками и чехлами, надежно закрепленными и привязанными. Пауэлл протянул руку, что-то нащупал и тут же отскочил назад. Затем включил свет.

Из темноты возник человек. Пауэлл сразу узнал его. Это был доктор Макс Оуэн. Толстый, как Будда, сверкая черными глазами и кривя красные, выпяченные губы, он ринулся на Пауэлла.

Он не достал никакого оружия, просто своей огромной тушей рухнул на кинооператора. Пауэлл ударился о дверной косяк, боли пронзила ему спину. Ругаясь, он дернулся в сторону.

Грубое лицо Оуэна было невыразительным и блестело, точно маска. Он тут же развернулся, удивительно проворный, невзирая на свою массу, и выбросил огромный кулак в сокрушительном ударе. Пауэллу удалось поднырнуть под него.

Что делает здесь Оуэн? — мелькнуло у него в голове. Что он знает о космическом двигателе Эберли и его планах?

Но размышлять не было времени. В этой тесной, забитой вещами каюте было очень мало места для драки. В тесноте преимущество всегда будет на стороне более тяжелого соперника. Пауэлл был безоружным. Тогда он решил, что нападение — лучшая форма защиты, и нанес удар в брюхо Оуэна, а за ним правой ему в подбородок.

Оуэн невнятно хрюкнул и отступил через порог каюты. Пауэлл бросился на него, но тот резко захлопнул дверь.

Плечо Пауэлла ударилось о металл. Он бешено стал нажимать ручку двери.

— Оуэн? — закричал он.

Ответа не последовало.

Слышал ли кто-нибудь еще шум драки? Это казалось сомнительным. Но, подстегнутый этой мыслью, Пауэлл бросился к ближайшему иллюминатору, отщелкнул крепления, распахнул его и закричал, зовя на помощь.

Но он опоздал. Корабль внезапно затрясся. Пауэлла отбросило назад, сбilo с ног, но тут же поднялся. Теперь он понял, что делал на корабле Оуэн.

Он бежал из Нью-Йорка!

С ТРУДОМ добравшись до иллюминатора, Пауэлл увидел, как город уменьшается и исчезает далеко внизу. Космический двигатель Эберли, развивающий огромное ускорение, выстрелил корабль вверх, точно метеор. Нью-Йорк сжался в точку и исчез.

И тогда Пауэлл увидел лишь туман, серую пустоту. Ругаясь, он снова повернулся к двери. Повторные крики и удары в дверь не дали никакого результата. Наконец, Пауэлл беспомощно опустился на пол.

Оуэн не был профессиональным пилотом. Как он может маневрировать кораблем в неизвестном мире? И каковы его мотивы кражи корабля? Насколько хорошо он знает теорию Эберли? И что хочет получить? У Пауэлла был ответ лишь на один из этих вопросов.

В рубке управления лежали расчеты, сделанные Эберли, и карта, показывающая курс, которым должен следовать корабль, чтобы вырваться из лаборатории Колоссов.

Пауэлл увидел эти расчеты и карту, сделанную с фотографий телескопа. Он знал, что в одной стене огромной лаборатории есть отверстие, и через это отверстие снаружи проникает какой-то мерцающий свет.

Спектроскопический анализ показал, что это и есть лучи смерти, изучение, способное разрушить ткань клеток. Именно из-за них весь корпус «Манхэттена» был покрыт прочной броней, а иллюминаторы снабжены специальными щитками.

Если Оуэн увидит эти расчеты и карту, то сможет провести корабль сквозь лучевой барьер. После краткой инструкции, космическим двигателем Эберли может управлять даже ребенок.

Но что лежит дальше, за пределами лаборатории? Этого никто еще не знал. Возможно, там враги Колоссов. Разумеется, этот чужой мир — мир гигантов, в котором люди будут не больше муравьев.

Пауэлл долго думал об этом. Какой бы мотив ни был у Оуэна, он, несомненно, стремится достичь своей цели.

Пауэлл подошел к иллюминатору и безнадежно уставился в него. Серая пустота по-прежнему была неподвижной и неизменной. Возможно, это было связано с какими-то странностями атмосферы, хотя воздухом вполне можно было дышать, по крайней мере, в Нью-Йорке. Разумеется, на корабле специальная аппаратура следила за тем, чтобы воздух был насыщен кислородом и очищен от углекислого газа.

Интересно, подумал Пауэлл, заметят ли Колоссы летящий корабль? Для них он был бы меньше ногтя, если у них вообще были пальцы и ногти. Разумеется, они могли разбить корабль одним ударом кулака. И никакая скорость не помогла бы кораблю от такого нападения.

И все же скорость корабля была огромной, такой еще никогда не видел Пауэлл во время своих предыдущих полетов. В барабанных перепонках у него появилось странное давление, а все тело то и дело покалывало каким-то жаром. Не было никаких ориентиров, которые помогли бы судить о скорости, но Пауэлл не удивился, когда далеко впереди, в тумане, появился слабый свет.

Корабль летел прямо на это тусклое свечение. Затем из глубины его вырисовывался перпендикулярный барьер, простирающийся безгранично во все стороны. В этом барьере было отверстие, закрытое завесой зеленоватого свечения, рябящего, точно вода водопада.

И прямо в это изумрудное свечение летел корабль.

Автоматы закрыли иллюминаторы щитками, и корабль стал совершенно слепым. Внезапно его пронзила сильная вибрация, и он стал падать, точно раненая птица. Но тут же выпрямился и полетел дальше.

«Манхэттен» летел из большой лаборатории прямо в неизвестность!

ГЛАВА XVI. Беседа с врагом

ЩИТКИ НА иллюминаторах оставались закрытыми. Пауэлл не спускал с них глаз, отчаянно желая увидеть, что делается за пределами корабля. В рубке управления Оуэн мог управлять кораблем, глядя на экраны, но запертый в каюте Пауэлл понятия не имел, что представляет из себя новый, внешний мир.

Затем Пауэлла испугала мысль о том, что корабль в этой неизвестности движется вслепую. И чтобы хоть что-то делать, он принялся искать оружие. Он нашел маленький лучемет Джахверга, один из лучших современных пистолетов, и несколько запасных

обойм, которые разложил по карманам. После этого ему больше ничего не оставалось делать, кроме как ждать.

Прошло много времени до того, как «Манхэттен» куда-то приземлился. Ничего не происходило. Иллюминаторы оставались закрытыми. Неужели Оуэн намеревается оставить своего пленника здесь навсегда? Пауэллу не грозил ни голод, ни отсутствие воздуха, если его специально не отключат. Но тревожила его неизвестность. Пауэлл который уже не раз осмотрел дверь. Можно ли сбежать отсюда? Вряд ли. Дверь была сделана из твердой бериллиевой стали.

Но такой радикальный выход оказался ненужным. Внезапно дверь открылась.

— Ну, что ж, выходите, — почти что дружелюбно сказал Оуэн. — Чего вы ждете?

Пистолет Пауэлла был наготове. Пауэлл увидел, что толстяк на пороге стоит без оружия, держа руки по швам. Грубое лицо Оуэна, блестящее от пота, по-прежнему ничего не выражало.

Какой-то внутренний голос охладил пыл Пауэлла. Почему ученый так уверенно себя держит? Какой туз спрятан у него в рукаве?

— Проходите в рубку и садитесь, — сказал Оуэн. — Наверное, я должен все объяснить.

Пауэлл осторожно вышел из каюты и прошел в рубку, но садиться не стал, а прислонился к стене, держа оружие наготове. Затем он осмотрел рубку. Все ружья стояли в стойках вдоль стены. По-видимому, Оуэн даже и не подумал вооружиться.

— Объяснения могут подождать, — сказал Пауэлл. — Мы возвращаемся в Нью-Йорк. Немедленно!

— Ладно, — проворчал Оуэн, — можно и так. — Он кивнул на карту на вращающемся цилиндре. — Сейчас как раз намечается наш курс. По этой карте мы можем отыскать путь назад. Но пока что корабль не сдвинется с места. Я позаботился об этом.

— Вы поломали его? — обвиняюще воскликнул Пауэлл.

— Разумеется, нет, — огрызнулся Оуэн. — Я просто вынул из двигателя некоторые части и спрятал как можно изобретательнее. Корабль не полетит без этих деталей. Если вы не сделаете то, что я говорю, то никогда не вернетесь в Нью-Йорк. — Он проследил за взглядом Пауэлла. — А, да, беспроводная связь. О ней я тоже позаботился. Так, мне кажется, будет более безопасно.

Пауэлл молча стоял, лихорадочно размышляя. Эберли, несомненно, может оснастить космическим двигателем еще один корабль. Он придет на помощь. Но вот спорный вопрос, сумеет ли он найти «Манхэттен». Все будет зависеть от того, станут ли работать

приборы в этой странной среде. Но, тем не менее, ему все равно понадобится на поиски время.

— Давайте, рассказывайте, — мрачно сказал Пауэлл. — Я слушаю.

— Очень хорошо, — тихий голос Оуэна стал бархатистым. — Вы уже знаете, что я нахожусь в подчинении Первого — робота. Точнее был какое-то время. Теперь я один. — Черные зрачки Оуэна уставились Пауэллу прямо в глаза. — Вы многое узнали. Но я узнал еще больше. Гораздо больше! Я ученый, Пауэлл, а не доверчивый дурачок. Я работал на Первого, потому что это означало богатство и власть, и еще потому, что Первый был гораздо более гениальным ученым, чем я сам. Он был величайшим в мире ученым, как я поначалу думал. Нет, я повиновался ему. Я организовал похищение Эберли, чтобы обеспечить его корабль новым космическим двигателем. Я делал и многое другое. Но со временем у меня начала складываться одна интересная теория. Это было естественно. И я пришел к определенным неизбежным выводам.

— К каким же? — поторопил его Пауэлл.

— Разум Первого — не разум робота. Первый — это человек, который дистанционно управляет роботом. Я не могу сказать, кто этот человек. Но я психолог. Я изучил историю многих преступников. Модель поведения Первого, как я ее набросал, совпадает с одним человеком. А именно — с Космическим Ястребом.

— Космический ястреб мертв, — прервал его Пауэлл.

— Тело его так и не найдено. Кроме того, у этого человека была огромная воля к жизни. Разумеется, точно я ничего не знаю. — Оуэн неопределенно взмахнул пухлыми ручками. — Как я уже сказал, личность Первого мне неизвестна. Но я обнаружил, что у него есть некие ограничения, а для меня это был почти что смертельный исход. Когда Нью-Йорк был перенесен в этот континуум, я начал задумываться. Первый заявил, что именно он ответственен за этот эксперимент. Но я не мог ему поверить. Понимаете, я многое что исследовал и пришел к определенным выводам. Первый появился в результате мутации, некой формы энергии, которая развивала потенциальные возможности его мозга.

— Такая же идея была у Эберли, — сказал Пауэлл.

— Эберли очень проницательный. Несомненно, мы пришли к одним и тем же выводам. Я понял, что Первый был просто результатом эксперимента, и что он человек. А также, он не уникален. Потенциально эти лучи могут повлиять и на других. Тогда я возмутился роли, которую сыграл в этом деле. Я почувствовал себя обманутым. Вот почему я использовал трассеры, чтобы найти лабораторию Первого. Она оказалась пустой, но вскоре появился ро-

бот в качестве доказательства. — Красные губы Оуэна скривились. — Я слишком многое узнал, поэтому стал угрозой планам Первого. Из-за этого я оказался в заключении, но со временем сбежал.

Пауэлл кивнул, вспоминая грудку узловатых веревок, которую увидел в коридоре за пределами лаборатории робота.

— После побега я находился в постоянной опасности. Я понятия не имел, кто такой Первый и где он находится. А невозможно вечно прятаться от человека, которого вы не знаете. Кроме того, меня разыскивало БМР. В этом виноваты вы, Пауэлл. Подумайте о моем затруднительном положении. Где я мог спрятаться в городе после объявления военного положения, в городе, из которого никто не может убежать?

— Но пока что у вас все в порядке, — заметил Пауэлл.

— Спасите меня. Я не собираюсь оставаться здесь. Нью-Йорк должен быть возвращен на Землю. Первый должен быть уничтожен. В этом у меня нет никаких идеалистических мотивов. Я лишь пытаюсь защитить себя. Поэтому я ухватился за идею Эберли пробиться в этот новый мир, чтобы найти оружие, которое я мог бы использовать для уничтожения робота. Отказ от последствий этого чудовищного эксперимента также принес бы мне пользу. Я хочу найти определенное устройство — устройство, которое генерирует лучи этой расы гигантов. Я считаю, что это ключ к нашей проблеме.

ОУЭН ОТКИНУЛСЯ на спинку кресла, сплетя толстые пальцы на своем выпуклом животе.

— Я мог бы убить вас, но мы находимся, без сомнения, в очень опасном мире. Вы молоды, сильны и способны на многое. Вы можете мне помочь. Если вы этого не сделаете, то сами будете виноваты во всех последствиях. Да-да, виноваты! — Ученый энергично закивал. — Вы можете захватить «Манхэттен», но не сможете стронуть его с места. Мы работаем для одной и той же цели, и личные чувства не должны вмешиваться в наши действия.

Ну, что ж, подумал Пауэлл, слова Оуэна звучат в высшей степени логично. Не считая личных мотивов, не было причин отказаться от заключения соглашения. Но что еще оставалось? Пауэлл не мог торчать вечно на неподвижном корабле, ожидая, пока Оуэн будет обыскивать новый мир. И что более важно, Пауэлл сгорал от нетерпения, желая увидеть и снять таинственный мир, находящийся за пределами металлических стен «Манхэттена».

— Ладно, — сказал он. — Но я полагаю, вы без малейших колебаний убьете меня при первой же возможности, даже не задумываясь.

Оуэн удивленно приподнял брови.

— Но зачем же? Пока мы работаем ради выполнения одной и той же цели, мы можем помогать друг другу. Вот если наши цели начнут конфликтовать, когда я должен подчиниться логике. — Его громоздкая фигура заколыхалась. — А пока что разблокируйте иллюминаторы. Я мало что мог увидеть на экранах.

Пауэлл повиновался, чувствуя непреодолимое искушение. За кораблем лежал мир, которого никогда еще не видели человеческие глаза. Какой же он?

Щитки со щелчками откинулись, открывая иллюминаторы. И Пауэлл почувствовал разочарование. Он нахмурился, уставившись в крутящуюся серость. Оуэн подошел к другому иллюминатору и прищурился, прикусив губу.

— Взгляните, — тихонько сказал он. — Туман рассеивается.

Туман, или пар, закружил ветерок. И внезапно пылающий, яркий свет чуть-чуть голубоватого оттенка ослепил людей. Пауэлл отпрянул, зажмуриваясь. Потом схватился за рычаг, закрывающий иллюминаторы.

— Очки, — сказал Оуэн. — В этом свете значительная доля ультрафиолета. Вы заметили солнце?

— Заметил? Сложно было его не заметить, черт подери!

— Оно очень большое и яркое. По космическим меркам, это довольно-таки молодой мир. Его солнце еще не выгорело и не превратилось желтую звезду, как наше. Это может объяснять странное излучение, вызывающее мутации. В этой системе пожар Творения еще не затих.

Пауэлл нашел защитные очки, одни протянул Оуэну, другие надел сам.

— Нам также нужны защитные костюмы, иначе мы будем сожжены заживо. У вас они есть? — сказал толстяк.

Пауэлл кивнул и начал искать костюмы.

— Могут ли эти лучи исходить от самого солнца? — размышлял вслух Оуэн. — Возможно, гиганты сосредоточили его излучение в своей лаборатории. А это значит, что никакого специального устройства не существует. Интересно...

Он со значительными трудностями втиснул свою громоздкую фигуру в легкий, гибкий защитный костюм и накинул на голову прозрачный капюшон.

— Теперь откройте опять иллюминаторы.

Снова щелкнули щитки. Люди выглянули в мир, где солнечный свет уже не ослеплял, хотя все равно был ярким.

ОНИ УВИДЕЛИ полого поднимающуюся равнину, у подножия которой лежал корабль. Склон повышался примерно на четверть километра, затем резко превращался в отвесную скалу, возвышающуюся на сотню метров над ними. Оправа барьера ярко сверкала. Силуэт барьера, казалось, странно шевелился, мерцая и переливаясь, точно северное сияние.

— Интересно, — пробормотал Пауэлл.

— Смотрите внимательнее! — скомандовал Оуэн.

Поднимающийся склон не был голым. На нем росли какие-то причудливые растения, сотни растений самых необычных форм. И над каждым висел клочок тумана.

Растения были, возможно, высотой метров двадцать — двадцать пять, похожие на коралловые наросты, с одним вертикальным стеблем толщиной с человеческое тело, из которого торчал десяток прямых, жестких ветвей.

Внезапно ветер принес какие-то сверкающие звездочки. Они упали на голый, серый грунт и принялись расти.

Божественно блестя, яркие кристаллы росли, ветвились и тянулись вверх, сверкая всеми цветами радуги. Многогранники, треугольники, квадраты, всевозможные геометрические фигуры поднялись с земли и через мгновение образовали неровный купол высотой метров пятнадцать.

Затем от ближайших растений поплыли клочки тумана, потянулись к кристаллам, точно лаская их.

После чего они начали словно испаряться. Ветер унес тающие клочки тумана.

А от кристаллов не осталось и следа.

— Это жизнь, Пауэлл! — очень тихо сказал Оуэн. — Силикатная жизнь! И даже здесь существует природный баланс и система контроля.

Пауэлл заморгал.

— Эти кристаллы живые?

— Да. Это жизнь на основе кремния, точно так же, как наша основана на углероде. Нам уже удалось продублировать нечто подобное в наших земных лабораториях. Но здесь это не лабораторный эксперимент. Здесь углеродная и силикатная жизнь борются за существование. — Оуэн указал на ближайшее растение. — Его корни должны уходить очень глубоко, поскольку интенсивный солнечный свет выпаривает всю воду возле поверхности. А корни должны доставать до воды. Должны в любом случае. Потому что растения выделяют пар, чтобы защищаться от солнечных лучей. Белый цвет тоже помогает этому, потому что отражает свет. По-видимому, рас-

тения и кристаллы существуют в совершенно разных условиях. Кристаллы растут быстрее, но растения могут их уничтожать. Влажность смертельна для этой силикатной жизни. Зато на гребне, кажется, нет никаких растений. Там кристаллы растут бесконтрольно, размножаются и рассылают свои споры, дрейфующие в долину, где их уничтожают. Пауэлл, — ученый пристально взглянул на своего спутника, — если в этом мире живут разумные существа, они должны быть не похожими ни на что, что когда-либо создало человеческое воображение!

— И что с того? — воинственно сказал Пауэлл. — Мы вооружены!

Оуэн сардонически улыбнулся и, не сказав больше ни слова, начал рычать.

— Я уже проверил воздух, — сказал он. — Им можно дышать.

Внешний люк откинулся назад, открывая дорогу в Неизвестность.

ГЛАВА XVII. В туннеле

ОБЛАЧЕННЫЕ В легкие защитные костюмы, с полными рюкзаками за спинами, они ступили на твердую почву.

Диафрагмы в прозрачных капюшонах донесли до них тонкий, далекий треск. Уловив направление, откуда он исходит, Пауэлл указал на гребень. Оуэн кивнул.

— Да. Кристаллы растут довольно шумно. Но растения... Он подошел к ближайшему растению, раз в десять выше его собственного роста, и ударил кулаком по стволу. — Это растение довольно сложное. Растет медленно. Разумеется, у него нет плоских листьев. Интересно, как оно дышит?

— Только не спрашивайте меня, — пробормотал Пауэлл, глядя под заслоняющей глаза от солнца ладони. — Мы находимся в долине, в некоем бассейне. И здесь нет ничего, кроме растений и кристаллов. Но почему?

— Да какая разница, — пожал плечами Оуэн. — Я думаю, нужно идти туда.

Он выбрал наугад направление и двинулся вперед.

Солнечные лучи весьма неприятно жгли даже сквозь защитные костюмы. Они вошли в белую дымку растений, и сразу же стало еще жарче. Оазис окружал густой водяной пар.

Стараясь держаться в тени огромного растения, они приближались к гребню подъема. Здесь сплошным ковром была земля, не считая все более крупных скоплений сцинтилляционной силикатной жизни. Оуэн заколебался.

— Интересно, опасны ли они? — пробормотал он и поставил ногу на кучу кристаллов.

Затем хладнокровно стала ждать, а Пауэлл выхватил пистолет.

Потом Оуэн начал с силой топать ногой по кристаллам. Кристаллы разлетались вдребезги, безудержно росли и чернели вокруг него, но даже не пытались притронуться к костюму. Оуэн удовлетворенно кивнул.

— Им просто нужны какие-то элементы в почве. Прекрасно. Мы в безопасности.

Он двинулся дальше. Пауэлл глубоко вздохнул, покрепче стиснул оружие и, включив кинокамеру, начал по пути снимать окрестности. Вскоре они достигли вершины подъема.

Там силикатная жизнь, не подвергающаяся воздействию влаги и поощряемая прямыми солнечными лучами, выросла до гигантских размеров. Над людьми, точно ледники, возвышались сложные структуры. Правда, они были рыхлыми и легко рассыпались. Когда один такой монолит свалился прямо на Пауэлла, он вскрикнул и попытался отпрыгнуть сторону, уверенный, что сейчас его раздавят. Но кристаллы, едва коснувшись костюма, тут же превратились в кристаллическую пыль, которая унеслась по ветру.

Они обогнули особенно большой ослепительный монолит и увидели расстилающийся впереди новый мир. Дальше лежали другие хребты, долины между мерцающими хребтами, и такой ландшафт простирался, насколько хватало глаз, совершенно монотонный — только за одним исключением.

В нескольких километрах отсюда было плато, высоченная квадратная гора. Это был куб, такой невероятно высокий, что Пауэллу пришлось откинуть голову, чтобы увидеть его верх. Белоснежный чистый, выглядевший гигантским даже на таком расстоянии, он покоился за гребнями, гигантский, чудовищный!

И Пауэлл понял, что это не гора. Это была лаборатория Колоссов!

НАБЛЮДАЯ ТЕНИ в небе над Нью-Йорком и, несмотря на фотографии, снятые телескопом, до сих пор Пауэлл не осознавал настоящую грандиозность гигантов. Но это строение, горой вздымающееся в бледно-голубое небо, демонстрировало, как ничто другое, немислимые размеры существ, угрожавших Нью-Йорку.

Непостижимо? Да, но лишь для того, кто никогда не рассматривал муравья в микроскоп. Каким муравей казался человеку, таким и человек казался этим Колоссам.

На Земле существовало ограничение размеров в каких-то пределах, хотя и весьма широких.

Но перед лицом этой безмолвной космической крепости рушилась и логика, и здравый смысл.

Всеподавляющее чувство ничтожности и собственной слабости охватило Пауэлла. Он даже мысленно зарычал, поднял камеру и начал снимать это строение. Это была его единственная защита от превосходства Колоссов. Сам того не понимая, он классифицировал белую крепость, невзирая на ее непреодолимые размеры, как «объект для съемок». А в «объекте для съемок» не было ничего нового для Майка Пауэлла, самого великого кинохроникера.

— Если бы у нас был бинокль, — сказал Оуэн, — мы могли бы увидеть отверстие, через которое вылетели оттуда. Стоит ли возвращаться на корабль и лететь обратно?

Пауэлл в это время работал с телескопической линзы.

— Можно попробовать, — предположил он.

— Ладно! Да... Мы можем отыскать путь обратно. Но прямо сейчас...

— Что именно вы хотите прямо сейчас?

Лицо Оуэна за прозрачным щитком сияло от пота. Он облизнул губы и громко вздохнул.

— Я не приспособлен для длительных переходов. Но идемте. Идемте дальше. Вон наш пункт назначения.

Они стали спускаться в долину. Там было тоже самое, что и в предыдущей. Только покрытые туманом растения и кристаллы. И следующая долина была такой же. Потом долины, одна за другой, слились в один смутный образ. Они частенько останавливались, чтобы перевести дух и глотнуть воды.

Потом продолжали утомленно идти. Постепенно надежда слабела. Неужели Эберли ошибся, заявив, что в этом мире живут раса телепатов? *Если так*, подумал Пауэлл, *то они должны быть невидимы.*

Эта мысль заставила его заткнуться. Он вспомнил кое-какие соображения, которые обдумывал, еще находясь в той гигантской лаборатории. Миссис Кардотти бормотала о каких-то копателях туннелей.

Разумеется, инопланетяне были невидимы. Они ведь скрывались под землей!

Он сказал об этом Оуэну, который с готовностью кивнул.

— Да, все сходится. Лучи здешнего солнца, вероятно, были бы опасны для разумных существ. Но толстый слой земли может защитить даже от космических лучей. Под поверхностью, вот где мы должны искать их.

— Но как? — с тяжелой иронией проговорил Пауэлл.

— Конечно же, используя глаза. Должны быть вентиляционные отверстия, если эти существа вообще чем-нибудь дышат. Возможно, тут есть замаскированные выходы, раз уж они воюют с гигантами. Кристаллы слишком не постоянны. Но белые растения...

ПРОШЛО МНОГО времени, прежде чем они нашли то, что искали. Отсутствие тумана над одним из растений выдавало такой вход. Ветки его были усеяны бесчисленными отверстиями. Это растение было всего лишь пустой оболочкой, засасывающей воздух.

— Послушайте, — сказал Оуэн. — Вы что-нибудь слышите?

Пауэлл прижал ухо к растению. И сквозь диафрагму услышал слабый, приглушенный стук.

— Насосы?

— Может быть. Но как мы сумеем войти?

Оуэн замолчал и уставился на него. Пауэлл хмыкнул и сделал глоток воды. Оуэн тут же последовал его примеру.

— Следы? — предположил Пауэлл, вытирая губы и поспешно накидывая капюшон.

— На этой пропеченной земле? Вряд ли, — озадаченно ответил Оуэн. — Нужно просто искать.

Гигантское солнце прошло заметный путь по бледному небу прежде, чем был обнаружен вход. Взглянув на очередное кристаллическое растение, Пауэлл заметил какой-то неправильный сгусток темноты, который, казалось, не являлся камнем. Он разбил силиката на куски и обнаружил металлический рычаг, выступающий из щели в запекшемся грунте.

Тогда он поспешно позвал Оуэна. Ученый тут же приковывал к нему.

— Вы что-то нашли?

— Так как, мы идем туда? — спросил Пауэлл.

— Ну, не можем же мы вечно торчать здесь. Естественно!

Пауэлл нажал рычаг. Внезапно земля у его ног распахнулась, открывая трехметровое отверстие, из которого, извиваясь, появилось нечто, напоминающее помесь торпеды с осьминогом. Тело его походило на удлинённый бочонок, заостренный с обоих концов, вокруг которых росли толстые щупальца, эластичные и покрытые присосками.

Сердце Пауэлла, казалось, выскочило из груди. Его рука потянулась к пистолету. Оуэн был тоже потрясен, но первым пришел в себя.

— Стойте! — резко сказал он. — Не стреляйте!

Палец Пауэлла уже лежал на спусковом крючке. Он заколебался.

Существо целиком вылезло на поверхность. Толщиной оно было в три метра, и в три раза больше в длину. Щупальца его непрерывно шевелились.

— Это то, что мы искали? — зачем-то спросил Пауэлл.

Оуэн осторожно заглянул в глубь дыры.

— Это туннель, — сказал он. — Видите?

На крутом склоне в земле был проход, вырезанный в сплошной скале и освещенный растянутыми по полу светящимися нитями.

— Вы хотите спуститься туда? — спросил Пауэлл, глядя на по-прежнему неподвижно лежащего монстра.

— Но это ведь то, что мы искали, не так ли?

Сказав это, Оуэн спокойно подошел к двери и начал спускаться. Делать было нечего. Пауэлл последовал за ним.

Пройдя тридцать шагов по туннелю, они остановились, когда позади раздался стук.

— Слышите? — сказал Пауэлл. — Мы заперты.

Чудовищный торпедоосминог был позади них и полз по туннелю, блокируя его своей массы. Его щупальца быстро двигались. Присоски выделяли какую-то влагу. Неторопливо, механическими движениями существо начало закрывать проход, увлажняя своими выделениями стены так, что можно щупальцами соскрести с них грязь, покрывающую стены словно штукатурка.

— Это привратник, — сказал Оуэн. — Я думаю, что мы можем выйти в любое время, когда захотим. Если даже он не пустит нас, то мы вооружены. Но, во всяком случае, сейчас нам нужно идти дальше.

Пауэлл осмотрел тонкие нити, лежащие вдоль коридора. Они были протянуты по всему тоннелю и исчезали из поля зрения впереди. Тоньше шпагата, они светились бледным белым светом, яркостью примерно равным тридцативаттовой электрической лампочке. Пауэлл осторожно тронул такую нить одним пальцем.

Нить тут же начала извиваться. Когда Пауэлл отпрянул, светящаяся нить замерла.

— Она живая, — сказал Оуэн. — Идемте же.

Они осторожно пошли вперед. Коридор был ровный, прямой, и двести шагов в нем ничего не менялось. Внезапно в лицо им дунул порыв ветра.

Пауэлл напряг зрение. Невдалеке впереди у стены лежала какая-то грубая масса. По мере приближения они увидели, что это жирный, выпуклый объект, почти целиком заполнивший туннель, причем ритмично расширявшийся и сжимающийся. Это был сфе-

роид, бледный, бесцветный, с жесткой кожей, под которой перекачивались мышцы. Ветер сделался более резким и порывистым.

— Поглядите на него, — задумчиво сказал Оуэн. — Это воздушный насос, причем живой. Видите? Его корпус блокирует вал вентилятора, возможно, тот самый, который мы видели наверху. А видите клапаны на его теле? Он всасывает воздух снаружи и выпускает его в туннель.

— Но он же живой!

— Как и привратник. Вы понимаете значение того, что может уже увидеть, Пауэлл? Это раса без машин — раса, которая невероятным образом приспособила себя саму! Одному Господу известно, что мы можем еще обнаружить. Мы находимся на окраине Неизвестного, на самом краешке. А вот когда мы пройдем дальше...

Туннель заполняло биение живого насоса, ритмичное и какое-то странно зловещее.

ГЛАВА XVII. Рецессивные

Они пошли дальше, не находя больше ничего, кроме существ-насосов, лежащих с нерегулярными интервалами в боковых проходах. Воздух туннеля был достаточно свежим. Вскоре Пауэлл снял защитный костюм. Оуэн последовал примеру своего компаньона. Им стало легче и прохладнее, и они продолжили свой путь.

Прошло, пожалуй, не меньше часа, прежде чем они дошли до большого коридора, расположенного под прямым углом к тому, по которому они шли. Вдоль его пола тоже тянулись осветительные нити. Коридор был пуст, но, пока они настороженно стояли на перекрестке, то слышали справа звуки шагов.

Шаги становились все громче. Пауэлл затащил Оуэна обратно в проход. И тут же они увидели двух самых странных существ, когда-либо виденных людьми.

Они были четвероногими, белыми, с мясистыми спинами, высотой около полутора метров. Быстрыми, какими-то механическими движениями они передвигались на трех тонких ногах. Помимо этого сходства, существа были совершенно разными.

У первого было круглое, шаровидное тело, похожее на губку. Крошечные глазки, защищенные прозрачной мембраной, смотрели прямо вперед. Лицо существа походило, скорее, на морду. Казалось, будто кто-то втиснул его в воронку. Под хоботом виднелся крошечный рост. Уши были заострены и отогнуты назад. Хвоста не было.

Второе существо больше всего походило на ленивца. У него были чрезвычайно развитые передние лапы, заканчивающиеся огромными когтями, на которых он неуверенно, вразвалочку шел вперед. Он казался слепым, но без колебаний следовал за своим сотоварищем. Лица у него практически не было, только нос-кнопка и круглое отверстие рта.

Он шагал, не замечая зрителей. Когда существа исчезли, Пауэлл глубоко вздохнул и устался на Оуэна.

– Ну? – спросил он. – Кто они такие?

Ученый покачал головой.

– Понятия не имею. Разумеется, млекопитающие, причем узкоспециализированные. Тот, с когтистыми лапами, создан для рытья. А второй?.. Не знаю, не уверен...

– Может, стоит проследить за ними? Мне они кажутся опасными.

Но этот вопрос решил сам с собой. В том направлении, куда ушли странные существа, раздались торопливые шаги. Люди снова отступили.

По коридору пробежал воздушный шар на ходулях и остановился перед боковым проходом. Он был белый, как смерть, с шаровидным телом сантиметров девяносто в диаметре. У него были ноги, как у аиста, когтистые и чешуйчатые. Он был безликим и безголовым, за исключением маленького отверстия на шаре.

Он стоял неподвижно. Затем из его вершины выскочил глаз, выдвигаясь вверх, как перископ. И устался на людей.

Пауэлл нащупал лежащий в кармане пистолет.

– И что дальше? – пробормотал он. – Не может же эта штука быть разумной!

– Погодите-ка, – сказал Оуэн и решительно шагнул вперед, протягивая руку.

– Мы друзья... – начал было ученый.

Глаз отступил. Из его отверстия вылетело маленькое облачко голубого пара, которое немедленно рассеялось и смешалось с воздухом. Пауэлл уже схватил пистолет, когда вдруг на него нахлынуло жуткое чувство безвременья. Пальцы его пытались сомкнуться на холодной рукоятке, но двигались медленно, слишком медленно.

Затем он увидел, как стоящий перед ним Оуэн свалился на пол.

И только тогда Пауэлл тоже потерял сознание.

ПРОБУЖДЕНИЕ БЫЛО медленным, болезненным. Мозги казались окутанными туманом. Воспоминания ускользали, и Пауэлл пытался поймать их клочки. Затем он вспомнил, как его несли по

туннелям, вспомнил человеческий голос и вспыхивающие, пылающие, радужные фонтаны света...

Пауэлл открыл глаза. Метрах в двенадцати над собой он увидел каменный потолок, освещенный вездесущими светящимися нитями. Он лежал на спине, несвязанный и ужасно холодный. Все мышцы болели.

Пауэлл сел, и по сжатым венам тут же промчалась агония боли. Пещера поплыла перед глазами. Она была огромная, больше, чем здание Центрального вокзала, и совершенно пустая, не считая круга света на голом полу.

Но свет этот не был лучом. Он лил откуда-то сверху, как вода, каскады водопада, и все время изменял цвета, был то небесно-фиолетовым, то жемчужно-белым, то очень желтым, то серым, мягким, точно дымчатые сумерки. Затем он закрутился, точно смерч, и тут же почти за порогом слышимости раздался низкий шепот.

Шепот тоже менялся, пульсировал, состоял из любопытных однотонных вздохов, шелестел, поднимаясь и опадая, и снова поднимаясь.

При этом он становился все громче и громче. Вскоре это был уже рев, более яростный, чем Ниагара, оглушительный, но, странным образом, музыкальный и успокаивающий. При этом свет опять изменился и скрутился сложными узорами.

Узоры тоже менялись, создавая фантастические картины, трехмерные и ужасно чуждые. Кубы, многогранники и конусы плясали перед глазами Пауэлла.

Неожиданно свет погас и тут же затих рев. Радужный фонтан словно заткнулся.

И на том месте, где он только что был, осталось небольшое прозрачное полушарие на полу. С того места, где он полулежал, Пауэлл не мог понять, что находится под этим полушарием. Превозмогая боль, он поднялся и, спотыкаясь, побрел к полушарию.

Полушарие было из стекла или какого-то похожего вещества. Внутри было ядро света, сфероид с мягким блеском, белый и интенсивный, он светился, медленно вращаясь, размерами не больше головы Пауэлла, странно красивый и живой.

Затем из него, как копьё, вылетел какой-то непонятный магнетизм. Пауэлл невольно сделал шаг назад, охваченный одновременно страхом и любопытством.

Затем его голове раздался чей-то голос.

– Вы разумное существо, как и другое?

БЫЛО СОВЕРШЕННО ясно, что это телепатия. Эберли говорил, что в этом мире существует телепаты. Тем не менее, столкнувшись с реальным явлением, Пауэлл чувствовал замешательство. Он попытался сформировать в голове слова ответа.

– Говорите вслух, – раздался голос. – Мысли у вас слишком смутные, если вы не произносите их вслух.

– Где мой спутник, человек, который пришел со мной? – спросил Пауэлл.

– Человек? Человек, которого вы называете Оуэн? Понимаю. Он был проанализирован.

Пауэлл невольно сглотнул.

– Вы имеете в виду, он умер?

– Ну, – откровенно сказал голос, – когда у него были вырезаны органы пищеварения, он через некоторое время перестал шевелиться. Полагаю, что он испорчен.

Пауэлл вспотел. Ему никогда не нравился Оуэн. Но, тем не менее, толстяк был человеком. Холодный, лишенный всяческих эмоций рассказ о вскрытии живого человека звучит всегда ужасно.

– Это было необходимо? – неуверенно спросил он.

– Лично я сомневаюсь в такой необходимости, – ответил голос.

– Но, разумеется, я не отвечаю за это. Видите ли, я рецессивный. У меня есть эмоции. А доминирующая часть меня работает на чистой логике.

– Вы не возражаете, если я сяду? – спросил Пауэлл.

Он чувствовал, что должен сесть. Ноги у него ослабели и подгибались. Все происходящее казалось ему кошмаром.

– Вы не должны бояться меня, – сказал голос. – Наверное, я ваш друг. У вас самая необычная форма. И это хорошо.

– Хорошо? – Пауэлл мельком взглянул на себя. – Ну, я не слишком-то отличаюсь...

– Вы неспециализированный. Представьте себе мир, где все одинаковые, но все же каждый выполняет различную задачу. Вы можете выкопать яму своими маленькими когтями?

– Я бы использовал лопату, – машинально ответил Пауэлл.

– Машину? Не понимаю... А, рычаг. Мы делаем это по-другому. Немного отойдите, и я покажу вам.

Пауэлл повиновался. Снова взмыл фонтан пламени. На этот раз он был чисто-белым. На его поверхности выросли изображения двух существ.

– Смотрите, – сказал беззвучный голос.

Из морды-воронки переднего существа брызнула струйка желтоватой жидкости. Она попала на поверхность скалы и, казалось, просочилась сквозь нее. Поднялся легкий парок.

Тут же вперед вышло второе существо и начало копать своими большими когтистыми лапами. Через несколько мгновений оно уже прокопало в скале большое отверстие.

Изображение исчезло, пламя погасло. Осталось только светящееся кристаллическое полушарие. Пауэлл уставился на него.

При этом он прилагал все усилия, чтобы собрать воедино свои разбегающиеся мысли. Это было сложно, трудно пересилить эмоции. Но перед глазами стояло спокойное, целеустремленное лицо Эберли. И Пауэлл держался за это мысленное изображение, точно за спасательный круг. Его рука сама собой потянулась к камере за поясом, и он снова взглянул на светящееся полушарие.

ЧЕРТ ПОДЕРИ, это же настоящий кошмар! Но нужно было снимать его. Пауэлл притронулся к кнопке, и пленка начала перематывается в видеокамере.

Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойно.

— Вы можете читать мои мысли, не так ли?

— Конечно. У меня нет органов чувств, как у вас. Я не мозг, если вам это интересно. Я развился гораздо дальше. Я — разумная атомная структура чистой энергии.

— Есть ли еще такие же, как вы?

— Нет. Я думаю за других. Вернее, это делает моя доминанта.

— Я не понимаю, — сказал Пауэлл. — Вы все время говорите каких-то доминантах...

— Сейчас попробую вам объяснить, — прервал его голос. — Кажется, я достаточно прочитал ваши мысли, чтобы понять их, не так ли? Вы называете это сознанием и подсознанием, разумом и эмоциями. А в этом мире эволюция развивалась путем специализации живых существ, а не приспособления окружающей среды, как в вашем. Здесь есть нечто, что по-разному влияет на все живое. Это лучи, которые спускает некий минерал. Наследуемые характеристики являются частью плазменного рисунка. После рождения, как это называете вы, — и это кажется самым смешным вашим понятием, — возможности человека формируются благодаря его окружению. Здесь все иначе. Самая сильная потенциальная характеристика развивается в плазме еще до того, как возникает индивидуальная жизнь. У нас есть нечто подобное вашим — как вы их называете? — а, да, термитам. Королевам-маткам. Такое развитие происходит, естественно, весьма длительный период. Очевидна необходимость в едином центральном, управляющем разуме. И, в конце концов, этот разум превратился из живой ткани в чистую энергию, и огромный мозг стал двумя отдельными, но все же союзными личностями. Та же жизненная сила активировала их обоих. По законам конечной эволюции, необходимо было разделить логику и эмоции. И логическая часть должна была стать доминирующей. Этот доминирующий, логический разум управляет нашей цивилизацией. Это другая моя половинка. Я, рецессивный фактор, являюсь существом эмоциональных реакций. Лично мне вы, скорее, нравитесь, — продолжал голос. — Но, как я уже сказал, у меня нет власти. Моя доминирующая мысль сочла необходимым проанализировать вашего сотоварища. А я хотел пообщаться с вами. И мое желание было исполнено, поскольку у доминанты не было намерений использовать вас немедленно. Если моя доминирующая

половинка решит проанализировать вас, я буду разочарован. Очень разочарован! Но я ничего не могу с этим поделать.

ГЛАВА XIX. Побег в западню

Пауэлл пошатнулся. Его горло стало сухим, и в нем застрял невесело колючий комок.

— Разве вы не знаете, что намеревается делать ваша доминанта? Ведь знаете?

— А знает ли ваше подсознание то, что творит сознание, или наоборот? Все зависит от развития событий. Разум ваш был обшарен и изучен. Мы все знаем о вашем мире и об эксперименте существ, которых вы называете Колоссами. Могу вам сказать, что вы были совершенно правы. Колоссы испробовали все оружие, которым обладали, но пока что не уничтожили нас. Но они не осмеливаются использовать потенциал своих лучей, пока все тщательно не проверят. Понимаете, это те самые лучи, которые ответственны за нашу эволюцию.

— Вы сказали, эти лучи испускает какой-то минерал?

— Да, минерал, который находится в глубине этой планеты. Он не затрагивает Колоссов, которые живут на поверхности. Но мы-то изначально жили под землей и находились в радиусе действия этих лучей. А этот минерал разбросан повсюду. Я сомневаюсь, что концентрированные лучи могут повредить нам. Мы просто получим новые способности. Но я не могу знать, какие именно. Мы можем превратиться в чистую энергию. Дайте-ка подумать... Предположим, вы нашли способ мгновенно высвободить энергию в минерале, которую называете радием. Это принцип действия лучей Колоссов. Разумеется, они пользуются не радием.

— А как вы называете этот минерал? — спросил Пауэлл, вспомнив слова Эберли, что в этом веществе лежит ключ к проблеме.

— Телепатиям не нужны названия. Я получаю все понятия напрямую из собственного разума. Наша раса не пользуется словами. Доминанта посылает телепатические приказы другим существам, и они подчиняются.

— А у них есть собственные личности? — спросил Пауэлл.

— Нет. Разум — это доминанта и я, а они являются физическим фактором. Они реагируют на импульсы, но на самом деле они — часть нас, точно так же, как ваша лапа является частью вас... Простите, я имел в виду, рука.

Пауэлл обдумал его слова.

— И Колоссы нападают на вас?

— О, нет, — ответил голос. — Это мы атакуем их.

— Зачем?

— Мы хотим их съесть. Они убьют нас, если сумеют. Мы сражаемся уже много веков. Теперь осталась последняя, единственная группа Колоссов. Но, в конце концов, мы прорвем их барьеры и съедем их.

— А что вы едите, помимо Колоссов? — спросил Пауэлл, чувствуя, как в нем зарождается гнев.

— Да все, что угодно. Копатели едят камни. Они превращают камень в энергию и расщепляют его при помощи антикоррозийных средств. Другие, в свою очередь, едят белые растения, которые растут на поверхности, и расщепляют составляющие их вещества на другие полезные элементы. Здесь все взаимосвязано. Определенные существа требуют разные продукты питания, которые обеспечивают их различные пищеварительные процессы. Как ваши, например — как их там? — а, тли. Коровы муравьев. Или, как ваша собственная раса, которая ест пищу, чтобы ваши женщины могли поставлять энергию в иной форме своим молодым людям.

ПОЛУШАРИЕ СВЕТА внезапно тихонько закружилось.

— Ваша раса подобна Колоссам, потому что вы зависите от машин. Мы же сами себе машины, причем разумные. Мы отлично адаптировались к своей среде. Даже я, чисто эмоции, хорошо адаптирован. Я развлекаюсь, создавая цвета, свет и звуки. Но я рецессивный, и в этом нам повезло, потому что я, вероятно, мог бы уничтожить нашу расу какими-нибудь не практичными поступками. А доминанта прекрасно адаптирована для своих задач.

— Как же она выглядит? — спросил Пауэлл.

— Она никак не выглядит. Она невидима. Во всяком случае, вы не можете увидеть, потому что она находится далеко, возле самого ядра планеты. Она живет энергией расплавленного сердца планеты. И она не будет тратить на вас время, если, конечно, вы не понадобится для каких-то ее планов.

— Может быть, я мог бы помочь вам, — предложил Пауэлл. — Или другие люди моей расы. А если бы мы могли помочь вам уничтожить Колоссов...

— Вы не можете нам помочь, — прервал его голос. — Были изучены ваш разум и тело вашего спутника. У вас нет достаточных потенциалов, чтобы помочь нам. А эти ваши машины... Ну, мы просто не понимаем их. Наш разум работает совершенно иначе. Чем вы можете нам помочь? Очевидно, ничем.

Человечество построено по принципу машин, подумал Пауэлл, от первого лома и рычага до самых сложных приборов и космических кораблей. Но раса, которая автоматически приспосабливается к своему окружению и своим потребностям — такая раса могла разобраться в машинах не больше, чем эскимос понять квантовую механику.

— У вас очень сильное оружие, — прозвучал в голове Пауэлла голос, — но оно слишком опасно для использования. После уничтожения Колоссов вы можете уничтожить и нас. Нет смысла спорить. Я читаю ваши мысли и знаю, что ваша раса умеет лгать. Лично я рискнул бы, потому что вы мне нравитесь. Вы забавный, ваш ментальный образ наиболее привлекателен. Но босс здесь не я. Мне жаль, что вы не выживите здесь долго.

— Это еще почему? — закричал Пауэлл.

— Трудности с пищей. У нас нет еды, подходящей для вас. Некоторые представители нашей расы могут вырабатывать необходимые белки и углеводы, но доминант считает, что не стоит усилий. Вы для нас бесполезны. Только не обижайтесь, — добавил голос. — Вы мне нравитесь.

— Спасибо, — горько ответил Пауэлл. — Вы мне очень помогли. Значит, я просто останусь здесь и умру голодной смертью, да?

— Вы можете пойти побродить по нашим туннелям. Но лучше вам этого не делать. Если вы будете мешать нам, то вас уничтожат. Очень жаль, но я не могу оставить вас у себя навсегда.

— Хорошенькие же у меня шансы выбраться отсюда, — хмуро проворчал Пауэлл. — Здесь же у вас целый лабиринт.

— Я подскажу вам, где выход. Но, как вы сказали, у вас мало шансов.

Пауэлл чуть было не вскрикнул и ухватился за протянутую ему соломинку.

— Вы хотите сказать, что отпускаете меня?

— Ну, да. Понимаете, я эмоциональный. Меня не волнует, уничтожите вы нашу расу или нет. Иногда мне становится скучно, потому что я почти что бессмертен, а смерть была бы интересным опытом. Но, поскольку я эмоционален и нелогичен, то вы мне нравитесь, возможно, потому, что вы такой забавный. Ваш разум, я имею в виду, хотя и внешность тоже интересная. Я подскажу, где выход, и, если хотите, то можете идти. Но если доминант пороется у меня в уме и узнает об этом, то он уничтожит вас. А сейчас закройте глаза.

ПАУЭЛЛ ПОВИНОВАЛСЯ. И сейчас же в его голове появилось что-то странное, словно память, впечатывающаяся в клетки

мозга. В мгновение ока он узнал, полностью и безошибочно, маршрут, по которому должен следовать, чтобы добраться до внешнего мира.

— До свидания, — раздался голос. — Теперь можете открыть глаза.

Пауэлл так и сделал. Он сделал несколько шагов в сторону черной щели в стене, затем остановился, развернулся и уставился на светящееся полушарие.

— Спасибо, — сказал он.

— Прощайте. Вы знаете, где я нахожусь, если решите уничтожить меня.

Фонтан пламени дрогнул, омывая бледным блеском стены пещеры. Шпиль света сформировался в фантастические, замысловатые арабески...

Пауэлл неуверенно усмехнулся и снова повернулся к выходу из туннеля.

Коридор шел резко вверх, озаряемый светящимися нитями. То тут, то там от него ходили боковые проходы. Пару раз Пауэлл слышал где-то вдалеке шаги и прятался, пока существа не проходили мимо. Один раз это был копатель, а в другой — конгломерат необычных органов, походивший на кошмар сюрреалиста. Затем Пауэлл подошел к проходу, который не мог вспомнить. В мыслительном импульсе рецессивного ничего не говорилось о нем.

Он повернул налево и по-прежнему шел в гору. Немного дальше, проход снова повернул налево. Вдалеке послышался шум каких-то движений, иногда становящийся громче, иногда почти замирающий. Пауэлл поспешил к нему. Что, если было обнаружено его бегство?

Так он вышел к туннелю, из которого мерцал незнакомый свет. Туннель оказался коротким и свободным. На мгновение Пауэлл колебался, озадаченный этим странным светом, затем порывисто вошел в туннель.

Свет исходил от стены в самом конце. Что-то было встроено там в грубый камень, какая-то кристаллическая структура, блестящий кристалл. Он походил на лежащий на полу пещеры свет, исходящий от этого живого разума, который эволюционировал под воздействием излучения неизвестного материала.

Неужели это и есть тот секрет, который искал Эберли? Неужели это источник лучей Колоссов?

— Господь его знает, — вслух сказал Пауэлл, переводя дыхание. — Но я собираюсь это выяснить!

Он достал нож и осторожно принялся за работу.

Через десять минут он возвращался со своей драгоценной ношей. Разумеется, это излучение могло быть опасным. У Пауэлла не было с собой свинцового контейнера. Поэтому приходилось riskнуть и торопиться.

Это было слишком легко, слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Через полчаса Пауэлл добрался до конца прохода, перекрытого толстой торпедой привратника. Пауэлл остановился, чтобы надеть прозрачный защитный костюм, затем собрал в кулак всю свою волю и мысленно скомандовал:

— Пропустить! Пропустить!

Грубая масса привратника задержалась и поползла вперед. В глубину туннеля ворвался голубовато-белый свет. Тоннель выходил наружу. Существо выкатилось из него, и впереди появился круг молочно-голубого неба.

Пауэлл поспешно выбежал из туннеля. Он не знал, тот же этот самый проход, в который он вошел, или нет. Но на горизонте вырисовывался большой куб цитадели Колоссов.

Солнце стояло низко. Пауэлл прикинул, что корабль должен лежать где-то слева. Он взглянул в том направлении на ближайший гребень. Позади него привратник вернулся на место и начал измелчать грязь извивающимися щупальцами.

Поверхность везде оказалась одинаковой. Туманную завесу по-прежнему украшали белые растения, на гребнях по-прежнему росли фантастические кристаллы. Пауэлл поднялся на первый гребень, спустился в долину и начал снова подниматься. Затем он потерял счет времени, а также подъемам и спускам.

На самом высоком гребне какой-то импульс заставил его обернуться. Он не услышал ни звука, но его ударило чувство неминуемой опасности. За его спиной уже выросла куча кристаллов, закрытая обзор. Он одним ударом разбил их.

По другую сторону долины лежал хребет, через который он только что прошел. Но было и еще кое-что. Там были быстро движущиеся, бледные фигуры, сияющие в свете заходящего солнца.

Его побег был обнаружен!

ГЛАВА XX. Специализированные убийцы

На таком расстоянии Пауэлл не мог сказать, какие существа преследовали его. Останавливаться, чтобы использовать телескопическую линзу, он не рискнул. Скорость, вот что было сейчас важным. Он повернулся, сунул кристалл в карман и побежал по склону.

Пот струился у него по щекам. В костюме было невыносимо жарко, но он не посмел скинуть его. Лучи солнца были слишком опасны. Когда Пауэлл пробегал в тумане гигантского растения, ему очень захотелось остановиться и постоять там. Прохладная, освежающая влага сконденсировалось на поверхности костюма, но ненадолго.

Однако ему тут же пришлось выскочить на солнце. По какой-то причине прохладнее не становилось, несмотря на то, что солнце уже приближалось к горизонту. Ноги Пауэлла болели от блуждания по твердой, иссушенной солнцем почве. Глаза горели даже несмотря на темные очки. *А может, внезапно пришла ему в голову мысль, это уже влияет излучение странного минерала?*

Пауэлл мысленно пожал плечами. Если это излучение смертельно, то он обречен. Но все равно сначала нужно добраться до «Манхэттена», который мог быть еще далеко и даже лежать совершенно в ином направлении.

Пауэлл двинулся дальше и не увидел никаких признаков преследователей. Их скрывал гребень. Земля снова поднималась, белые растения уступали место голой почве, а затем огромным кристаллам. Но даже на самой вершине Пауэлл не увидел своих врагов, которые, очевидно были в долине.

Вот только в какой долине? Насколько быстро они могли бегать?

Пауэлл подумал о том, не стоит ли выбросить остатки оборудования. Он и так уже выбросил рюкзак, но у него были еще вещи, которые добавляли нагрузку. Например, камера, от которой он никак не мог отказаться. Может, минерал? Нет! Кроме того, потребовалось бы слишком много времени, чтобы достать из костюма эти вещи.

Он снова побежал вперед, тяжело дыша. Горло перехватило, и легких, от грудины до позвоночника, была тупая, тянущая боль. Не говоря уже о боли в ногах, о которой он давно забыл. А за ним гнались существа, больше напоминающие машины, гнались упорно, монотонно...

Следующая долина лежала в тени. Солнце было уже на самом горизонте. Пауэлл ощутил панику. Был ли у этого мира спутник, луна? Насколько тут темно по ночам? Разумеется, он не сможет найти «Манхэттен» при помощи карманного фонарика!

Пауэлл взбирался на следующий подъем, а позади него с последнего гребня спускались преследователи. Они странно сияли в ярком солнечном свете. На таком расстоянии они казались карандашами, быстро передвигающимися на коротких членистых ногах. Как у гигантских жуков, у них были мандибулы, злобные челю-

сти, вызывающие страх. Это были боевые существа, отправленные уничтожить цель!

Пауэлл сбежал вниз по склону. Его наполнял страх, с которым он безуспешно пытался бороться. Не было времени ни на что, кроме как бежать все быстрее и быстрее!

Когда он поднялся на следующий холм, то увидел, что чудовища уже пересекают долину позади. Их было не меньше десятка. Они растянулись полумесяцем, пытаясь обойти его с флангов. Рога полумесяца вытягивались...

На следующем хребте стояла стена кристаллов, возвышающаяся в небо и продолжающая свой фантастический рост. Пауэлл ринулся прямо сквозь стену в каскаде блеска разлетающихся на брызги кристаллов. Едва держась на ногах, задышавшись, он все же пробил эту стену и увидел вдали корабль.

В долине у его ног лежал «Манхэттен». Но до него было еще далеко! Очень далеко!

КОРАБЛЬ СТОЯЛ в тени. Серые сумерки наполняли долину тишиной. Бассейн казался пустым морем мрака. Солнце туда уже не проникало. В груди Пауэлла вспыхнула надежда, и он побежал дальше. А позади появился авангард чудовищ.

Ноги несли Пауэлла от солнечного света в холодную тень, он на бегу рвал на себе крепление костюма, зная, что здесь до него не сможет добраться смертоносное излучение. Он буквально разодрал костюм и сбросил его на бегу. А затем издал задыхающийся, безнадешный крик.

Рога полумесяца преследователей сомкнулись. Существа бежали гораздо быстрее человека. Они образовали большой круг, отрезавший Пауэлла от «Манхэттена».

Но сейчас они были странно изменившимися. Они сбросили свои панцири. Глянув позади них, Пауэлл увидел на склоне бледные пятна. Без доспехов существа были гораздо меньше, просто узкие тела, расширяющиеся там, где прежде были головы. Теперь это были только маленькие, но смертоносные челюсти на ножках.

Они были гораздо меньше Пауэлла, но бежали на него, угрожающие и смертельные. Люк «Манхэттена» был уже недалеко, но существа отрезали Пауэлла от корабля. Пауэлл выхватил пистолет и тщательно прицелился. Луч не принес никакого вреда ни жестким мандибулам, ни сегментированным ножкам. Оружие оказалось бесполезным.

И внезапно Пауэлл кое-что понял. Чудовища носили доспехи, пока не спустились в затемненную долину. Почему? Доспехи защи-

щали их от солнечных лучей? Но, значит, нефильтрованные ультрафиолетовые лучи должны быть для них такими же смертоносными, как и для людей.

— О, господи, — побелевшими губами прошептал Пауэлл, выбросил пистолет и отчаянно полез в карман, буквально вырвал оттуда мощный фонарик и начал поспешно настраивать его, а из другого кармана достал футляр с объективами, тщательно выбрал один из них и укрепил на стекле фонаря.

— Ультрафиолетовая линза, — пробормотал Пауэлл. — Посмотрим, как она работает. Господи, хоть бы получилось!

Линза, которую Пауэлл использовал для некоторых съемок, отфильтровывала часть светового спектра, оставляя ультрафиолет. По сравнению с солнцем этого чертового мира, такой свет был, разумеется, слабым, несмотря на мощный фонарь.

Ближайшее существо находилось всего в десяти шагах, когда Пауэлл щелкнул переключателем. Из фонаря брызнули невидимые лучи. Пауэлл размахивал туда-сюда своим импровизированным оружием, совершенно не уверенный в том, что оно подействует. Но чудовище остановилось!

Однако на месте оно стояло недолго. Его тело судорожно задергалось, членистые ноги пришли в беспорядочное движение. Затем существо рухнуло наземь, его чувствительная нервная структура была разрушена ультрафиолетом.

Но другие чудовища нападали. Пауэлл направил свой фонарь на следующего. Упали еще двое чудовищ, затем еще одно. Осталось шестеро. Путь к кораблю был свободен.

Пауэлл ринулся к люку, слыша позади топот нечеловеческих ног по твердой земле. Он повернулся и снова включил свое оружие.

Упали еще два существа. Оставалось четверо.

Пауэлл пробежал еще несколько метров, прежде чем снова пришлось развернуться. На этот раз существа стали вести себя осторожнее. Они разбежались в стороны и начали уклоняться от невидимого для Пауэлла луча фонаря. Вокруг становилось все темнее, Пауэлл уже с трудом видел их в этом мраке.

НАВЕРХУ БЫЛО черное, беззвездное небо. Не появилась никакая луна. Из темноты на Пауэлла набросились тени. Он взмахнул невидимым лучом, но чудовища убежали.

Потом впереди из темноты выдвинулась какая-то большая масса. Это корабль! Но где же люк? Пауэлл прислонился спиной к корпусу и двигался вдоль него, пригвоздив лучом фонарика очередного атакующего, уже когда острые мандибулы твари разрывали его брюки.

Наконец, он почувствовал рукой паз, рядом была кнопка, открывавшая люк. Палец Пауэлла нажал ее.

Крышка люка скользнула в сторону. Тут же метнулись тени. Пауэлл наугад помахал фонариком, услышав в темноте приглушенные звуки, затем споткнулся о тварь, которая достигла его, отскочил в сторону и снова начал махать перед собой фонариком. Звуки стали слабее.

Тогда Пауэлл поспешно нырнул в люк, закрыл его и включил свет. В рубке никого не было, кроме него.

На какое-то время Пауэлл оказался в относительной безопасности. Но сколько ему понадобится времени на поиски детали, нужной для запуска двигателя, которая, как хвастался Оуэн, была надежно спрятана? Это время зависело от мыслительных способностей доминанты. *Если она догадается отправить сюда существ, пожирающих минералы, то прощай космический корабль*, подумал Пауэлл.

Затем он, не позволяя себе все время глядеть на часы и паниковать, начал тщательные поиски с носа до кормы. В корабле было мало свободного места. Его пол и стены представляли собой одно целое. Короткие, крепкие балки занимали каждый сантиметр пространства между ними.

Пауэлл был в трюме, пока Оуэн прятал эту деталь. Значит, она должна быть где-то в пустых комнатах наверху.

Единственным ключом, который Оуэн невольно дал Пауэллу, было то, что это деталь довольно маленькая. Таким образом, она может быть почти где угодно. Пауэлл поглядел за пультом управления, где был зазор, заполненный проводами и трубопроводами. Он ощупал каждый дюйм стен и пола. Шкафчики, коробки с предохранителями, полки в каютах, камбуз, туалет, хранилище топлива — он все прошарил два раза.

Но нигде не нашел детали от космического двигателя Эберли.

Затем он сел, заставив себя не глядеть наружу, чтобы не знать, сколько времени у него остается. И начал раздумывать над одним вопросом.

Если бы ему нужно было спрятать маленькую деталь, которую легко отсоединить и снова подключить, то куда бы он ее дел? При этом надо учитывать, что в корабле не было ничего, кроме стен и необходимой мебели, прикрепленной к полу или тем же стенам для безопасности. Раздвижные панели были тонкими, в них ничего нельзя было заложить. Не считая нескольких мест, которые он уже осмотрел дважды, все можно было обзреть одним взглядом.

Эй, ты, тупица! — внезапно обругал он себя. Это же не реактивный корабль! Разумеется, он спрятал эту чертову деталь в закрытых трубопроводах.

Естественно, Оуэн мог спрятать ее только там. Обнаружив в носовой трубе коробку для инструментов, Пауэлл прибежал к пульту управления, подсоединил деталь проводами и плюхнулся в мягкое, уютное кресло пилота.

Затем он нажал стартер и осторожно тронул штурвал. «Манхэттен» поднялся в воздух.

Корабль бесшумно поднимался, пока не повис в пятидесяти метрах над долиной. Внизу, в последних закатных лучах, виднелась крепость Колоссов. Пауэлл послал корабль к ней.

ЧАС СПУСТЯ «Манхэттен» опустился на остров, по имени которого был назван. Выйди из корабля, Пауэлл оказался окруженным десятком техников под предводительством Эберли. Прежде всегда улыбающееся лицо ученого было искажено тревогой.

— Пауэлл! О, боже! Что случилось? Почему вы улетели?

— Я... — начал было Пауэлл, но тут же поперхнулся. — Я хочу пить. Мне плохо!

— Пойдемте! — Эберли повел его к лифту. — Я уже начал переоборудовать второй корабль, чтобы лететь за вами.

Лифт остановился, они вышли наружу.

— Мне кажется, это то, что вам нужно, — сказал Пауэлл уже в лаборатории, достал из кармана кусок минерала и положил его на стол.

Эберли буквально открыл рот.

— Это источник лучей?

Пауэлл кивнул.

Эберли взял электроскоп и поставил его рядом с сияющим камнем. Золотистые листочки прибора остались нераскрытыми. Нахмурившись, Эберли набрал полную пробирку бесцветной жидкости и осторожно капнул ей на блестящую поверхность минерала. Ничего не произошло.

— Вы сделали это! — воскликнул Эберли. — Вы сотворили чудо! Я в этом уверен. Остается лишь вопрос, как высвободить энергию, заключенную в минерале, но у меня уже есть сделанные телескопом фотографии машины Колоссов, испускающей лучи.

— Но я не понимаю, как это вам поможет, — возразил Пауэлл.

— Как? Я хочу выпустить всю энергию разом и направить ее на человека... А именно на себя самого! Если легкое касание лучей превратило меня в супер-ученого, представляете, что будет, когда я

почувствую его полную силу! Я думаю, что это и есть нужное нам оружие, Пауэлл. Я проверю излучение на себе самом – его полную силу – и посмотрю, какое влияние оно окажет. Скорее всего, способности моего мозга к науке будут настолько развиты, что я смогу, – как я думаю, – победить Колоссов и спасти Нью-Йорк!

Он схватил минерал и убежал. Пауэлл вздохнул. События разворачивались слишком быстро. Но как хорошо было вернуться в Нью-Йорк, хотя бы на другой планете в другом континенте.

Пауэлл выпил еще одну порцию виски, позвал посыльного и отправил отснятые пленки в «Саммит» для обработки. Он уже наливал третью порцию, когда открылась дверь, и решительными шагами вошел человек в мешковатом твидовом костюме. Голубые глаза, ярко блестевшие на загорелом лице, уставились на Пауэлла.

Это был Сомерсет, агент БМР.

– Вот вы где, – коротко сказал он. – Гвинн сказал, что вы вернулись. Что-нибудь привезли с собой?

– Похоже на то, – кивнул Пауэлл. – Я предложил бы вам выпить, но в бутылке уже ничего не осталось. Да, я нашел то, зачем полетел.

– Прекрасно. А пока что, знаете ли, у нас стали появляться новые чудовища. Нью-Йорк больше не может ждать. Так какое средство вы привезли нам?

Пауэлл все подробно объяснил. Наконец, Сомерсет набил трубку, разжег ее и поднялся с места.

– Мне нужно поскорее встретиться с Эберли. Вы отлично поработали, но теперь все зависит от него. Если БМР может помочь...

Пауэлл не слушал. Он уставился на лежащий на столе прибор. Прибор, показавший ему нечто невероятное. Рука Пауэлла быстро метнулась к столу, он схватил ланцет и глубоко вонзил его в ногу Сомерсета.

Агент не обратил на это никакого внимания.

ГЛАВА XXI. Приход смерти!

ОЧЕВИДНО, ЧТО-ТО в лице Пауэлла предупредило Сомерсета. Агент глянул вниз, увидел торчащий из его ноги ланцет и отпрыгнул назад. Пауэлл бросился на него.

Сомерсет поднял руку. Блеснул луч света, и Пауэлл застыл неподвижно. Он молча стоял, напрягая все мышцы и стараясь превозмочь парализирующий луч.

Луч портативной установки был не такой мощный, чтобы помешать ему говорить. Но когда Пауэлл открыл рот, Сомерсет взглянул на дверь, бросился к ней, захлопнул и закрыл ее на защелку.

— Помещение звукоизолировано, — сказал он. — Ваших криков никто не услышит.

Пауэлл бешено размышлял. В любой момент может вернуться Эберли. Если он обнаружит двери запертой, то что-нибудь заподозрит. Если бы только суметь удержать здесь до тех пор Сомерсета.

— Так значит, вы супер-преступник, робот-преступник! — с трудом сказал Пауэлл.

— И много ли вы знаете? — холодно отозвался Сомерсет, не сводя с Пауэлла ледяного взгляда.

— Достаточно много. Я знаю, что вы Первый, и знаю, чего вы хотите. Искусственных ног! Обычный человек не мог бы поместиться внутри тела робота, но там достаточно места для безногого. Пульт дистанционного управления, черт побери!.. Да вы всегда были внутри робота, лично управляя им.

— Продолжайте, — приказал ему Сомерсет, глядя на дверь.

— Прервите меня, если я ошибаюсь, — сказал Пауэлл, пытаясь улыбнуться. — Вы не Сомерсет.

— Вот как? Тогда кто же я?

— Космический Ястреб. Ваша марионетка, Макс Оуэн, сказал мне, что ваша модель поведения совпадает с моделью Космического Ястреба. А Сомерсет не был мошенником. Он отправился брать вас и вернулся через две недели в одиночку. Он взял вас, но не убил. Очевидно, был бой, потому что вы выглядите точно так же, как Сомерсет, вот только у вас искусственные ноги. Как это так получилось?

Космический Ястреб цинично поднял одну бровь.

— Да, Пауэлл, в космосе была битва. От моего тела мало что осталось, а ноги Сомерсета были сожжены лучом. Моя команда победила. Я знал, что умираю. Но у меня был очень опытный хирург. Он пересадил мой мозг в череп Сомерсета и сделал искусственные ноги, а потом я убил его вместе с остатками моей команды. Затем я вернулся в Нью-Йорк, чтобы занять место Сомерсета.

— Вы умный, — проворчал Пауэлл. — Вы знали, что никто не станет подозревать Сомерсета в обмане. Должно быть, вас тоже коснулись лучи, в достаточной степени, чтобы развился ваш криминальный и научный потенциал, и вы поспешили создать новую преступную организацию. Зачем же вы гонялись?

— За властью, — тихонько сказал Космический Ястреб. — Я устал быть преступником, за которым охотятся. В конце концов, я хотел

стать слишком сильным для правоохранительных органов. — Он холодно улыбнулся. — Я не хотел захватывать планеты, Пауэлл. Я не хотел править мирами. Это было бы очень скучно. Чтобы избежать своих врагов раз и навсегда, я хотел стать сильнее, чем они. Когда вы догадались о том, кто я такой?

— Только что. Однако предположение у меня возникло уже давно. В вашей подземной лаборатории был атомный смеситель. Должно быть, вы часто использовали его. Разве вы не знали, что люди, которые работают с подобными аппаратами, сами начинают излучать радиацию?

ВЗГЛЯД КОСМИЧЕСКОГО Ястреба изменился. Он поглядел на стоящий на столе электроскоп.

— Да, — сказал Пауэлл. — Вот так все просто. Золотые полоски сжались, когда вы вошли в комнату. Ваша собственная наука предала вас.

— Ну, что ж, вы убедили меня в одном. Никто, кроме вас, не знает о моей настоящей личности. Вы правы, но, боюсь, дедукция теперь вам не поможет.

— Что вы собираетесь делать?

— Эберли станет сильнее меня, если направит на себя лучи минералов. Но объектом этого эксперимента должен быть я. Это вопрос самозащиты. Разумеется, это азартная игра, но я всегда был игроком. Если я выиграю, то уничтожу Колоссов и, если возможно, верну Нью-Йорк на Землю. Когда это будет сделано, мне нечего уже будет бояться.

Сердце Пауэлла превратилось в ледышку.

— Вы сумасшедший! — прошептал он. — Лучи могут оказать на Эберли положительное влияние. Но он ученый. А откуда вы знаете, какие потенциалы они могут развить в вас? И как вы убьете Колоссов?

— Это я скоро узнаю, — сказал космический ястреб.

Он шевельнул рукой, что-то ослепительно вспыхнуло, и Пауэлл упал в черную бездну...

ПАУЭЛЛ РАСПАХНУЛ веки, и первым делом встретился с взглядом знакомых зеленых глаз. Над ним склонилась Сью Кларк, ее рыжие волосы были растрепаны, лицо бледно. Она брызгала водой на лоб Пауэлла.

— Лучше дай ему понюхать виски, — раздался сардонический голос Линна Пламба. — Это мигом приведет его в чувства.

Пауэлл со стоном сел. Он по-прежнему был в лаборатории. Сломанная дверь подсказала ему, что произошло.

— Опять подслушали наш разговор? — слабым голосом сказал он.

— К счастью для тебя, — огрызнулась Сью. — Мы шли по твоим следам, и что нашли? Дверь лаборатории заперта, а Эберли не отвечает на стук.

— А где Эберли? — скривившись от боли, Пауэлл поднялся на ноги. — Что вообще происходит?

— Да много чего! Появились новые чудовища! Одному Господу известно, что они такое или откуда взялись! Они похожие на блестящие пузыри зеленого газа. Убиты уже десятки людей.

В глазах Пауэлла засветился ужас. Он догадался, кто может быть «пузырями зеленого газа». Он повернулся к выбитой двери.

— Идемте, — торопливо сказал он. — Надо найти Эберли.

Они вдвоем побежали по коридору и ворвались в лабораторию ученого. Эберли едва шевелился, его румяное лицо скривилось от боли, а глаза были тусклыми. Но в них по-прежнему светился разум.

— Пауэлл, — пробормотал он. — Помогите мне. Что случилось?

— Где Сомерсет?

— Сомерсет? Он... Он попытался отобрать у меня минерал. Мы начали драться, это все, что я помню.

— А что с проектором? — спросил Пауэлл.

Эберли повернулся к линзам, собранным, по-видимому, случайным образом. Внутри этого самодельного устройства свисали провода.

— Я еще не закончил... Нет, подождите! Оно уже завершено! Очевидно, после того, как Сомерсет накаутировал меня, он закончил собирать это устройство. И использовал его! Минерал исчез!

— Сью, расскажите Эберли о зеленом газе, — тихонько сказал Пауэлл.

Слушая рассказ девушки, ученый побледнел от ужаса и глядел на нее недоверчиво.

— Очевидно, он использовал излучение этого минерала на себе. И его организм мгновенно эволюционировал. Он стал уже нечеловеком. Но зачем Сомерсет сделал это?

— Это не Сомерсет, — сказал Пауэлл. — Это Космический Ястреб.

И он быстро объяснил остальным, что произошло на самом деле. Эберли кивнул.

— Он намеревался уничтожить Колоссов, а затем вернуть Нью-Йорк на Землю. Он может справиться с этой задачей. Он больше не ограничен законами материи, которые сковывают наши тела. Он

превратился в чистую энергию, в разумную энергию. Скорее всего, он может убивать одной только силой мысли. Да, он может уничтожить Колоссов...

— Прошло полчаса с тех пор, когда мы получили последнее сообщение об его существовании, — сказала Сью. — После этого он исчез.

Внезапно в помещении прогремел громкий, оглушительный рев. Все четверо застыли в оцепенении, но прежде, чем они обрели возможность двигаться, рев немного затих, перейдя в монотонный гул, высокий и пронзительный.

Линн Пламб протянул руку к телевизору.

— А это еще что такое?

ВИДЕОЭКРАН ЗАГОРЕЛСЯ зеленым огнем. Мерцающие, пульсирующие волны пламени побежали по нему. Гудение стало еще тише. И на фоне его слышались понятные слова.

Странно механический, артикулированный в совершенстве голос провозгласил:

— Я говорю с Нью-Йорком. Я настроен на все видеофоны в городе. Слушайте!

Зеленые волны пламени вспыхнули ярче, голос стал громче.

— Я тот, который прежде назывался Космическим Ястребом, но теперь я приобрел другой вид, новую, непобедимую форму бытия! Я уже уничтожил Колоссов! Силой своей мысли я убил их и той же силой могу вернуть Нью-Йорк на Землю. Но сначала должны умереть три человека, потому что они слишком много знают и могут быть опасны. Это Эберли, Пауэлл и Штаппол. Через полчаса они должны быть на Таймс-сквере. Иначе я сам начну искать их! И если я это сделаю, кроме них умрет много других людей.

Голос смолк, экран видеофона погас. Пауэлл кинул подозрительный взгляд на Эберли.

— Кажется, мы стали мишенями, — мрачно сказал он. — А также Штаппол, глава БМР.

— Ты не пойдешь туда! — сказала Сью.

— Да мы не собираемся сейчас никуда идти, — пробормотал Эберли. — У нас есть целых полчаса. За это время... — Лицо его застыло. — У нас может появиться шанс победить это существо, которое прежде было Космическим Ястребом. Пока что я не знаю, как это сделать. Пауэлл, вы полетите со мной во внешний мир, чтобы мы попытались найти там еще один такой минерал?

— Зачем, — спросил Пауэлл. — Какая от этого польза?

— Затем, что я могу использовать его лучи на себе. В качестве человека, я не могу сражаться с этим созданием. Но если лучи превратят меня в подобное существо, которое будет таким же сильным, как теперь стал Космический Ястреб, я могу сразиться с ним своим оружием. Но, разумеется, мы не сможем все это сделать за полчаса...

Пауэлл сунул руку в карман и достал оттуда что-то слабо светящееся.

— Это то, что вам нужно?

Эберли буквально рухнул на стул под воздействием охвативших его эмоций.

— Это... это... Так у тебя есть минерал? Но как? Почему?

— Я просто взял пару кусочков этого минерала, — объяснил Пауэлл. — Казалось, вам хватило одного кусочка, поэтому я подумал, что другой оставлю себе для крупномасштабных съемок.

Эберли вырвал камешек из рук Пауэлла и, не обращая ни на кого внимания, бросился к своему устройству и начал быстро работать.

— Полчаса, — пробормотал он. — Очень мало времени! Минерал нужно еще подготовить, прежде чем я могу создать луч...

— А сколько времени вам нужно? — задумчиво спросил Пауэлл.

— Возможно, я сумею сделать это за полчаса. Не знаю. Но я попробую!

Пауэлл кивнул, затем повернулся к двери. Сю и Пламб преградили ему дорогу.

— Куда ты идешь? — спросила девушка. — Что ты задумал?

— На Таймс-сквер.

— Что? — Сю схватила его за руку. — Ты не можешь этого сделать.

Пауэлл вырвал руку, осторожно отстранил ее и быстро пошел к лифту.

— Нет, послушай, глупый! — крикнула Сю. — Предположим, что через полчаса никто из вас не появится на Таймс-сквере. Как ты думаешь, что сделает этот Космический Ястреб? Пойдет за вами? Разумеется, он же знает, где находится лаборатория Эберли.

Они уже были в лифте и поднимались на крышу.

— И что, если вы выполните его условия? — сказал Пламб. — Чем это поможет? Вас просто убьют, а потом он все равно придет за Эберли.

— Меня могут убить, — мрачно усмехнулся Пауэлл, — но не раньше, чем я заставлю Космического Ястреба погоняться за мной. Я хочу взять «Манхэттен» с космическим двигателем Эберли. Если я не

сумею обогнать этот кусок зеленого газа, значит, я заслужу все то, что получу.

Но как бы ни звучал его голос, в душе Пауэлл ни в чем не был уверен. Он знал, что сражается с чем-то большим, чем просто «кусок зеленого газа». Он собирался бросить вызов врагу, обладающему бесчеловечными, титаническими силами. Существу, которое в одиночку одной силой мысли убило Колоссов! Космический корабль был слабой защитой от такого преследователя.

Но Эберли нужно было время, чтобы закончить его работу. В этом-то все и дело.

Пауэлл открыл люк «Манхэттена» и повернулся, чтобы кивнуть на прощание Сью и Пламбу.

– Увидимся позже, – сказал он, притворяясь беззаботным.

– Тогда мы летим с тобой, – твердо сказала девушка.

– Вот это вряд ли, – усмехнулся Пауэлл и захлопнул люк.

Потом он прошел к пульту управления и поднял корабль в воздух.

Нью-Йорк теперь лежал почти в сотне метрах внизу. *Где там у нас Таймс-сквер?* Пауэлл сосредоточился на управлении. «Манхэттен» заскользил вперед.

Холодок ужаса поднимал дыбом волосы на затылке у Пауэлла. Мог ли Космический Ястреб в своей новой форме наблюдать за ним даже сейчас? Это казалось вполне возможно.

Внизу проплывал город. Взгляд Пауэлла скользил по знакомым зданиям и каньонам пустынных улиц. Вскоре Нью-Йорк вернется на Землю, если Космический Ястреб не переоценил свои силы. Но это вряд ли. Ведь теперь это не человек, а существо с невероятным потенциалом – существо чистой энергии, бестелесный разум, развившийся из разума преступника. И что это может значить?

Пауэлл не мог осознать все последствия этого. Он только знал, что это будет означать конец той цивилизации, которая была ему известна до сих пор. В его сознании вспыхнула знакомая фраза:

«По всей Европе погас свет в окнах. И он не загорится снова при нашей жизни».

Во всем мире вскоре может загореться свет в окнах, свет прогресса и цивилизации, подталкиваемый свирепым чужим пламенем, зеленым огнем Неизвестного!

Внизу появился Таймс-сквер. Пауэлл видел сверху, что его окружали вооруженные охранники. А в центре стояла одинокая фигура. Это был Штаппол, глава БМР.

Пауэлл опустил корабль на тротуар, ловко маневрируя между небоскребами. Космический корабль не был приспособлен для посадки на улице, но это все-таки удалось, и «Манхэттен» опустился на проезжую часть напротив банка. Пауэлл настроил пульт управления так, чтобы одним прикосновением поднять корабль вертикально вверх, и открыл люк. Затем подошел к седому, стройному Штапполу.

Лицо главы БМР осунулось и заострилось. Пронзительный взгляд его уставился сначала на Пауэлла, затем на корабль позади него.

— Кто прилетел с вами? — спросил он.

— Никто. Я прилетел один. Сколько у нас времени?

— Двадцать минут.

— Этого достаточно, — сказал Пауэлл, — если я буду говорить быстро. Только внимательно выслушайте...

ГЛАВА XXII. Битва в пустоте

ШТАППОЛ СДЕЛАЛ все поспешные приготовления, какие только смог. Его охранял вооруженный отряд. Но нельзя было предсказать, будет ли их оружие эффективным против силы, которая им грозила.

Под конец данного срока Пауэлл встал у пульта управления. Люк был открыт. Возле него стоял Штаппол. Нервы были натянуты до предела. Над сквером нависла полная тишина. Не было даже редких пешеходов, осмеливающихся показывать нос на улицу в эти опасные дни. Были только гвардейцы, да стоящий возле банка корабль.

Серый свет оставался неизменным. Но в небе уже не было видно огромных теней. Пауэлл не мог не поверить в то, что Колоссы убиты.

Его пальцы нервно подергивались, зависнув над пультом управления. Где же Эберли? Неужели ученый не завершил вовремя свои приготовления?

И даже если он сделал это, то преуспеет ли?

— Готовьтесь, — тихонько сказал Штаппол.

Пауэлл взглянул на экран. Высоко над лентой серого неба начал расти и углубляться смутный зеленоватый оттенок.

Потом он исчез. Улицу заполнила почти что душливая тишина.

Штаппол оставался совершенно неподвижным.

Внезапно Пауэлл увидел, как позади шефа безопасности прямо из пустоты появилось зеленое пламя. Вспыхнул вихрь изумрудного цвета высотой метров в восемь, напоминающий классический детский рисунок пламени. Пока Пауэлл глядел, форма его сильно менялась.

Штаппол молниеносным прыжком метнулся к люку. Но усик света вытянулся и поймал его в прыжке. Взревело пламя, и тут же все исчезло.

В том месте, где только что был Штаппол, теперь не было ничего!

А потом такой же живой усик из пустоты потянулся к люку, где стоял Пауэлл. Не было времени закрывать люк. Палец Пауэлла ударил по клавише, и корабль ринулся в небо. Ускорение бросило Пауэлла на колени.

А потом «Манхэттен» остановился. Просто неподвижно замер в воздухе.

Двигатель космического корабля буквально выл от напряжения.

Корабль был пойман зеленым пламенем.

Сила сражалась с силой. И механические ресурсы оказались более слабыми. Медленно, но неумолимо корабль начал опускаться.

Снизу раздался треск стрельбы. На экране Пауэлл увидел, как бегут полицейские, одновременно стреляя куда-то вверх.

А над ними изумрудный огонь тихонько поднимался к неподвижному кораблю.

Пауэлл безнадежным взглядом окинул рубку управление. Он знал, что здесь нет ничего, что могло бы помочь. Тогда он повернулся к пульту, его пальцы лихорадочно забегали по нему. Двигатель протестующе завопил.

Затем, внезапно, на экране появился еще один корабль. А потом лицо Сью Кларк с пылающими зелеными глазами. Позади нее стоял Линн Пламб, руки его лихорадочно бегали по пульту.

– Поддай жару, Сью! – взвизгнул Пламб.

СЬЮ СДЕЛАЛА молниеносное движение. В левом оружейном люке расцвел красный цветок. И в самой сердцевине зеленого пламени начал разрастаться тепловой шар.

«Манхэттен» разорвал свои оковы и полетел, точно пуля. Пауэлл едва успел шевельнуть рукой, как Нью-Йорк уже стал пятнышком где-то далеко внизу.

А на экране снова появилось зеленое пламя. И следом за ним быстро вырастали два корабля, тепловые лучи которых били по зеленому ужасу. Пауэлл мельком увидел заросшее лицо Гектора, сидящего за пультом управления.

— Как раз вовремя, босс, да? — крикнул марсианин и захохотал. — Держитесь!

Пауэлл застыл в нерешительности. Больше всего ему хотелось развернуть корабль и помочь своим союзникам. Но пока Эберли трудился в своей лаборатории, на счету была каждая секунда, которую он мог выиграть. Поэтому Пауэлл направил корабль дальше.

Зеленый шар пламени гонялся за ним в космосе. Остальные два корабля, оснащенные обычными двигателями, неуклюже маневрируя, на мгновение потеряли свою добычу, затем снова нашли. Опять понеслись тепловые лучи.

Изумрудный шар остановился и направился на кораблик Гектора. Он пробился сквозь раскаленные лучи и окутал нос корабля.

Корабельные двигатели тут же умерли. Корабль отправился по спирали в долгий путь обратно к планете.

Сью по-прежнему была по врагу лучевыми пушками. Зеленый ужас развернулся, чтобы встретиться со своим врагом.

Ее корабль начал также падать.

А невидимое зеленое пламя живой энергии мгновение повисело в серой пустоте, затем ринулось к Пауэллу.

Пауэлл рискнул взглянуть вниз. Как раз тот момент там расцвели парашюты с обоих кораблей. Сью, Пламб и Гектор спаслись. Парашюты их раскрылись, так что они могут совершить безопасную посадку.

Удовлетворенно кивнув, Пауэлл обратил все внимание на пульт управления. Но эта секундная задержка оказалась смертельной. Он снова не мог двинуться с места.

Вопль двигателей поднялся до неимоверного уровня. Зеленый свет заполнил весь видеоскрин.

Изумрудно блестя, он проник через открытый люк и нашел Пауэлла, застывшего перед пультом. Тот был холоднее льда, потому что застыл каждый атом его тела. Его разум парализовал страшный, невообразимый, совершенно чуждый ужас. Щупальце света начало вытаскивать Пауэлла из корабля.

Пауэлл не шевелился. Он даже не мог дышать. Тело его было просто ледышкой, мозг замерз. Темный занавес упал на угасающее сознание.

Пауэлл смутно понимал, что это конец.

Затем он постепенно осознал, что его куда-то тянут. Жизнь постепенно пробуждалась в его теле. Он лежал, высунув голову за порог люка, ничего не видя внизу, как кроме беспросветной серости.

А потом в этой серости сверкнули два огня, два шара яркого, зеленого блеска, которые принялись сражаться друг с другом!

Выстрелили ослепительные лучи и встретились в воздухе. Шары света вращались все быстрее и быстрее, удлиняясь, превращаясь в веретена.

А потом они столкнулись, объединились, стали единой и неделимой сущностью, которая была одновременно Космическим Ястребом и Эберли.

Пауэлл лежал на спине, слишком слабый, чтобы двигаться, и лишь беспомощно глядел на космическую битву, развернувшуюся перед ним.

Огни ослепительно вспыхнули. В воздухе прокатился гром. Энергетические титаны разбушевались вовсю.

Они продолжали сражаться. Зеленое пламя ослепляло. Это был божественный блеск, сила, превосходящая человеческое представление! Могущественная сила самой жизни, чистая энергия, злобно пылающая в противоборстве.

Внезапно божественное сияние стихло. Оно потеряло всю свою силу и превратилось в тусклое зеленое свечение. Исчезла ярость битвы. Все было кончено. Зеленое пламя висело спокойно, неподвижно.

Затем, сначала медленно, но постепенно наращивая скорость, оно полетело к кораблю, пока не повисло прямо перед люком. К Пауэллу потянулся огненный усик и поднял его на ноги. От него струился ручеек утешения. И в голове Пауэлла возникли беззвучные слова.

— Пауэлл, наш враг уничтожен.

— Это вы, Эберли? — закричал Пауэлл, все еще дрожа от напряжения и чувствуя себя испуганным ребенком в объятиях у взрослого, этого человека, который уже не был человеком.

— Да, я был Эберли. Я завершил эксперимент. Слишком поздно, чтобы сохранить жизнь Штаппола. Мне очень жаль. — Наступило молчание, затем: — Ну, хватит торчать здесь. Летите в Нью-Йорк. Вы должны быть там, когда я верну город на Землю.

— И вы можете это сделать?

– Да. Я могу управлять машиной измерений Колоссов при помощи энергии, которой теперь обладаю. Только...

– Что только? – с тревогой спросил Пауэлл.

– Я должен остаться здесь. Я не смогу вернуться с Нью-Йорком.

– И неужели нет никакого другого выхода? – воскликнул Пауэлл, чувствуя, как дрожит его голос.

– Нет, – без малейшего сожаления ответил мысленный голос. Моя энергия должна управлять машиной. Для этого я должен быть здесь. Затем я уничтожу эту лабораторию. Эксперимент Колоссов никогда не должен повториться.

ЯЗЫЧОК ПЛАМЕНИ коснулся Пауэлла. Пауэлл понял, что это был жест прощания.

– Подождите! – быстро сказал он. – Вы еще должны ответить на вопросы, ответы на которые Земля никогда не сможет узнать иначе.

– А какие у них еще могут быть вопросы? – тихо спросило пламя.

– Кто такие Колоссы? Что с ними сделал Космический Ястреб? Почему он так много знал еще до того, как исчез Манхэттен? И чего он вообще добивался?

– Я уже и забыл, что у людей не такой развитый разум, как у меня, – сказала пламя. – Ты прав. Человечество должно знать, что это произошло, и что это никогда не повторится опять. Ну, Колоссы были существами из четвертого измерения, которые делили мир с расой, угрожавшей их существованию. Они обнаружили тайну лучей мутаций, но не осмелились использовать ее на своих врагах. Видите ли, лучи могли превратить подземную расу в такую мощную, что они были бы легко способны уничтожить Колоссов. Но лучи могли также и убить их. Земные ученые, борющиеся с неизвестной чумой, сначала проверяют новую сыворотку на животных и судят по их реакции. Подобным образом Колоссы решили проверить свои лучи на жителях Манхэттена.

Пауэлл стиснул зубы и кивнул.

– Сначала они проецировали свои лучи через барьер между измерениями. Но им было нелегко наблюдать за результатами. Тогда Колоссы научились преодолевать разрыв в четвертом измерении между двумя существующими вселенными. Они превратили часть своего мира в пространство, ранее занятое Нью-Йорком. С другой стороны, Нью-Йорк перенесся через гиперпространство в эту Вселенную. Тогда они обратили на город всю силу своих лучей. Если

бы лучи уничтожили людей, Колоссы почувствовали бы себя в безопасности, используя их на своих врагах.

Изумрудное пламя пульсировало и вспыхивало, нетерпеливо пританцовывая на месте.

— А Космический Ястреб?.. — продолжал голос в голове Пауэлла. — Ну, он просто был оппортунистом. Но лучи сделали его научным преступным гением. И в то время он ничего еще не знал о том, что творится. Только после того, как Нью-Йорк прошел через гиперпространство, он угадал правду. Но он ничего не мог сделать. Он ждал, наблюдая за моей работой. А когда обнаружил, что нашел оружие, при помощи которого можно сражаться с Колоссами, то украл его и превратился в чистую энергию. Это был его единственный шанс. Если бы победили Колоссы и вернули Нью-Йорк на Землю, Космический Ястреб все равно оставался бы преступником, за которым охотятся. Но если бы он победил их, попутно в превратившись существо неизмеримой силы, то ему уже нечего было бояться. Понимаете, вот так Космический Ястреб прошел свой путь до самого конца. Ну и, также, у него был соблазн стать сверхчеловеком, почти что богом! Поэтому он сыграл в эту азартную игру. И проиграл.

Внезапно, без всякого предупреждения, огненный шар исчез. Исчезло блестящее изумрудное свечение, растворившись где-то высоко в серой бесконечности неба.

ПАУЭЛЛ ПОЧУВСТВОВАЛ, что у него все путается в голове. Реальность на секунду показалась ему самым ужасным из всех ужасов. Перенесенный через четвертое измерение Манхэттен был словно выдумкой какого-то безумца.

Но тут же он вспомнил, что его корабль парит в бледном, сером неземном небе, резко ограничивающим остров со всех четырех сторон. И он знал, что за этими ограничениями были стены гигантской лаборатории.

На этом острове была вся его жизнь — Гектор, Сью Кларк, Линн Пламб, босс и «Саммит», — а также весь мир, который он знал с детства.

Нью-Йорк будет возвращен на Землю, забрав с собой все признаки своего существования здесь, куда его забросили. По Пятому Авеню снова помчатся лимузины. Будут грохотать поезда наземки, и, как всегда, гореть электрические рекламы над Таймс-сквером. Мужчины и женщины будут снова танцевать в садах на крышах.

Жизнь будет продолжаться. И Пауэлл уже знал, что автоматически возродит все свои прежние привычки. Он по-прежнему будет колесить по Системе, искать сенсации, срывать Куш, стараясь победить свою ревность. Ругаться с Гектором и спорить с начальством...

Корабль опустился на свое обычное место на крыше. Пауэлл вышел наружу. Он был один.

Он нетерпеливо поднял взгляд. Серая пустота была безликой, но, казалось, сквозь нее, откуда-то издалека проглядывает зеленое свечение.

И Майк Пауэлл, всматриваясь в тусклость чужого мира, прошептал:

— Они все забудут. Они забудут вас, Эберли. Но я не забуду. Разумеется, моя жизнь станет такой же, как прежде. Я все еще буду бегать за сенсациями и гоняться за Кушем, буду временами напиваться и, вероятно, попытаюсь подкатить к Сью Кларк. Но я не забуду вас. Никогда не забуду!

When New York vanished, (Startling Stories, 1940 № 3), пер. Андрей Бурцев

15¢

SCIENTIFICATION
AT ITS BEST

STARTLING STORIES

MAR. 1942

A NOVEL OF THE FUTURE COMPLETE IN THIS ISSUE

MAR.

15¢

STARTLING STORIES

A THRILLING
PUBLICATION

FEATURING

TARNISHED UTOPIA

An Amazing Novel
of the Future

By MALCOLM JAMESON

HORNETS OF SPACE

A Hall of Fame Story

By R. F. STARZL

ТИХИЙ РАЙ

МЫ С ЭЛЕОНОРОЙ сидели на старинном диване и ждали возвращения хозяина.

— От этого места у меня мурашки ползают по спине, — сказала Элеонора.

— Это просто один из старинных особняков на Риверсайд-драйв, — ответил я ей. — Мы уже скоро уйдем.

Наш хозяин, Джон Диринг, вернулся с графином и стаканами. Он был красивым, но каким-то бесцветным, мягким, и почти что жалко старался выглядеть гостеприимным.

— Мы не можем долго оставаться, — начал я.

— Оставайтесь, пожалуйста, — сказал он вежливым, можно сказать, даже нежным голосом. — Вы мне очень понравились. По крайней мере, позвольте предложить вам выпить.

Делать было нечего, кроме как принять его предложение. Бренд был хороший, и я откинулся на спинку рядом с Элеонорой, пока потихоньку пил, наблюдая, как отблески от старинной люстры играют в ее волосах.

Благодарность Диринга была слишком обильной, даже смущающей. Он откровенно перебарщивал. Мы с Элеонорой остановились возле Гудзона, — ночь была лунная, — и я вылез из машины, чтобы поглядеть на человека, склонившегося над перилами и явно больного. Он сумел дать мне свою визитную карточку, объяснив, что у него сердечный приступ, и мы отвезли его домой. Вот и все, что мы сделали.

Диринг вертел в пальцах стакан и смотрел на нас.

— Теперь я уже не выгляжу больным, не так ли? — улыбаясь, спросил он. — Ну, работа у меня довольно сложная. Я ученый.

Карие глаза Элеоноры засветились.

— Ученый?

— Или, можно сказать, изобретатель. Я покажу вам, если хотите... — Он заколебался. — Надеюсь, вы не подумаете, что я слишком навязчивый, но... — Его взгляд зацепился за кольцо Элеоноры. — Могу ли я вас поздравить, мистер Корбетт?

— Спасибо, — сказал я.

Он устался на нас.

SILENT EDEN

By HENRY KUTTNER

Author of "Reverse Atom," "Remember Tomorrow," etc.

*A Superhuman Being Shackles Two Mortals in a Private World Where
Only Thought-Power Can Triumph!*

— Вы влюблены. Это хорошо... — Он сделал глоток бренди, потом сказал любопытную фразу. — Эмоциональные ценности так непредсказуемы у людей.

От этих его слов у меня по позвоночнику пробежала внезапная холодная дрожь. Люди, сказал он так, словно говорил о какой-то расе, отличающейся от его собственной. Это была странная мысль, которую я постарался выкинуть из головы.

Диринг поднялся.

— Позвольте мне показать вам мое изобретение. Это может вас развлечь.

Казалось, он жаждал выразить свою благодарность. Мне даже стало неудобно.

Но мы еще не могли уйти, не обидев Диринга.

Элеонора тихонько пожала мне руку.

— Пойдем, Барни. Мне любопытно.

ИТАК, МЫ последовали за Дирингом вниз по лестнице, ведущей в подвал. Там он открыл дверь в стене, и мы оказались в оцментированной комнате, где не было ничего, кроме... Кроме чего?

Я замер, не понимая, что именно вижу перед собой.

Он неподвижно висел без всякой поддержки в воздухе, примерно метрах в двадцати от пола — светящийся шар, от которого почему-то сразу же у меня заболели глаза. Он был не больше моей головы и сиял бледным, белым, фосфоресцирующим светом. Но по его поверхности ползали какие-то тени. От этого он почему-то казался живым.

И еще шар покачивался, словно на морской волне, бесконечными, непредсказуемыми движениями... Странно все это выглядело!

— Что это? — спросила Элеонора.

Диринг, улыбаясь, прислонился к стене.

— Ну же, не бойтесь. Потрогайте его.

Facing me was a complete replica of myself

Я протянул руку, и рука была остановлена в нескольких сантиметрах от поверхности шара, словно я наткнулся на какую-то невидимую стену. Я провел рукой сначала над шаром, потом под ним. Не было ни проводов, ни стеклянной опоры.

— Что его держит? — спросил я Диринга. — Магниты?

Диринг покачал головой.

— Это довольно сложно объяснить. Вы не можете его коснуться, потому что он существует в другом континууме пространства-времени. То есть, на другом плане существования.

— А что это такое? — спросила Элеонора, восхищенно разглядывая, как ее кольцо сверкает в сиянии шара.

— Можете называть это материализатором мыслей. — Диринг по-прежнему улыбался, но мне показалось, что взгляд у него стал настороженным. — Он работает по принципу любого усилителя. Если бы у вас было достаточно силы воли, мистер Корбетт, вы могли бы создавать материальные объекты, просто думая о них, одной силой мысли.

Элеонора взглянула на меня. Уж не помешан ли слегка наш хозяин? — так и читалось в ее взгляде.

— Назовите какой-нибудь цветок, — сказал Диринг.

— Роза, — сказал я.

— Лилия, — одновременно со мной сказала Элеонора.

Наш хозяин кивнул. Он подошел к стене и открыл дверцу, которой я прежде не замечал. За ней оказалась высокая, глубокая ниша, выложенная веществом, похожим на черное стекло. Пол в ней был из такого же материала, и на нем лежало нечто, похожее на шлем, покрытый проводами, такими крошечными и так плотно переплетенными, что они напоминали ткань.

Диринг надел шлем себе на голову.

От него тянулся провод с вилкой на конце. Диринг закрыл дверь, вставил вилку в розетку на стене, затем щелкнул прозрачной панелью на двери.

— Смотрите внимательно.

Мы с Элеонорой устали в нишу. Внезапно откуда-то сзади донесся стонущий звук. Я оглянулся. Невероятный сияющий шар вращался, как крошечная планета.

Глаза Диринга были закрыты. По поверхности его шлема бежали ручейки какого-то опалесцирующего света. Свет отражался в стенах ниши.

Внезапно через панели я увидел прозрачный туман. Он сгущался, образуя что-то знакомое. И за стеклом возник туманный призрачный цветка — это была лилия.

Она сгустилась и стала трехмерной и совсем настоящей! Невероятно, но она действительно лежала там. А рядом сгущалось в виде розы еще одно облачко тумана.

Затем свет, ползающий по стенам, побледнел и исчез. Я встретился взглядом с Элеонорой и прочитал в ее глазах абсолютное недоверие.

Что это? Фокус?

ДИРИНГ ОТКРЫЛ дверь ниши, потом поднял цветы и протянул их Элеоноре.

Цветы выглядели совершенно обычными и были очень свежими. Их словно только что сорвали с клумбы.

— Как, черт побери, вы это сделали? — слабым голосом сказал я.

Диринг ухмыльнулся.

— Машина сконцентрировала мои мысли и усилила их, — сказал он.

Клянусь жизнью, я все равно не мог понять, откуда взялись эти цветы.

– Вы имеете в виду... Вы их создали?

Диринг кивнул.

– Да, я их создал, мистер Корбетт. Индийские факиры могут делать то же самое... Иногда.

– Это гипноз? – рискнул предположить я.

– Я не гипнотизировал вас. И, во всяком случае, что такое гипноз? Способ заставить вас увидеть то, чего на самом деле нет?

– Да...

– Это не совсем так. Под гипнозом вам можно внушить, что вы чувствуете какие-то определенные запахи, кушаете блюда, что-то слышите, а также что-то видите. Если вам внушить, что вас коснулись раскаленным утюгом, у вас появится ожог. Но ведь если бы утюг был настоящим, им можно было бы сделать то же самое.

Конечно, он побеждал меня. Тем не менее, я не был ни в чем убежден. Улыбаясь, Диринг продолжал:

– У некоторых людей необыкновенно мощная сила мысли. Гипноз – это лишь одна из ее форм. Это способ создания материи. Обычно это можно сделать лишь на короткое время, но... Но мои цветы никуда не исчезнут. Машина сделала их реальными, сосредоточив и усилив мои мысли. Я как следует представил их себе – и вот они здесь.

Элеонора понюхала розу.

– Прекрасно пахнет. Почти как настоящая.

– Вас трудно убедить, – сказал Диринг. – Глядите сюда. – И он закрыл глаза.

Я услышал задыхающийся взглас Элеоноры. Мой взгляд отошел от нашего хозяина, и меня парализовал шок невероятного изумления.

Снова закрылась дверь ниши. Через панель я увидел знакомую игру света на стенах и светящийся туман, который сгущался прямо у меня на глазах.

А потом туман превратился в Элеонору!

Диринг открыл дверь. Коротко вздохнув, Элеонора схватила меня за руку.

– Ой, Барни! – пискнула она.

– Пожалуйста, не пугайтесь, – сказал наш хозяин. – Ваш двойник не имеет сознания – он как робот. У него нет ни инициативы, ни интеллекта. Смотрите. – Он обернулся к своему созданию. – Иди вперед, – приказал он.

Существо прошло вперед и остановилось по команде Дириंगा. Оно было точной копией Элеоноры в каждой детали.

И почему-то я ощутил прилив горячего гнева. Это было утопично отвратительным, словно у меня на глазах оскорбили мою невесту.

– Прекратите, Диринг, – сказал я.

Он внимательно поглядел на меня.

– О, простите, я забыл о вашей естественной реакции. Но это не более человек, чем восковой манекен.

– Она живая!

– Она неразумная. Она лишена эмоций. Она просто робот из плоти и крови. Видите ли, мистер Корбетт, все тела состоят из электронов, создающих индивидуальный в каждом случае атомный образец. Если свободные электроны расположены в виде вашего конкретного образца, создается точный двойник. Строительные блоки материи витают повсюду вокруг нас. Моя машина просто сфокусировалась и сконцентрировала мое мысленное изображение цветка или человека. Вот знакомый вам пример – пантограф. Он делает точные копии рисунков, точно также как мое устройство делает точные копии трехмерных объектов.

ЛЮБОПЫТСТВО ПРЕОДОЛЕЛО мой гнев.

– Вы же можете сделать целое состояние такими фокусами. Вы можете создавать золотые украшения... Да что угодно! Если они настоящие... Ну, вы можете сделать целую армию роботов!

Диринг покачал головой.

– Никто не может командовать ими, но я попробую.

Мне это не понравилось. Наконец, Элеонора набралась храбрости и сказала существу, чтобы ее двойник закрыл глаза, но ничего не произошло.

Диринг кивнул в сторону ниши.

– Мне даже не нужен этот фокусирующий аппарат. Он облегчает мою задачу, но настоящим сердцем машины является шар. Вот глядите!

Передо мной прямо в воздухе возник тонкий туман. Он закрутился и начал уплотняться, как крохотная галактика. И приобретает призрачную форму человека.

Внезапно мне показалось, что я гляжусь в зеркало. Передо мной стояла идеальная копия меня самого. Полная копия, вплоть до последней детали одежды!

Бледное, красивое лицо Диринга ничего не выражало. Но глаза моего двойника уставились прямо в мои глаза.

И я испытал холодный шок. Казалось, ледяные пальцы проникли в мой мозг. Тело мое внезапно было парализованным.

Я потерял сознание? Нет, ведь я слышал голос Диринга. Но я не мог двигаться, не мог даже пальцем шевельнуть.

— Вы повинуетесь, — сказал Диринг.

Мне показалось, что мысли мои превратились в клетку с птичками, бьющимися о решетку. Я не мог думать.

— Вы повинуетесь, — продолжал мрачный голос. — Вы не можете предать меня. Когда вы попытаетесь рассказать всем, кто я или что делаю, когда вы попытаетесь получить помощь против меня, то не сможете этого сделать. Запомните! А теперь — спать.

И после этого нахлынула темнота...

ПРОСНУЛСЯ Я в Раю.

Это было не образное выражение, а настоящий Рай. Когда я открыл глаза, то лежал на клевере под деревом, рядом со мной спала Элеонора. Я взглянул наверх, как мне показалось, на небо. Но небо было не голубое. Оно было мягкого золотистого оттенка, безоблачное и лишенной глубины. Я уж подумал, не перенесли ли меня на какую-то другую планету.

Все вокруг, казалось, оправдывало такую догадку. Трава, на которой я лежал, была голубоватого оттенка, таким же был и мох. А дерево...

Его листья тоже были голубоватыми, на ветвях краснели гроздьями розовато-желтые, круглые фрукты размерами больше персика.

Я встал и увидел, что стою на вершине холма. Рядом вниз по склону бежал ручей кристально прозрачной воды, исчезающий в траве. Вокруг росли самые разнообразные деревья, о каких я никогда и слыхом не слыхивал.

А холм был обнесен стеной! То, что я сначала принял за небо, было на самом деле нечто вроде большой золотой чаши, накрывающей нас. Золотая стена была сплошная и, поднимаясь вверх, сливалась с куполом над головой.

И ТУТ ПРОСНУЛАСЬ Элеонора. Я вспомнил о Диринге. Так или иначе, это сделал с нами именно он. Загипнотизировал нас и привез сюда. Но куда это «сюда»?

Элеонора открыла глаза, увидела странное небо и, тихо вздохнув, потянулась ко мне. Я обнял ее, и некоторое время мы молчали, успокаиваясь от близости друг друга.

— Барни, — наконец, сказала она, — что случилось?

— Последнее, что я помню, был Диринг, — гипнотизирующий меня, — ответил я.

Ее карие глаза расширились, когда она увидела наш странный маленький мир.

— Но... Я не понимаю.

Оказалось, последним, что помнила Элеонора, был голос Диринга, велевший ей спать. Но что происходило до или после, ни она, ни я не могли себе представить.

— Мы не можем до сих пор быть в его доме, — сказал я. — Это очевидно.

Я поднялся и сорвал один из розовых плодов. Он был такой сочный и сладкий.

— Мы здесь единственные люди, — сказала Элеонора. — Может, пойдём и посмотрим наш личный мир.

Я кивнул в сторону стены.

— Начнем с нее?

Я специально не проявлял никакого волнения, понимая, что Элеонора может быть на грани истерики, и для этого было хорошее основание! Мы вместе спустились с холма и пошли по роще рядом с ручейком. Потом мы выпили из него воды и поняли, какая она сладкая.

Скопление разнообразных фруктов висели над нами, точно луны. Кроме того, золотое небо было неизменным и вечным. Это был Рай.

Но он был очень тихим. В ветвях не пели птицы. Не было ни малейших признаков насекомых. Вероятно, мы с Элеонорой были единственными живыми существами в этом раю.

Даже Адам и Ева не были такими одинокими!

Мы дошли до золотистой стены, и я изумленно уставился на нее. Стена была из какого-то вещества, гладкого, как пластик. Я протянул руку, чтобы коснуться его, но рука погрузилась в стену, словно это был туман!

Все это было ненастоящим... Это была иллюзия. Внезапно я ощутил восторг. С криком я бросился вперед, прямо сквозь стену, и на мгновение ослеп от яркого солнечного света. Прохладный свежий ветерок дунул мне в лицо.

Склон, на котором я оказался, спускался в проход между зелеными деревьями — знакомыми, земными деревьями — к металли-

ческой ограде. За оградой была видна автомагистраль, по которой пронеслись машины.

– Все в порядке, Элеонора, – сказал я, оглядываясь.

Но Элеоноры там не было.

Меня пронзил страх. Я резко повернулся, но золотая стена исчезла. Я глядел на плоскую, голую равнину, протянувшуюся на целый километр, прежде чем снова начинались деревья. И на этой равнине не было ничего!

– Элеонора! – закричал я, но изо рта у меня вырвался лишь хриплый шепот.

Спотыкаясь, я бросился вперед, и внезапно под ногами у меня оказалась мягкая трава. Небо снова было накрыто золотистой чашей. Впереди стоял холм, покрытый странными деревьями, а в моих объятиях оказалась Элеонора с мокрыми от слез щеками.

– Барни! Барни!

Позади меня опять была стена, золотистая, загадочная, закрывающая собой знакомый земной пейзаж.

– Сквозь стену можно пройти, – сказал я. – А недалеке, ниже по склону, тянется шоссе. Идем.

Она покачала головой.

– Я не могу! Я увидела, как ты исчез в стене, и попыталась следовать за тобой, но не смогла!

Я ошеломленно покачал головой.

– Но если смог я...

Я ОПЯТЬ ПРОВЕРИЛ рукой стену. При этом Элеонора положила свою руку на мою. Бесполезно. Тогда я схватил руку Элеоноры и с силой толкнул ее вперед, сквозь стену. Но стена внезапно стала настоящей и твердой.

– Ты делаешь мне больно, – сказала Элеонора. – Это бесполезно, Барни. Я пыталась уже много раз...

Однако мы не сдались, пока не стало совершенно очевидно, что я могу пройти через эту стену, а она – нет. Обойдя вокруг стены с внутренней стороны, мы поняли, что это непроходимый барьер – но непроходимый только для Элеоноры.

И что дальше?

– Ты должен оставить меня, Барни, – сказала Элеонора. – И пойти за помощью. В полицию или куда-то еще.

– Оставить тебя здесь?

Я огляделся.

— Я буду здесь в безопасности. Здесь нет ничего, что могло бы причинить мне вред.

Это было правдой. Мы видели весь наш маленький, личный мирок. Он был пуст. Еда и вода были здесь в изобилии. Не было ничего живого, кроме нас самих.

Мне очень не хотелось покидать Элеонору, однако, это был единственный способ. Тогда, наконец, я снова прошел через золотистую стену с болезненным, ужасным чувством видя ее бледное, испуганное лицо, от вида которого у меня разрывалось сердце.

Позади меня снова не было ни холма, ни Элеоноры, только голая, засушливая равнина. Я поспешил вниз по склону и через пять минут добрался до шоссе.

Там, припаркованная на обочине, стояла моя собственная машина.

Это потрясло меня. Дверца была заперта, но, порывшись в карманах, я нашел ключ. Река Гудзон — я решил, что это Гудзон — виднелась по другую сторону шоссе, поэтому я поехал на юг. Мне срочно нужна была помощь.

Добравшись до какого-то маленького городка, я подошел к полицейскому, регулировавшему движение. Его румяное лицо вопросительно повернулась ко мне.

— Чем я могу вам помочь?

Я открыл было рот, но не смог произнести ни звука. Я хотел рассказать ему о том, что произошло. Хотел попросить его о помощи, попросить его вернуться со мной туда, где ждала Элеонора... Но я не мог выдать из себя ни слова.

Тогда я внезапно вспомнил гипнотическую команду Диринга: «Вы не можете предать меня. Когда вы попытаетесь рассказать всем, кто я или что делаю, когда вы попытаетесь получить помощь против меня, то не сможете этого сделать...»

Но это же невозможно! Диринг не может командовать моим языком, мне нужно всего лишь сказать несколько слов, и власти сделают все остальное. Несколько слов... Но я не мог вымолвить их.

Полицейский продолжал глядеть на меня.

— Ну, что?

Затем он шагнул вперед и подозрительно понюхал меня.

— Скажите, пожалуйста, это дорога на Нью-Йорк? — наконец, спросил я и не испытал никаких затруднений, произнося эти слова.

— Конечно. Поезжайте прямо вперед, через Йонкерс.

Я поехал дальше, в мыслях моих царил хаос. Как я могу получить помощь, если не могу говорить? Ладно, можно тогда написать! Я припарковал машину, достал блокнот и карандаш.

Однако у меня получались только бессмысленные каракули. Гипнотическая команда Диринга была для меня слишком сильна. Всякий раз, когда я пытался предать его, то оказывался перед непроходимым психическим барьером, таким же сильным, как золотистая стена, за которой была заперта Элеонора.

НО Я СДЕЛАЛ еще несколько попыток, прежде чем полностью убедиться в этом. Затем направился в Верхний Манхэттен, в дом Диринга. Это, по крайней мере, было для меня возможным.

Я доехал до особняка и вышел. Постучал старомодным молоточком по двери. Дверь открылась, и Диринг, бледный, слегка улыбающийся, шагнул назад, держа в руке пистолет, направленный прямо мне в сердце.

— Заходите, — пригласил он. — Я ждал вас.

Диринг привел меня в гостиную, где мы сидели накануне.

— Сядьте и расслабьтесь. Прежде всего, Корбетт, поймите, что вашей невесте не грозит никакая опасность. Ей никто не навредит. И вам тоже.

— Никто, кроме вас, — сказал я.

Он рассмеялся и кивнул на пистолет.

— Да садитесь же. Не будьте таким мелодраматичным. Я хочу вам все объяснить, и это можно сделать в комфортной обстановке.

— Что вы сделали с нами?

Почему-то мой голос не был таким спокойным. Меня потрясла уверенность Диринга.

— Я владелец этого участка земли на Гудзоне, — сказал он. — Того самого, на котором вы оставили мисс Данн. Я давно подготовил все это. Рай под золотистым куполом был создан мной при помощи моей машины. Я создал его прошлой ночью.

— Создали его?

— Ну, ведь вчера я создал цветы, не так ли? И роботов-людей? Трудно было представить себе Рай и окружающую его непроходимую стену. Непроходимую для вашей невесты.

— И зачем вам все это понадобилось?

Он криво усмехнулся.

— Ради эксперимента. Холм, в некотором смысле, теплица, точно оранжерея под стеклом. Снаружи он невидим. И ни для кого, кроме вас, золотистая стена не проходима. Никто не может войти туда

внутри, а Элеонора Данн не может выйти наружу. Дело в том, Корбетт ... — Он слегка заколебался. — Я *не homo sapiens*. Вообще не человек.

Я уставился на него. Геринг поднял хорошо ухоженную руку и мельком оглядел ее.

— Вы помните, как я прошлой ночью создал тела-роботы? Ну, так вот, это тело тоже было создано искусственно. Как я уже сказал, я не человек. Мой дом находится на планете, вращающейся вокруг звезды, которую вы называете Алгол. Моя естественная форма была бы невидима для вас.

Очевидно, на моем лице было написано недоверие.

— Я прилетел на Землю, чтобы изучить вашу расу, Корбетт. Наша раса гораздо умнее вас. Мы открыли межзвездные путешествия давным-давно. Мы эволюционировали далеко за пределы вашей собственной цивилизации. Мы — существа чистой мыслесущности, в своей естественной форме. Однако, нам нужны слуги-рабы, и у нас были такие, адаптированные ко всем нашим потребностям, которых мы обучали на протяжении веков. Но в последнее время они слишком деградировали для того, чтобы мы могли их использовать. Тогда мы отправили экспедиции на другие планеты, чтобы найти расу, подходящую для наших требований. Если люди окажутся удовлетворительными с этой точки зрения, мы отправим флот космических кораблей, чтобы перевезти на Алгол достаточное количество мужчин и женщин, и дать начало новой расе слуг.

— Да вы просто спятили! — воскликнул я.

— Погодите немного. Моя работа здесь почти завершена. Естественно, я должен был тщательно исследовать людей. Но данный эксперимент — последний. Когда он закончится, я вернусь на Алгол. Но когда я впервые добрался до вашей планеты, то решил, что мне нужна человеческая форма. Это облегчило бы мои исследования, и я создал робота, — он коснулся своей груди, — а затем вошел в него. Это позволило мне жить среди людей, как человеку, но также немного мешало.

ЭТО СЛОВО заставило меня встрепенуться. Я напрягся, но Диринг только криво усмехнулся.

— Это вам не поможет. Видите ли, в моей собственной форме мне не нужна машина для материализации мыслей. Но когда я в облик человека, она необходима. Без обычной силы мысли я так же уязвим, как и вы. — Он заметил, как мышцы мои напряглись, и предупредительно поднял пистолет. — Не поймите меня неправильно.

Это тело может пострадать, но вы не навредите мне настоящему. Только одно может уничтожить мою жизнь.

— Что именно? — задал я вопрос, не ожидая ответа, но, к своему удивлению, получил его.

— Электричество. Однако я стараюсь держаться подальше от него.

Это показывало, насколько он уверен в себе — сказать мне такое!..

— Но вы неуязвимы, пока у вас в подвале стоит машина, — сказал я.

— Ее возможности ограничены. Сейчас все ее силы используются для поддержания участка под золотым куполом. Но теперь мне больше не нужна будет эта машина, а поскольку я скоро покину ваш мир, мне не нужно будет создавать другую. Мне теперь не нужны дополнительные усилители. Все было тщательно спланировано заранее, с того момента, когда я встретил вас обоих у Гудзона.

— Спланировано, да?

— Да. Мой приступ был трюком, предназначенным, чтобы заманить сюда вас обоих.

— Но почему именно нас?

Он пожал плечами.

— Это могла быть любая молодая, влюбленная пара. Появились вы и были встроены в мой план. Почему? Ну, как я уже сказал, я долго жил здесь и изучал человечество. Но мне нужно изучить еще один фактор. Эмоциональные ценности. На Алголе мы обходимся без эмоций. Я хочу узнать, насколько важен такой биологический фактор, как любовь.

Я почувствовал прокатившуюся у меня по телу горячую волну гнева.

— И как вы это сделаете?

— Вы можете присоединиться к Элеоноре Данн — навсегда — в ее тюрьме или можете жить дальше без нее.

— Что, черт побери, вы имеете в виду?

— Когда вы снова пройдете через золотистую стену, она станет тюрьмой и для вас. Вы останетесь там до самой смерти вместе со своей невестой. У вас будет много еды и напитков, а также общество друг друга. Но не будет никакой другой жизни.

Я почувствовал, как у меня пересохли губы. А Диринг продолжал:

— Один из вариантов — забудьте о девушке и продолжайте жить без нее. Конечно, она будет потеряна для вас навсегда...

— Черт бы вас подрал! — закричал я.

Он поднял руку.

— Таков мой эксперимент. Эксперимент, посвященный эмоциям. Я знаю, что люди будут сражаться и умирать, чтобы спасти своих товарищей, но многие из них верят в последующую жизнь. Так что идти на смерть им не трудно. Однако, стерильное существование — нечто совсем иное. Вы должны решить, хотите ли отказаться от всего остального ради этой девушки.

В ГОЛОВЕ у меня царил полный хаос. Я любил Элеонору, и она любила меня. Но если мы двое будем вечно заперты в этом стерильном Раю, не иссякнет ли наша любовь? Бесконечно проживать день за днем, и каждый день не будет отличаться от всех предыдущих, а также грядущих. Возможно, в таких условиях мы возненавидим друг друга — жить жизнью животных, есть и спать... Нет, даже не животных! Нас замучают воспоминания и надежды.

— Это бесчеловечно, — неуверенно сказал я.

Диринг кивнул.

— Нас будут искать. Вам не избежать расплаты!

— Я принял меры предосторожности. Прошлой ночью я изучил ваши мысли и узнал все, что было мне нужно: где вы живете и так далее. Если вы решите присоединиться к девушке, я использую ваших роботов. Я дам им оружие, прикажу идти к вам домой и убить себя. Это будет самоубийство, поскольку они являются идеальными манекенами.

Я ничего не ответил. Мне в голову пришла одна мысль. Зачем Дирингу эти меры предосторожности? Он что, боялся, что наше исчезновение будет расследовано и могут выйти на него?

Но что может причинить ему вред? Ничего, пока он все еще в человеческом облике, даже и без использования материализатора мыслей.

— Послушайте, — сказал я. — У меня в банке около пятнадцати тысяч баксов. Может быть, я...

Выражение бледного лица Диринга не изменилось.

— Зачем мне деньги? Я сделал все, что было нужно, и покину Землю, как только вы примете решение. Мне понадобится около недели, чтобы построить аппарат для освобождения моей настоящей личности от этого тела, но у меня и без вас хватит денег на это оборудование. — Он пожал плечами. — Вы должны принять решение. Присоединяйтесь к девушке или живите без нее.

Я мысленно вернулся в этот Рай, чудесный мир под золотистым небом. Маленький мир, но он держал Элеонору в плену. И будет держать, и ждать того дня, когда она умрет.

И мы двое, мужчина и женщина, будем жить там без всяких контактов с внешним миром, совершенно бесполезной, бесцельной жизнью...

— Я вернусь, — сказал я.

Диринг глубоко вздохнул.

— Что же, это решение завершает мое изучение Земли. — Он пристально взглянул на меня. — Я не собираюсь ничего смягчать. Вы должны пройти через это.

— Знаю, — сказал я, вставая.

Он проводил меня до двери. Я сел в машину, поехал, свернул в переулок и там припарковался. Потому что в моей голове все сидела эта мысль. Диринг принял все меры предосторожности, но он не был неуязвим. Возможно, у меня будет возможность. Отчаянный шанс, но я сам находился в отчаянном положении.

Как только я вернусь к Элеоноре, золотая стена захлопнется за моей спиной. Ну, так я не собираюсь возвращаться — пока что не собираюсь.

Вместо этого я вернулся в особняк Диринга.

Здание было старое, я не ожидал никаких затруднений проникнуть в него, если только там не установлена охранная сигнализация. К счастью, никакой сигнализации не было. Диринг оказался чересчур уверен в себе, и я молился, чтобы он не обнаружил меня здесь, пока я не закончу то, что должен сделать.

В КОМНАТУ я проник через окно, пыльное и давно неиспользуемое. Я на цыпочках подошел к двери и осторожно открыл ее. Интересно, где сейчас Диринг? Треск огня заставил меня прокрасться на цыпочках по коридору к комнате, где мы только что разговаривали. Диринг был там, сжигая в камине какие-то бумаги. Уничтожал все следы своего присутствия на Земле.

Меня он не слышал. Я вернулся, нашел дверь в подвал и осторожно спустился по старым ступенькам. Однажды они скрипнули под моим весом, я на мгновение замер, но никакой тревоги не было слышно.

Подвал, как я и помнил, был загроможден пустыми упаковочными коробками, когда-то наполненными научным оборудованием. У стены неподвижно стояли две фигуры, едва видимые в свете, просачивающимся сквозь запыленное окно. Сердце у меня заныло, когда я бросил взгляд на знакомую фигуру, повторяющую Элеонору во всех отношениях, кроме разума.

С учащенным пульсом я подошел к внутренней двери и открыл ее. Фосфоресцирующий шар по-прежнему висел в воздухе. Если бы я только мог уничтожить его! Но я не мог даже прикоснуться к этой штуке, существующей словно в другом континууме.

Когда я нашел его, то вернулся к нашим двойникам. Двойника Элеоноры я игнорировал, но собственное внимательно осмотрел. Он даже дышал. Мне было трудно это сделать, но я все же поднял лом и разбил ему голову. Результаты были... ну, ожидаемые.

Борясь с тошнотой, я затащил неподвижный теперь манекен за коробки из-под упаковки и накрыл его мешками. Пятен на полу не было. Я занял место робота рядом с Элеонорой и стал ждать.

Казалось, я ждал сотню лет.

Это была самая трудная, самая изнуряющая работа, какой мне пришлось заниматься за всю свою жизнь. Я выдавал себя за робота, бессмысленного и бездушного. Более, чем когда-либо, я испытывал бесконечные отвлекающие факторы, которые мешали стоять неподвижно. У меня чесалось в носу. В горле пересохло. По коже ползали мурашки, и она была влажной от пота. Интересно, разгадает Диринг этот трюк, который я собирался сыграть с ним?

Хлопнула дверь. На лестнице прозвучали шаги. И появился Диринг, держа в каждой руке по пистолету.

Я заставил себя стоять неподвижно, даже не мигая.

Диринг не взглянул на ящики из-под упаковки, за которыми лежал разбитый робот, хотя мне так и чесалось посмотреть в том направлении. Он положил мне в карман один пистолет, а второй убрал в сумочку двойника Элеоноры.

Затем заговорил четко и отчетливо:

— Вы уже получили указания. Идите туда, куда я вам сказал, дождитесь, пока останетесь одни, затем выстрелите себе в голову. Вот ключи от двух квартир.

Он дал нам ключи — ключ Элеоноры и мой собственный, украденные из наших карманов прошлой ночью.

— Теперь идите.

Робот рядом со мной шевельнулся, пошел вперед и стал подниматься по лестнице. Я последовал за ним, чувствуя, как Диринг глядит мне в спину.

Он обогнал нас по дороге, открыл перед нами входную дверь и захлопнул ее за нами, и я пошел по улице в компании с живым роботом.

Робот свернул налево. Я последовал за ним, но на первом повороте остановился, а манекен шел дальше. Я знал, что он направляется в квартиру Элеоноры, где убьет себя.

Я ПОСПЕШИЛ к своей машине, быстрой рысцой пробежал полквартиры, затем поспешно поехал в офис моего адвоката. Я не знал, сколько у меня времени оставалось, но теперь, когда мой план начал исполняться, я должен был пройти его до конца.

Мой адвокат был поражен, когда я сказал ему, что хочу немедленно изменить свое завещание. Я быстро передал ему, что именно хочу изменить, подписал еще не заполненный бланк и оставил его. Прошло менее двадцати минут.

Я завещал все свое имущество Элеоноре Данн. В завещании я указал, что, если она не переживет меня, то наследство должно перейти Джону Дирингу. Его визитка по-прежнему была у меня в кармане, я подтвердил его адрес.

Когда я покинул адвоката, то первым делом позвонил в полицию.

— Говорит Барни Корбетт, — сказал я. — Вы не знаете моего имени, но меня собираются убить. Свяжитесь с моим адвокатом. Он все знает об этом.

Я специально не упоминал Диринга, поэтому мог говорить свободно, без гипнотического блока, наложенного на меня.

После этого я сел в машину и помчался к Гудзону с такой скоростью, словно за мной гнались все черти из ада.

Я вышел там, где машина стояла раньше, поднялся по склону и остановился у края пустой равнины. Затем прошел через невидимый барьер. Элеонора бросилась ко мне по склону холма.

— Все в порядке, дорогая, — сказал я, крепко обнимая ее.

Затем я осторожно протянул руку и коснулся золотистой стены. Стена была твердой. Я заключен в Раю вместе с Элеонорой. Навсегда.

Но навсегда ли?

Прошло кое-какое время, прежде чем я смог рассказать, что сделал. Но прежде я сказал ей, что не хочу уходить от барьера. Мы сели на мягкую траву, и я начал свой рассказ.

— Полиция свяжется с моим адвокатом, — сказал я. — Он будет настроен подозрительно из-за изменения завещания и отправит их по адресу Диринга. Там они найдут двойника, похожего на мой труп, убитого и спрятанного в подвале. К тому времени они уже будут знать, что я оставил эти деньги тебе, будут тебя искать — и, по-види-

мому, найдут мертвой. Разумеется, это будет твой робот, но они-то этого не узнают.

Элеонора прикусила губу.

— Какая от этого польза, Барни?

— Они обвинят Диринга в убийстве, вот и все.

— Но если он обладает сверхчеловеческими силами...

— К этому времени он уже не будет обладать ими. Без своего усилителя мыслей он такой же уязвимый, как и все мы. Ему нужна неделя, чтобы построить устройство, которое освободит его разум из тела, созданного им точно также, как наших роботов-двойников.

— Однако они не смогут его убить.

— Его может убить электричество. Он сам сказал об этом. А ты ведь знаешь, дорогая, как казнят убийц в нашем штате? Их сажают на электрический стул.

Но как это поможет нам?

Диринг не захочет умирать. Но без материализатора мыслей он уязвим.

— Тогда он использует его, вот на это я и надеюсь, — мрачно сказал я. — В настоящее время вся мощь материализатора используется для поддержания нашего личного ада. Но если Диринг использует машину, наш «Рай» перестанет существовать. По крайней мере, я на это рассчитываю. Теперь нам остается только ждать.

И МЫ СТАЛИ ждать. Казалось, часы тянулись как годы. За нашими спинами возвышался холм, чарующий, экзотический, нерезальный, заманчивый. Журчал ручеек, текущий вниз по склону. Да, это был Рай.

Затем, без всякого предупреждения, золотая стена растаяла, точно сон. Перед нами появился знакомый земной пейзаж, а за ним шоссе. Мы бросились вперед, чувствуя, как отяжелели ноги, пробежали мимо из-за ограды и ринулись к дороге.

Когда мы оглянулись, призрачного холма уже не было. Вместо него расстилалась плоская, засушливая равнина.

— Диринг воспользовался машиной, чтобы спасти себя, — сказал я. — Это переключило его устройство на другие задачи. В любом случае, мы убежали уже достаточно далеко.

Моя машина ждала там, где я ее оставил. И мы поехали в Нью-Йорк. По пути я одной рукой обнимал Элеонору, крепко прижимая к себе. Солнце уже спустилось за Гудзон, прежде чем мы пересекли реку Гарлем.

Я ожидал неприятностей с полицией. И действительно, меня допросили, но допрашивающие были смущены и поглядывали на меня недоверчиво. Полиция нашла тело моего двойника и труп того, что, по-видимому, являлось Элеонорой Данн. Они арестовали Джона Диринга. Но он вырвался из их рук, бросился в подвал и заперся там. Когда выбили дверь, то нашли его тело с разнесенной выстрелом головой.

Я догадался, что нашли они не тело Диринга. Это был робот-двойник, созданный им при помощи материализация мыслей. Когда внимание полицейских на мгновение отвлеклось, он сумел убежать, прихватив с собой свою машину. Это было бы невозможно, если бы невероятные способности его устройства.

Но для того, чтобы использовать машину, ему пришлось освободить нас с Элеонорой из нашей тюрьмы.

Полиция была озадачена исчезновением трех трупов. Трупы просто исчезли – растворились в воздухе, как утверждал перепуганный патрульный. Я знал, кто ответственен за это, но помалкивал.

Вот таким образом я выкрутился. Мы не совершали никаких преступлений. И, наконец, нас освободили, правда, сперва проведя нравоучительную беседу.

Через неделю мы поженились.

Эту историю следует закончить одним небольшим поскриптумом. А именно, письмом, однажды утром пришедшим из небольшого городка в Южной Дакоте. Вот что там было написано:

«Уважаемый мистер Корбетт!

*Я пишу для того, чтобы успокоить вас. Вы большие не увидите Джона Диринга, потому что к тому времени, как получите это письмо, я уже покину Землю в своей истинной форме. Однако я думаю, вы можете опасаться продолжения экспериментов. Но вам не нужно этого бояться. Вы очень умно перехитрили меня. Но я не сказал вам об истинной цели моего плана. Это было вовсе не испытание эмоциональных реакций. Я проверял интеллект обычного человека, выбрав образец наугад. Ситуация, в которую я вас поставил, была явно неразрешимой, и я хотел посмотреть, как можно применить к ней логику *homo sapiens*. Вы решили проблему аккуратно и умно, и, кстати, дали мне сведения, которые были нужны для оценки человеческого интеллекта. Ваша раса слишком логична, чтобы использовать ее в качестве слуг на Алголе. Мы найдем более подходящий материал в другом месте, на какой-нибудь другой планете в виде какой-нибудь менее разумной расы. Итак,*

моя задача на Земле выполнена, и вам не стоит бояться, что я или кто-то другой из моего народа когда-нибудь вернется сюда.

Джон Диринг».

Итак, с получением этого письма, исчезла последняя тень сомнений. Мы с Элеонорой женились и были невероятно счастливы. Оставалось только одна мелочь.

— Когда ты вернулся за мной, то верил, что мы оба выберемся из этой тюрьмы, — недавно сказала мне Элеонора. — Значит, на самом деле ты не принимал решения, которого хотел добиться от тебя Диринг. А что, если бы ты знал, что выхода нет. Что бы ты тогда сделал?

Разумеется, на это мог быть только один ответ. Я дал его. Но Элеоноре не следовало задавать мне такой вопрос.

Потому что сейчас я не могу не думать о том, что бы я сделал...

Silent Eden, (Startling Stories, 1942 № 3), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

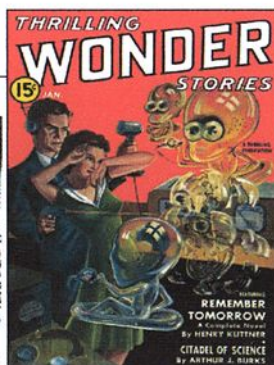
МСТИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА. Повесть	5
Avengers of space, (Marvel Science Stories, 1938 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
КОГДА НЬЮ-ЙОРК ИСЧЕЗ. Роман	61
When New York vanished, (Startling Stories, 1940 № 3), пер. Андрей Бурцев	
ТИХИЙ РАЙ	193
Silent Eden, (Startling Stories, 1942 № 3), пер. Андрей Бурцев	

Читайте в
следующем томе:

Генри Каттнер

Следующим томом будет Приложение № 13, в котором продолжается публикация новых переводов Г. Каттнера. В том войдут повести «Вспомни будущее», «Бог по имени Кроо», а также другие произведения.

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Мстители пространства